

«Петербургский дневник» представляет

Николай Прокудин

Вчерашний бой я видел снова и снова, как в кино. Убитые наши, подстреленные душманы, раненый офицер, кровь, пули, взрывы, едкий страх перед надвигающейся со всех сторон смертью, четыре часа непрерывной перестрелки.

Вернуться
ЖИВЫМ

Писатели на войне, писатели о войне

Писатели на войне, писатели о войне

Николай Прокудин

Вернуться живым

«Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга»

2015

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68

Прокудин Н. Н.

Вернуться живым / Н. Н. Прокудин — «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга»,
2015 — (Писатели на войне, писатели о войне)

ISBN 978-5-91498-061-7

Автора этой книги, храбро воевавшего в Афганистане, два раза представляли к званию Героя Советского Союза. Но он его так и не получил. Наверное, потому, как он сам потом шутливо объяснял, что вместо положенных сапог надевал на боевые операции в горах более удобные кроссовки и плохо проводил политзанятия с солдатами. Однако боевые награды у него есть: два ордена Красной Звезды, медали. «Ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке Кабульского аэродрома, — пишет Николай Прокудин. — Это был крепкий немецкий чемодан, огромных, прямо гигантских размеров, который называют «мечта оккупанта». В нем уместились бушлат, шинель повседневная, шинель парадная, китель повседневный и парадный, хромовые сапоги и еще много всякой ерунды. Я глубоко вдохнул раскаленный июльский воздух Кабула... Когда пьянство и дурь гарнизона окончательно осточертели, все-таки добился перевода за границу. Моей «заграницей» стал уже много лет воюющий Афганистан. Что там на самом деле происходит, ни я, ни мои сослуживцы толком не знали». Вернувшись с войны, Прокудин стал писать. Зачем? «Душа болит за тех, кто погиб на афганской войне», — говорит писатель.

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68

ISBN 978-5-91498-061-7

© Прокудин Н. Н., 2015
© Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга, 2015

Содержание

ПЕРВЫЙ РЕЙД	6
ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	17
БАМИАНСКАЯ МЯСОРУБКА	25
ПРОКЛЯТЫЕ ЧЕРНЫЕ ГОРЫ	42
НОВЫЙ ГОД В ГОРАХ	54
ТЕПЛОВОЙ УДАР	66
БОЙ ПОД ТАЛУКАНОМ	76
МЕСЯЦ КОПЧЕНИЯ НА СОЛНЦЕ	83
КАРАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ	92
В «ЗЕЛЕНКЕ» ТАНКИ ГРОХОТАЛИ, ТАНКИСТЫ ШЛИ В ПОСЛЕДНИЙ БОЙ...	97
ИМИТАЦИЯ ВЫВОДА ВОЙСК	104
ДЕСАНТ В ОГНЕННЫЙ КАПКАН	118
ОГНЕННАЯ ЛОВУШКА	128
ГЛУПОСТЬ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?	138
ПРОЩАНИЕ С ТОВАРИЩАМИ	148

Николай Прокудин

Вернуться живым

ПЕРВЫЙ РЕЙД

После года службы в ТуркВО я попал в Афганистан, в Кабул, в рейдовый мотострелковый батальон. Война шла уже шесть лет. С этого момента для меня началась череда бесконечных боевых действий...

Рота гудела и суетилась, как растревоженный улей. Завтра мой первый выход в боевой рейд – операция в районе поселка Пагман.

Была мелкая дрожь возбуждения от неизвестного, неизведанно го – завтра могут и убить: «вот пуля пролетела и – ага!». Готов ли я морально и физически, сам не мог этого понять.

– Замполь! Нервничаешь? – поинтересовался командир роты капитан Кавун.

– Есть немного... Иван, я не знаю, что взять, что надеть...

– Не переживай, Ростовцев! Мы со старшиной тебе поможем. Я подарю свою вторую песочку – маскировочный костюм такой, очень удобно ходить в жару, он как из парусины. Дам и лифчик-нагрудник. Спальник и кроссовки есть?

– Спальник мне подарил предшественник Алексеев, а кроссовки я куплю.

– Вот и хорошо, а остальное имущество старшина Веронян выдаст. Быстрее шуруй в каптерку.

Прапорщик-армянин Веронян, довольный возможностью снисходительно помочь молодому офицеру, засуетился вокруг меня и выдал фляжки, вещмешок, ложку, котелок.

– Не дрейфь, замполит! Гога тебя и соберет, проводит и обратно дождется. Не бойсь – живыми вернетесь, все будет хорошо!

Я получил закрепленный за мной АКС-74, взял четыре гранаты, две пачки патронов в лифчик и четыре рожка, снаряженных патронами, пару сигнальных ракет, кинул в рюкзак мешочек с еще парой сотен патронов.

Взводные проверяли готовность бойцов, продолжалась суета, и конца ей было не видно. Солдаты носили сухпай в БМП, стоящие в автопарке, пополняли боекомплект, таскали баки с водой, вещи. Грузили, грузили, грузили. Из каптерок волокли старые матрасы, чайники, какое-то невероятное количество барахла. Построение. Сначала офицеры роты сами выявляли недостатки, проверяли снова и снова, осматривая экипировку.

После обеда начальник штаба построил батальон. Злобно шевеля чапаевскими усами, НШ майор Подорожник ходил по ротам, орал, язвил, ругал командиров рот и дал время на устранение уймы недостатков. Через час он вновь построил батальон и доложил комбату о готовности.

Комбат подполковник Цыганок, бродил между ротами ленивой походкой, всем видом показывал, что он болен, безнадежно устал и делает одолжение этому батальону проверкой. В итоге комбат ругнулся и пошел докладывать в штаб о готовности. На боевые батальон вел начштаба майор Подорожник, а сам комбат сачковал, зная, что через месяц уходит на повышение.

Через час уже офицеры управления полка изучали нашу готовность. Командование строевой смотр решило повторить, но времени не хватило, сроки выхода сократили.

Ротный показал мне бронемашину, на которой предстояло ехать старшим.

– Садись на башню, самое идеальное место, а бойцы сами знают, где и как ехать. Главное – будь всегда на связи.

Я забрался на броню, сел на край люка, солдаты разместились кто где, и вскоре полк начал медленно вытягиваться в колонну. Между колесными машинами вставляли наши БМП-2 – для защиты тыловых подразделений. Техника не спеша выдвигалась из полка и растягивалась по дороге. Головные машины миновали дорогу к штабу армии, а замыкание колонны полка еще подтягивалось из парка. Мощь! Внезапно ко мне на броню забрался старший лейтенант из управления полка – секретарь комитета комсомола Артюхин.

– Григорий! Ты что меня пасти будешь?

– Да нет, не переживай! Для компании поеду с тобой! Я от политаппарата полка иду с батальоном, ну и тебе веселей будет...

Уже вечерело, когда мы входили в центр Кабула. Множество разных будок-кунгов выехали из штаба армии, еще больше тыловых машин, поэтому мы ползли очень медленно.

Августовское солнце нещадно палило, броня была раскалена, несмотря на то что день заканчивался и солнце медленно клонилось к горам. Полк застрял напротив здания афганского Министерства обороны. Колонна стояла долго, бойцы дремали, привалившись друг к другу, держась за автоматы, засунутые прикладами между фальшбортами.

– Никифор! Я завтра выплусь, а тебе в горы с утра. Чего рядом сидеть? Ложись в десант, потом поменяемся, – предложил старший лейтенант. – Матрас в десантное отделение бросил?

– Да, бойцы в каждый отсек кинули. А связь?

– Я на связи посижу, давай шлемофон, – успокоил Григорий.

В левом десантном отделении было свободно от ящиков и коробок, я бросил рядом автомат, лифчик не расстегнул, захлопнул люк, но сон не шел. Лежал, скрючившись, нервничал, а вдруг из гранатомета в борт бахнут или подрыв! А вдруг нападение? Было душно, неудобно, непривычно. Колонна двигалась короткими рывками, метров по сто-двести. Трясло, качало. Меня понемногу сморило, что-то снилось мирное и домашнее...

Солнце выбралось из-за горного хребта быстро, как будто спешило излить свою огненную злобу на пришедших чужаков. Ветер приносил утреннюю свежесть, пока было прохладно. Колотила мелкая нервная дрожь.

Вся долина, куда собиралась техника батальона, медленно заполнялась машинами множества штабов.

Вдруг раздался страшный грохот – это установки «Град» и «Ураган» начали сеять смерть в горах, посылая вдалеке снаряды. Огненные хвосты исчезали сериями в небе. Они были похожи на кометы, только не падающие, а взлетающие. Но где-то эти рукотворные кометы обрушатся на землю и будут сеять смерть. Не хотелось бы попасть туда, куда эти заряды обрушатся!

Батальон рассредоточился на ротные колонны и занял оборону, экипажи принялись строить небольшие укрепления из камней вокруг машин, а пехота, матерясь и подгоняя друг друга, начала строиться возле брони повзводно и поротно. Ротные ушли на командный пункт полка. Не успели взводные навтыкать солдатам, как Кавун уже вернулся обратно.

– Офицеры, ко мне! Прапорщик тоже! – специально для командира гранатометно-пулеметного взвода Голубева (старый пройдоха попытался прилечь в тени возле пулемета) с ехидцей произнес ротный. – Задача нам такая: рота действует отдельно. На трех машинах нас подбросят вот к этой отметке. – Ротный ткнул в точку на карте. – Седлаем хребет над шоссе и контролируем соседний кишлак и подходы к дороге – ждем удара со стороны горы Курук, ну и, вообще, отовсюду. Рядом не будет никого – техника сразу уйдет, и мы останемся одни.

Поставив задачи, рыжий Ваня почесал затылок и, сморщив веснушчатый нос, простонал: – Эх, где же моя долгожданная замена!

Мы ползли по склону все выше и выше. Мой первый подъем в горы!

– Ну, как дела, Никифор? – спросил командир роты.

– Тяжеловато, жарко! – промямлил я ему в ответ, желания болтать не было никакого.

– Это все пока ерунда – разминка. Вот когда тысячи на три вверх ползем или совершим марш километров на тридцать по хребтам, вот тут ты маму-папу вспомнишь, пожалеешь, что родился. А пока тренируйся, привыкай, – посоветовал Ваня и дружески похлопал меня по спине.

В лощине двигались два силуэта. Ротный взглянул в бинокль и задумчиво сам себя спросил:

– Что за черт этих баб здесь носит?

Вдруг раздался выстрел, и одна из женских фигур завалилась на бок, а узел, который она несли, упал к ее ногам.

– Кто стрелял?! – заорал Иван. – Какая сволочь бабу убила?

– Я стрелял! – задорно крикнул солдат, закидывая снайперскую винтовку за спину. – Еще не известно: может, под этой паранджей не ханумка, а «дух» бородатый.

Это был Тарчук, один из двух спецназовцев, которые после излечения в госпитале перед самым рейдом попали к нам в батальон, их прислали на доукомплектование, и кто они такие и чем дышат – толком было не известно. Ротный подошел вплотную к солдату, зло взглянул в глаза и резким ударом в челюсть сбил снайпера с ног.

– Без моего разрешения даже не дыши! Придурок! Еще один такой выстрел, и ты труп! Нам за эту бабу таких люлей могут навалить. Роте тут неделю сидеть. Если что случится, я тебе вторую ноздрю порву. – Одна из ноздрей солдата была рассечена, и вся правая щека испещрена шрамами от осколков. – Тут тебе не анархия – забудь спецназ. Я для тебя царь и бог. – Пнув снайпера в бок, ротный переступил через него.

Тарчук что-то прошипел, но я склонился над ним и тихо спросил:

– Что шипишь как гадюка? Зубы мешают? Добавить?

Такой ласки от меня солдат не ожидал. Он сел, сплюнув кровь себе под ноги, и ехидно пробормотал:

– Ротный руки распускает – неуставные взаимоотношения. А замполит не замечает...

– Замечаю! Могу добавить. А пикнешь – пойдешь под трибунал за бесчинство по отношению к местному населению. Заткни пасть, вытри физиономию и шагай в гору.

Я с трудом, преодолевая тяжесть в ногах, догнал ушедшего вперед капитана. Пот струйками лил по лицу и спине, снаряжение тянуло назад, ноги вверх идти не хотели.

– Товарищ капитан! Может, не надо было ему морду разбивать? Стуканет в полку, шуму не оберемся!

– Обойдемся без товарищей капитанов! Называй меня по имени – Иван! Уверю тебя, этот не будет докладывать – «Ноздря» будет молчать. Ты еще до конца не понимаешь, какая сволочь к нам в роту попала? Убийца! Мало ли за что его к нам сослали. Почему после госпиталя в спецназ не забрали – сбагрили нам. А почему? То-то и оно, что сволочь, видно, большая, вот его из спецназа и сплывили. Наверняка наркоша! Присмотришь, надо от него избавиться. Устроил, гад, приветствие от «шурави» местным аборигенам...

Через полчаса выбрались на небольшое плато. Командир разделил роту по трем точкам. Первый взвод и ГПВ (гранатометно-пулеметный взвод) посадил чуть выше, второй взвод и замкомроты Грошиков – на левую вершинку, третий взвод и управление с приданными саперами, минометчиками с минометом, артиллерийским корректировщиком – справа и по центру плато. Солдаты тотчас бодро и дружно взялись строить из камней что-то непонятное.

– Иван, что они городят?

– А это эспээсы (стрелковое противопульное сооружение – СПС). В таких укрытиях будем ночевать, а если нападут – то из них отбиваться. В горах окопы не роют.

Приближалась ночь. На много километров вокруг других подразделений не было. Мы одни. Вопросов было много, но я не знал ответов. Как быть с охраной? А если все заснут и нас пережут во сне? Почему ротный не отдает приказы?

Но тревожился я напрасно.

– Ник! Они и без меня все знают, чего воздух сотрясать. Сейчас сержанты распределят солдат по количеству постов и по времени несения охраны. А вы, то есть ты и взводные, ночью будете их проверять, чтоб не спали и охраняли мой священный сон заменщика.

И ротный широко заулыбался.

– Пошли обедать!

– Да я еще не достал и не открывал сухпай.

– Эх! Всему тебя предстоит учить! Солдаты давно приготовили еду. Отдай замку (заместителю командира взвода) свои банки в общий котел. Приготовят и позовут. Санинструктор, чай вскипел? – рявкнул Ваня.

– Чай, чай, опять чай, – проворчал сержант Степан Томилин. – Я шо, кашевар, что ли? Наверное, узбеки уже усэ сварили.

– Так сходи и уточни! Иначе сам будешь кипятить. Ты что не беспокоишься о здоровье командира-заменщика? Чем недоволен, Бандера?

– Чем недоволен? Всем доволен! – забурчал Степан. – Один идиот выстрелил, а теперь, отгребет вся рота. А мне потом раненых перевязывать! Вбыв бы, дурака...

– Степан, не философствуй, не бубни и не разглагольствуй. Сказано про чай узнать, а не насчет придурков возмущаться.

Томилин, ворча под нос, ушел к костру, разведенному за грудой камней и, продолжая ворчать и чертыхаясь, воротился с двумя кружками.

– Чай подан! – произнес он с достоинством и высокомерием опытного официанта ресторана «Метрополь». – Сейчас будет еще и каша.

– А бифштекс? А фрукты? Где витамины, Бандера? – с наигранным изумлением произнес Кавун.

– Нема, ничего бильше.

Притворившись раздосадованным, ротный вздохнул и попытожил:

– Да, Степан, не видать тебе дембеля, если будешь меня так плохо лелеять. Я же до замены не дотяну – печень после желтухи ослаблена, – чем будешь спасать ее, медицина?

– Може вашей сгущенкой!

Командир улыбнулся и продолжил театр одного актера:

– Опять сгущенка моя! Нет чтоб лечить своей!

– Свою я и сам зым, тоже пора здоровье беречь к дембелю.

– Здоровье беречь! Тебе, земляк, целый год по горам ползать!

– Не год, а восемь месяцев!

– Эх, если б мне столько оставалось – я бы, Степан, повесился!

– А шо тогда замполиту делать з его двумя рокими? – съехидничал сержант.

– Два раза повеситься! – весело заржал капитан. – Лейтенант! Ты даже представить не можешь, сколько тебе не то что до замены – до отпуска! Ну, не грусти, замполит, пей чай и береги здоровье. Расслабься.

Я загрустил от нахлынувших мыслей о предстоящих двух годах с их бесконечными походами по горам.

– Хто-то идет к нам и не понятно як! – доложил подошедший замкомвзвода сержант Дубино.

– Как это «не понятно как»? – переспросил ротный.

– А так! Чудно. Вы сами посмотрите...

Я посмотрел в бинокль: в распадок между двумя склонами входила отара овец, а по склону на одной ноге, опираясь на костыль и палку, поднимался парнишка. Малец так ловко и шустро перемещался, что вскоре был уже рядом и что-то громко кричал.

– Просит не стрелять, – перевел пулеметчик-таджик.

– Зибоев, скажи, пусть хромает сюда – не тронем. Бойцы! Всем по СПСам – не торчать столбами, чтоб нас не сосчитали. Зибоев, стой здесь – переводить будешь!

Через пару минут на вершину выбрался мальчишка без правой ноги ниже колена, опирающийся на самодельные костыли. Лицо, руки и ноги ребенка были черным черны то ли от загара, то ли от грязи. Сверкая белыми зубами, он сразу начал что-то быстро-быстро рассказывать.

– Говорит, что он из кишлака – того вон рядом у дороги. Просит больше не стрелять, кишлак не трогать, его не обижать и овец не убивать, – перевел солдат.

Кавун заверил мальчика, что все будет нормально, стрельбы не будет, если в нас ночью тоже не станут стрелять.

– А зачем ханумку убили? – перевел очередной вопрос Зибоев.

Ротный со злостью взглянул в сторону снайпера с рваной ноздрей и с простодушным видом ответил:

– Переведи – не разглядели, ошиблись, показалось, что душман убегает. Но если кто-то не поверит – захочет отомстить, – разнесем весь кишлак. А пока пусть садится с нами чай пить.

Мальчишка ловко сел на землю, опираясь на костыль, и подsunул здоровую ногу под зад. Солдаты выделили ему банку с кипятком, заварку, кусок сухаря, сахар. Я глядел на мальчишку, и мне было дико от этого зрелища. Пастушок без ноги, совсем ребенок, лет одиннадцати-двенадцати. Но как же он ловко передвигается в горах! Вот он – один из ужасов войны, невинная жертва этой мясорубки. Война становилась реальной и принимала все более ясные очертания.

– Что с ногой? Ты, наверное, душман? Ногу «шурави» отстрелили? – пошутил санинструктор. – Хочешь, пришью другую. Я медик!

Мальчишка засмеялся грубоватой шутке и начал что-то быстро трещать переводчику.

– На мину наступил года три назад. Уже привык – обойдется без пришивания ноги, – перевел Зибоев.

Паренек уперся в землю, встал на здоровую ногу, подхватил костыли, попрощался и затопился вниз к отаре и второму пастуху.

– Парламентер! Все обсмотрел, всех сосчитал, чертенок, если «духи» рядом – будут про нас знать все необходимое, – подвел итоги переговоров командир.

Перед отбоем Иван поставил задачи на ночь:

– Охранение усилить! Офицерам не спать и проверять посты всю ночь. Пастухи – это «духовская» разведка. Твою мать – бабу убили! Тарчука самого бы прибить вместо нее. Пехоте снести мины к миномету, ленты к АГС и «Утесу». Связистам быть постоянно на связи – не спать! Поставить растяжки из сигналок и гранат, но подальше, а то свои, засранцы, подорвутся. Да растяжки установить, как стемнеет, чтоб из кишлака не видно было, где ставим. И аккуратней, чтобы сами минеры не подорвались. Про ханумку я начальству не докладываю, и ты, замполит, не сообщай. Местные, может, тоже жаловаться не будут, тут ведь территория «духовская». Думаю, все обойдется...

Я смотрел в черное-черное небо – сон не шел – было неуютно. Война под боком – внизу «духовской» кишлак, где-то рядом банда, и их, может быть, там больше, чем нас! А мы спокойно завалились тут и спим, выставив небольшое охранение! Снимут часовых и перережут, как баранов...

Легкий ветерок обдувал лицо, и после дневного зноя было замечательно. Одно неудобство – камушки кололи в спину сквозь спальный мешок и одежду, да автомат и магазины упирались в бок. Неудобно, неуютно, непривычно. Едва закроешь глаза – они сами собой открываются. Небо было настолько великолепным, а звезды такими необыкновенно яркими и близкими, что опять возникло ощущение полета – не уснуть! Ворочаться не получалось, так как наши тела (мое, ротного и Бандеры) были спрессованы малым пространством укрытия. Я расстегнул молнию спального мешка и вылез, стараясь не помешать сопящим соседям.

Натянул кроссовки, взял автомат и начал обход постов – все три поста управления роты меня окликнули. Солдаты не спали – бодрствовали не только часовые. Лейтенант Саня Корнилов весело болтал с арткорректировщиком. Подсев к ним, я попил душистого чая, и мы долго травили анекдоты, но жутковатые, неприятные ощущения не пропали. Александр, пошел в первый раз на боевые, как и я, и чувствовалось, что нервничает не меньше моего. Обговорили очередность проверки постов, завел часы на четыре утра – мое время проверки – и вернулся к своему «ложу». Санинструктор храпел очень выразительно, но после солидного тычка в бок мгновенно ответил:

- На связи... Усэ нормально. Не сплю.
 - Ну и не спи, а то храпишь, как паровозный котел.
 - Так я шо, я ведь слышу усэ. Сна ни-ни, та вы ж ошиблись.
 - Наверное, едва закрыл глаза, как тебе сало привиделось! Вот ты и захрапел.
 - Не, я дивчин люблю бильше сала!
- Наконец со второй попытки я крепко уснул...

Вроде бы только закрыл глаза, как тут запиликал будильник на электронных часах. С трудом проснулся. Вылезать из теплого пухового укрытия не хотелось. Было темно, но уже намечался рассвет. Воздух и земля были пронизаны сыростью от выпавшей росы, а ветерок, который вечером доставлял удовольствие, теперь вызывал дрожь в теле.

Связист ответил в полудреме, что все нормально, мол, недавно взводный бродил, проверял и во взводах тихо и спокойно. На постах бойцы тряслись от холодной сырости, а молодые солдаты еще и от страха. Сколько я не вглядывался в низину, ничего не было видно – туман полностью накрыл ущелье. Если бы курил, то покурил бы, а так лишь попил водички, съел конфету, пожевал галету. Чтобы занять чем-нибудь мозг, я пересчитал проведенные в этой дикой стране дни. Получилось меньше месяца...

После завтрака ротный собрал офицеров.

– Солдат нужно чем-то занять. Чтоб они не бездельничали, пусть строят ячейки для стрельбы лежа и дополнительные СПСы для круговой обороны, да по очереди почистить оружие.

Я отправился по взводам поговорить с молодежью. Многие из них смертельно боятся и чудовищно устали. Подбодрил как мог.

Заместитель командира роты Сергей Грошиков позвал к себе в гости. Он сидел сотней метров выше нас и устроился гораздо лучше нас. В эспээсе они обитали вдвоем с прапорщиком Голубевым – хотели играть в карты, а третьего им не хватало.

– Ник, в «кинга» сыграем? – предложил Сергей. – А то мы двое старых контуженых воинов скучаем. Сидим тут как два дурака – умного не хватает.

Пообщаться с ветеранами не мешало бы. Хотя я играл плохо, но согласился.

– Серега, расскажи, как тебя контузило?

– Старая история... Это было в Панджшере в прошлом году. Рота шла на вершину, внезапно камушек из-под моей ноги выскользнул. Сволота! Кувыркнулся, упал на спину и лечу

по гладкой стене вниз головой – как Иисус Христос – руки и ноги разбросил в разные стороны. Пятками и ногтями пытаюсь тормозить – метров тридцать скользил в ущелье, пока голова не наткнулась на какой-то валун. Что дальше было – не помню. Когда через полчаса или даже час меня вытащили и промедолом обезболили – два шприц-тюбика вкололи, – очухался и начал ржать, прямо как идиот. Твой предшественник Алексеев думал, что я от страха тронулся. А меня заклинило – я ведь на голове стоял полчаса. Руки не работают, ноги не идут, голова не варит. Одежда в крови, лицо в крови. Вертушкой вывезли в Кабул, оттуда в Ташкент. Оказалось, сотрясение мозга и трещина черепа, маленькая-маленькая, компрессионный перелом позвоночника – хорошо, что без смещений. Вот что значит голова дубовая и стоеросовая – все выдержала!

Сергей раскатисто засмеялся.

– А на меня стена дувала рухнула от взрывной волны, – поддержал байки у костра прапорщик. – Присыпало очень хорошо, очнулся – ничего не слышу. Врачи запретили пить водку. Три месяца терпел, а тут, когда понемножку начал пытаться киять, борьбу за трезвость начали. Гады ваши политработники! Вот уж, действительно, пришла беда – отвори ворота.

Голубев грустно вздохнул, а Грошикова финальная часть рассказа прапорщика развеселила, и он вновь залился раскатистым смехом.

– Эх, замполит, ты с Колобком плохо знаком. Комсомолец батальона дважды контужен – вот у него вместо мозгов одно сплошное мозговое месиво! – подытожил Сергей.

Как же не знаком. Еще как знаком! На третий вечер прибытия в полк и на второй день всеобщего батальонного загула дверь комнаты в общежитии, где устроился Никифор, настезь распахнулась от сильного пинка – загулом праздновали возвращение из рейда. На пороге стояли, обнявшись двое: Грошиков и Колобков – оба в драных тельняшках и армейских трусах, и каждый держал в руках по стакану и по бутылке водки. Ветераны включили свет, врубили музыку на всю катушку, и тотчас начались дикие пляски аборигенов. Ух! Ах!! Ох!!! Затем они схватили трофейные сабли, и начался танец с саблями. Пофехтовали некоторое время, а затем давай рубить металлические дужки коек. Бам! Бам!! Бам!!! Когда умаялись, рухнули без чувств на постели, уснули и захрапели, подражая паровозам. Мои глаза стали квадратными, потом гигантски круглыми, и нормальную форму приняли не скоро. Я обалдел от этого «представления»...

– Ладно, давайте играть, – сказал я. – Но я предпочитаю покер.

Поиграть не удалось. Тут к нашему укрытию подбежал солдат с радиостанцией:

– Товарищ старший лейтенант, вас командир роты...

– Второй слушает!

– Внизу родник, можешь сходить за водой. Организуй прикрытие.

– Понял. Выдвигаюсь.

– Ник, за водой пойдем? Голубев останется сверху, прикрывать, а мы водички поьем, – предложил Грошиков. – Прогуляемся...

– Хорошо! А потом от родника я вернусь к себе на позицию...

Три бойца собрали фляжки, и мы начали спуск. Серега отправил пулеметчика на пригорок у входа в распадок, а мы спустились к роднику.

Солдаты наполняли фляжки и по очереди умывались. Мы тоже умылись. Серега, глупо и нагло улыбаясь, вдруг заявил:

– Не люблю замполитов! Хочешь – сейчас тебя грохну? Из автомата...

Я понял, что это его очередная идиотская шутка, своеобразная проверка, и решил подержать игру.

– Стреляй, псих, – сказал я как можно равнодушной. Серега отсоединил магазин и направил на меня автомат.

– Испытание замполита на пуленепробиваемость!

Мне стало неприятно и как-то не по себе.

– Хватит глупостей, придурок!

Но Грошиков, ухмыляясь, снял предохранитель и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Серега изменился в лице: в одно мгновение сначала посерел, потом побелел, как лист бумаги, и пот заструился по щекам. Руки у него задрожали, автомат упал в ручей.

– Я ж-ж жив? – слова давались мне с большим трудом.

– Ник! Прости болвана, идиота! я не понял, как это получилось!! патрон оказался в патроннике!!! О! Я – дебил! – И он врезал себе по лбу кулаком-кувалдой. – А почему ты жужжишь?

– Да как говорится, сама б-б... и шутки б-б... ские. Спасибо, что не попал.

– Тебе повезло, что я взял выше плеча! Ну я дурак, ну дурак. – Он продолжал находиться в глубоком шоке, как и я.

– Видел идиотов, но ты самый крупный идиот!

– Как я не попал?! Как же я не попал? Боже! О!

– Переживаешь и жалеешь, что промазал? – спросил я, мои руки и ноги при этом подергивались мелкой дрожью, сердце стучало, как молот, но вида не подавал, что страшно.

Притихшие бойцы ошалело смотрели на нас, было тихо, словно на кладбище, лишь под ногами журчал ручей. Пауза затянулась.

– Ротный на связи, – вымолвил солдат с радиостанцией и протянул наушник Грошикову. – Вас требует...

Дрожащими пальцами Сергей взял наушник, ответил в ларингофон:

– Второй на связи! Выслушав ротного, сказал:

– У нас полный порядок, поднимаемся! И уже мне пояснил:

– Поднимаемся через КП роты.

Нагруженные флягами, солдаты медленно брели вверх по склону.

– Никифор, прости меня, засранца! Я хотел пошутить, глупо получилось... Серега обнял меня за плечи и сжал руку. – По возвращении с меня накрытый стол.

– Да пошел ты, дурак! Отвали! К черту!

– Как будто тебя каждый день расстреливают! Это же событие! Ну, все забыли! Хорошо?

Настроения не было никакого. Побрели наверх. Ротный стоял возле укрытия из камней, и злобно смотрел на нас. Руки в карманах, ногой притопывает.

– Что это было?

– Я нечаянно замполита чуть не убил. Патрон в патроннике случайно оказался. Глупо вышло...

– Все мозги через дырку в башке вытекли? Или чуть-чуть осталось?

– Я хотел пошутить... глупо получилось...

– Вижу, что не умно, на редкость не умно... В полку между рейдами все караулы будут твои. Чтоб дурь не кипела.

– Понял. Товарищ капитан, разрешите идти к себе на высоту?

– Давай, давай, и быстрее, товарищ старший лейтенант, а то не ровен час в меня пальнешь, – насмешливо, и все так же недобро произнес Кавун. Громила Грошиков побрел на позицию, тяжело загребая ногами песок, с видом побитого пса.

Теперь ротный взглянул мне в глаза и вздохнул:

– С кем я воюю! Эх, вы, офицеры! Круглые идиоты! Зеленые мальчишки! Пойдем чай пить. Вояка... Как самочувствие?

– Да ничего, терпимо, могло ведь быть и хуже.

– Могло... Списали бы труп на снайпера. Вот так. Рассказывай, как все было?

– Ай, чего говорить. Нелепость и глупая шутка. Идиотизм какой-то! Первый рейд – и мог погибнуть от пули своего же ненормального офицера.

– Кстати, чтоб ты знал – убивают, как правило, в основном новичков в первые месяцы, и заменщиков, а также перед отпуском и после отпуска. Необходимой концентрации нет. Расслаблены или неопытны. Ну, вот мы с тобой в равном положении: и ты, и я в периоде повышенной убиваемости. Да только я об этой войне все знаю: когда надо пригнуться, когда упасть, где упасть, куда наступить, и мне всего месяц-другой остался! А тебе еще... Кто знает, что тебе предстоит? Эх, послужишь с мое – все испытаешь.

– Ваня, а что у тебя было самым жутким на войне?

– Самое жуткое?.. Я тогда был ротным в третьем батальоне, стоял на дороге к Джелабаду. В зону нашей ответственности в район Асадабада ввели спецназ – свежие, только из Союза. Удали, самодовольства, самоуверенности много, а мозгов и опыта мало. Однажды они полезли в одно из ущелий, а поверху пустили лишь взвод. Это прикрытие зажали, перебили за полчаса, а затем взяли за передовую роту. Такое там началось – мясорубка!

Мой пост был ближе всех к месту боя, я получил приказ и примчался на трех БМП, однако пробиться в ущелье не получилось: «духи» плотно били из гранатометов. Бойня уже завершилась. Вскоре к нам выбрались несколько раненых. Мы принялись молотить из пушек по склонам, позже подоспела техника спецназовцев. Мы полезли в ущелье, но уже с хорошим прикрытием – вертушки помогали. Войти-то вошли, но добраться до места смогли только на следующий день. Потом трое суток трупы выносили, да еще под непрекращающимся огнем. Раненых почти не было. И вот когда спасаешься, прикрываясь покойником, и с другой стороны лежит такой же убитый пацан мордой в песок, и пули свистят со всех сторон, тогда и маму вспомнишь, и Бога позовешь. А когда жрать захочешь, то ешь, привалившись к мертвому телу, и банку для удобства на него поставишь. Вот так бывает! Эх ты, зелень! Первые седые волосы в своей рыжей шевелюре я именно после того боя обнаружил.

Капитан чуть помолчал и вновь продолжил:

– Мертвых устали выносить. Столько крови вокруг я никогда больше не видел и, надеюсь, не увижу. Грошиков только харахорится и бравивирует, а опыта на самом деле почти никакого. Из полутора лет он девять месяцев по госпиталям да отпускам. Надежды на него, как на опытного командира, – нет. Взводные – все новички, служат по одному-два месяца. И ты такой же салага! Прапорщик Голубев опытный, но заметно трусит после контузии. Вот такие дела. Держись меня, учись, запоминай и выживешь. Старайся выжить!

– Иван, ты нас все пацанами называешь, а самому-то лет сколько?

– Двадцать семь. Но из них два года – каждый год за три, понятно? Уже возраст!

Мне уже было значительно легче. После чая и консервов стало почти хорошо. Удивительно, но после шока аппетит разыгрался не на шутку.

– Ложись-ка спать, я твои три часа контроля на себя беру, – сказал Иван.

Целую неделю мы охраняли дорогу и контролировали высоты. Убитую женщину афганцы унесли и похоронили, а пастухи больше к нам не приближались. По шоссе время от времени проходили колонны машин и боевой техники на большой скорости. Прямо под нашим расположением ржавело несколько остовов сгоревших машин и БТР – ощутимые результаты засад мятежников.

На седьмые сутки в полночь рота получила задачу сниматься с позиции, создав заставу из десяти человек с тяжелым оружием и минометом. Остаться выпало Грошикову и Голубеву с расчетом АГС и минометом. Выход к кишлаку остальной части роты назначили на три часа ночи.

Кавун собрал офицеров.

– Господа-товарищи! У нас всего двадцать восемь человек. На высоте оставляем восемь бойцов. Со всех уходящих снять лишний груз: сухой паек и фляги с водой. Выложить побольше гранат, патронов, «мухи». Берем минимум боеприпасов, в разумных пределах, конечно, каждый выгружает половину. Уходим как можно тише и быстрее. На сборы даю ровно час. Спускаемся с горы через КП роты. Как только мы уйдем, вашу заставу ставим на эту точку. Грошиков! Все понял? Потом растяжки поставьте по периметру и не жалейте сигнальных ракет и гранат. Сколько времени вам здесь сидеть, я не знаю...

В три часа попрощались с заставой, и Серега Грошиков проводил меня напутствием:

– После моего неудачного выстрела жить ты будешь очень долго. Ха-ха!

Снялись с позиций и двинулись. Сначала медленно, потом быстрее и еще быстрее. Передовой дозор метрах в пятидесяти, затем остальные и замыкание. Я в замыкании с двумя бойцами. Идем тихо и почти беззвучно, материмся хриплым шепотом. А бойцы молодцы! Накануне вечером мешки хорошо уложили, сейчас ничего в них не стучало и не гремело.

Вышли на окраину кишлака, и тут же внезапно прозвучал одиночный выстрел. Пуля с визгом отрикошетила от асфальта и улетела в ночь, разрезав темноту. Затем раздалась короткая очередь и гортанный окрик. Поверх голов залегших на обочине бойцов просвистела цепочка пуль, и издали вновь донесся гортанный крик.

Кавун передал по живой цепочке свистящим шепотом:

– Не стрелять, в бой не ввязываться! Лежать тихо! Они нас не видят...

– Не стрелять... Не стрелять... Не стрелять... – прошептала друг другу вся цепочка солдат.

– Кто знает, сколько тут «духов»? А может, это «царандой»? Союзнички! Обойдемся без перестрелки, – прошептал мне в ухо Иван.

Словно призраки, стелясь по земле, мы уползали на окраину кишлака. Вступать в бой нельзя. Неразумно. Рота отползала все дальше и дальше.

Вскоре на шоссе послышался шум приближающейся техники. Броня подходила все ближе и ближе. Наконец темноту разрезал свет автомобильных фар, бронемашин торопливо выскочили из-за поворота, и вскоре «коробочки» затормозили рядом с нами, направив пушки и пулеметы на ближайший кишлак. Рота загрузилась по машинам за пару минут, БМП мгновенно развернулись и умчались прочь, как будто нас здесь никогда и не было.

Наших бойцов на посту через три недели заменили десантниками, и с этой стороны гор «эрэсами» Кабул больше не обстреливали. Пока мы сидели на «курорте» и, попивая чай, прикрывали дорогу, третья рота, прочесывая местность, нарвалась на банду и потеряла убитыми двух солдат. Отступающих после успешного боя «духов» прямой наводкой накрыли танкисты – примерно десять из них нашли свою смерть.

А нашей роте повезло: мы действительно словно отдохнули на курорте. Мой товарищ по путешествию из Ташкента в Кабул замполит третьей роты Коля Мелещенко в первом бою остался жив. Теперь, оборванный, запыленный и чумазый, он шел ко мне навстречу, широко раскрыв объятия. На его голове была полевая дурацкая панاما, в которой он походил на пасечника. (После этого кличка Микола-пасечник надолго закрепилась за ним.)

– Никифор, шо было, шо было! Пока вы там наслаждались жизнью, мы воевали!

Проходивший мимо Кавун громко заржал, услышав возбужденный рассказ насмерть перепуганного Мелещенко.

– Вояка! Штаны сухие?

– Насмехаешься! Бой был такой ужасный! Во я попал в историю! Думал, в Кабуле будет спокойная жизнь...

Мы дружно рассмеялись над грустной физиономией Миколы...

Полковая колонна потянулась следом за тылом дивизии. Я с интересом разглядывал местность, ведь в этой дикой, богом забытой стране мне предстояло воевать два года. Если, конечно, повезет...

Глиняные дома, вокруг них небольшие обработанные квадраты полей и всюду глиняные дувалы (заборы), огораживающие плохо ухоженные сады и виноградники. Всюду вокруг кишлаков бесконечные заросли виноградников. Время от времени мы проезжали мимо верениц разбитых домов с провалившимися крышами, разрушенными дувалами, а вдоль дороги валялись сгоревшие автомашины различных марок и бронетехника. Наводило на грустные мысли: сколько тысяч жизней оборвалось и с той и с другой стороны?..

ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В полк прибыло молодое пополнение, и целую неделю проводились занятия по натаскиванию солдат – готовили их к боевым действиям, к выживанию. Механики и наводчики-операторы готовили технику: заряжали боекомплект, проверяли и ремонтировали ходовую часть и движки.

Однажды утром командир полка срочно собрал всех офицеров.

– Товарищи офицеры, послезавтра выход на Джелалабад. Полк давно не проводил там операцию, район боевых действий новый для большей части офицеров, задачи будут известны только завтра. Приказываю сегодня получить карты и готовиться к выходу. Начальникам служб – обеспечить подразделения всем необходимым, пополнить боезапас, улетающим в горы продукты получить на трое суток. Немедленно составить списки убывающих и подать в штаб.

Началась дикая суета. Солдаты, как шустрые муравьи, стали таскать туда-сюда мешки, коробки, вещи, боеприпасы. Писарь составил списки на уходящих на боевые. Вскоре получили распоряжение из штаба разбить роту по восемь человек – для десантирования вертолетами.

За полковыми продовольственными и вещевыми складами разметили площадку для вертолетов. Раньше вертушки я видел в основном только в кино, а в Афгане летал один лишь раз из Кабула в Баграм – становиться на партучет.

Задачи ротам поставили непосредственно на площадке. Повышенная секретность! Офицеры отметили точки на картах, разбили подразделения для десантирования по восемь человек. Через три часа ожидания появились вертолеты, и началось... Посадка – взлет, посадка – взлет... пыль... песок... Батальонный разведзвезд разделили пополам, одна половина попала под мое командование.

Ветер раздувает волосы, глаза запорошило пылью. Наклоняясь почти до земли, с трудом бредем к открытому люку. Влезли, взлетели, а парашютов-то нет! Глянул вниз с замиранием сердца – земля все дальше и дальше. Страшно. Смотрю в иллюминатор: фигуры людей не видны, летим высоко. Постепенно наступило успокоение, и мысли потекли в несколько философском направлении.

«Собьют? Не собьют? А если и собьют, может, сядем? А если погибнем? Но ведь могут убить любого человека в любой момент (погибают и в мирное время: машиной задавит, кирпич на голову, инфаркт). Чепуха все эти мои страхи. Вон даже опытные солдатики хоть и бравируют, но заметно нервничают, ведь батальон впервые десантировался на вертолетах».

Постепенно началось снижение. Вертолеты один за другим на бреющем полете стелились по изгибу речушки в ущелье. Моя вертушка оказалась над широкой долиной, похожей на зеленый остров между угрюмыми серыми скалами. Внизу шел бой, и мы, высадившись, сразу же втянулись в него. Я не мог понять, откуда били по нам очередями, поэтому мы стреляли во все стороны от площадки. Под прикрытием шквального огня вертолетов батальон занимал позиции, расплзаясь все шире по долине.

Ротный веселыми воплями встретил меня.

– Ну, что, рейнджер, жив? «Духи» уходят по ручью к горам! Человек десять ускакали на лошадях – прямо как в кино «Белое солнце пустыни». Кто только будет Суховым? Наверное, Подорожник. Но где, черт возьми, таможенник Верещагин с ручным пулеметом! – и Кавун громко и нервно заржал.

Минометы били в глубь «зеленки», бойцы стреляли без треног прямо с руки, толком не зная куда, а пехота понемногу упорно ползла вперед: от куста к кусту, от бугра к бугру, от камня к камню. Пули свистели над головой, а часть падала перед нами и рикошетила от булыжников. Рота шла перебежками и переползаниями. Попались по пути первые трупы животных и бородастых «духов». А у нас в батальоне появились раненые – раненые были во второй роте. Кого-то окровавленного пронесли в приземляющиеся вертушки. Суета сует: одних сюда, а других уже обратно.

Вот вся десантная группа полка уже в ущелье. Разведбат и восемьдесят первый полк расположились немного правее по гребням ущелья, а десантники где-то дальше за перевалом.

Мы проползли открытое пространство и устремились скорее в кишлак, который уже трясет полковая разведка. Несколько «бородастых» валяются в овраге, на краю кишлака. Этим лошадей не досталось, они не успели уйти и бились до последнего патрона.

Второй бой, но я никого не завалил, а живых «духов» не видел. А что же делал я? Стрелял куда попало, впрочем, как и вся остальная рота. Василий Иванович Подорожник вызвал Кавуна, и вскоре тот вернулся хмурым и озабоченным.

– Ну вот, попали в переделку. Черт подери! Да тут «духов» раз в пять больше, чем нас, и нога «шурави» никогда не ступала на эту помойку. Слушай боевую задачу: берешь трех бойцов и вон за тем крайним жилищем на горке занимаешь оборону. Ночью не спать. Ты в боевом охранении от нашей роты. Вот тут и тут будут заставы от второй и третьей роты. Смотрите, не постреляйте друг друга. Бери людей из второго взвода. Удачи! Да, и костры не разводить! Маскироваться...

– Когда выходить? Пожрать бы, – вздохнул я.

– Выходить прямо сейчас, а то совсем стемнеет, и хорошую позицию выбрать не сумеешь. Перекусите в дозоре холодными консервами.

Узкая тропинка вилась между заборов, выложенных из огромных камней, и забиралась все круче и круче. Моя группа уже в глубоких сумерках выбралась на вершину сопки. Кишлак лежал как на ладони, и в нем продолжалась суета: огни, шум, гам. От костров тянуло дымком и пищей. А мы жевали сухари и холодную кашу с мясом, вернее с присутствием мяса.

Солнце рухнуло за горный хребет, и темнота заполнила долину, словно землю укрыли темным одеялом. Подул ветер, свежесть перешла в прохладу, которая сменилась мерзкой сыростью. Постепенно и я, и бойцы на пронзительном влажном ветру замерзли – не согревали и бушлаты. Невероятно! Субтропики, конец августа, днем жара, а ночью пронизывающий собачий холод. Как говорится, попали из огня да в полымя! Бушлата у меня не было, не взял по неопытности, оставил в ротном лагере, поэтому накрылся расстегнутым спальным мешком.

Ночь напролет мы дрожали на прохладном ветру, а утром выпала обильная роса, и мы вдобавок промокли.

С рассветом мы спустились злые, как черти. Но ни поспать, ни погреться не удалось. Командир полка ревел, как разбуженный медведь-шатун, и разгонял подразделения по задачам – искать трофеи. Я поздоровался с офицерами и тут же занял свое место в хвосте колонны. Ротный велел мне подгонять отстающих, и мы вместе с санинструктором побрели в замыкании. Томилин, как всегда, тихо бурчал и ругался. К обеду добрались до убогих полуразрушенных артиллерией домов. Наконец привал! Какое счастье!

– Офицеры, ко мне, – выкрикнул Кавун и начал ставить задачи. – Отцы-командиры! Повзводно прочесываем местность, в этом районе сконцентрированы склады оружия и боеприпасов. Для этого нам придаются саперы. С нами работает командир саперов – старший лейтенант Шипилов. Офицер опытный – весь его боевой опыт отражен на физиономии. Самим никуда не лезть – прикрывать и обеспечивать им работу. Сапер, инструктируй народ!

Плотный сапер, с квадратным лицом действительно имел внушительный вид настоящего боевого офицера. Подбородок был рассечен глубоким шрамом, такой же шрам пересекал щеку,

а лоб и нос были испещрены следами от извлеченных осколков. Лицо багровое то ли от ожога пороховым зарядом, то ли от постоянного обветривания. Коренастый и широкоплечий.

– Господа пехотные офицеры! Если не хотите иметь рожу как у меня и вообще хотите иметь лицо и руки, то никуда не лезьте. Рыть землю носом будут саперы, а вы их хорошенько охраняйте. Ну и помогайте выносить, если что сумеем найти.

– Стаскиваем трофеи сюда, – вернул бразды правления себе Кавун. – Здесь хорошая площадка для вертолетов. За работу!

Вскоре появились первые результаты – Шипилов оказался мастером своего дела. В тайнике в камнях обнаружил цинки с патронами, ящики с гранатами. В сарае первый взвод обнаружил ДШК и больше сотни выстрелов (зарядов) к гранатометам и безоткатному оружию, несколько сотен ящиков пулеметных патронов, больше сотни мин «итальянок», в другой хибаре оказался миномет и сотни мин к нему. На наши доклады в ответ был слышен радостный визг комбата и комполка. И тут нам несказанно повезло – солдаты нашли склад спальных мешков. Спальники были не пуховые, как у меня и ротного, а из поролона, очень легкие, хотя и не очень теплые. Но это была огромная удача! Солдаты притащили сотни спальных мешков, перенесли склад с продовольствием и склад с медикаментами! Горы трофеев вокруг площадки росли все выше.

Вскоре к нам спустилась группа солдат с командного пункта полка, и, набрав спальные мешки для штаба, очень довольные трофеями удалились. Пришли такие же ходоки от управления батальона и носильщики из других рот. Нагрузились продуктами, спальниками и обратно. Санинструкторы выбрали таблетки, порошки, бинты. Явился и медик-прапорщик Айзенберг, по кличке Папа-доктор, со своими санитарями. В куче медикаментов лежали сотни пакетов итальянского кровезаменителя. Наш кровезаменитель разливали в пятисотграммовые стеклянные банки, и он часто бился и разливался, да к тому же, вливая его раненому, необходимо было держать емкость на весу.

– Смотри-ка, как умно придумано! – почесал прапорщик затылок в задумчивости. – Иглу втыкают в живот, а пакет суют под зад или под спину, и жидкость поступает, постепенно выдавливаясь. А мы как дебилы должны стоять с банками под обстрелом.

– Они раненому «духу» втыкают один пакет с иглой и еще несколько оставляют в запас. Бросят «духа» в пещере или травой закидают и уходят. «Душман» оклемается, отлежится днем, а ночью, если выживет, его забирают или уползет сам, – включился в разговор Степан. – Мы в Панджшере одного такого нашли, весь пакетами был обложен. Но ему не повезло, никакие лекарства не помогли. Скончался от дополнительной порции свинца. Весь магазин я в него всадил за недавно уничтоженную БМП и за сгоревших ребят.

Видимо, на сержанта нахлынули воспоминания, и Степан грустно вздохнул и нервно закурил.

– Степа, ты будто не скорой помощью работаешь, а патологоанатомом, – ухмыльнулся Кавун. – А как же долг эскулапа? А как же законы ведения войны?

– В жопу законы... – сердито буркнул Бандера.

С КП полка примчался авианаводчик с охраной и принялся сажать один за другим вертолеты.

Первая пара «Ми-8» села через полчаса на два разных яруса возделанных полей. Солдаты забегали как муравьи и быстро заполнили «стрекозы» трофеями: затащили пулеметы, несколько запасных стволов к ним, цинки с патронами, минометы и несколько старых раритетных винтовок «Бур» с патронами. В небе над долиной тем временем кружили два «Ми-24», постреливая по горным вершинам и осуществляя прикрытие площадки. Пара вертушек, загрузившись, взлетела, и на их место садилась следующая. Снова тащили мины «итальянки», цинки с патронами, ящики с гранатами, минометные мины...

Когда приземлилась пятая или шестая пара, из вертолета выскочил бортехник и бегом направился к нам.

– Командир, что будем вывозить?

– Вон гора из цинков с патронами, и штук сорок выстрелов к гранатомету, эрэсов штук сорок, мин столько же.

– Сколько же вы нахапали этого добра?

– Немало!

– А что-нибудь повкуснее есть?

– Ящик печенья, бочка варенья, – ухмыльнулся Кавун. – Но мы «мальчиши-плохиши» и ничего не дадим!

– Братцы! Подарите, чего не жалко, не жмотьтесь.

– Ладно, поделимся. Есть десять мешков муки, пять мешков сахара, мешки с рисом, ящик чая. Но, чур, сами все носите. Мои бойцы уже уморились...

К складу потянулась цепочка вертолетчиков. Забрав половину продуктов, они остановили погрузку боеприпасов и улетели. Следующая пара вертушек прилетела через полтора часа, но загружать боеприпасы не разрешили: лишь затащили мешки сахара и ящик чая, медикаменты и спальники, оставшиеся от тех, что полк не разобрал по ротам. Все тот же шустрый бортехник подбежал и пожал нам руки на прощание.

– Спасибо, ребята, выручили! Ох и порадует сегодня эскадрилья! На сегодня хватит – это был последний борт!

– А куда девать боеприпасы? – недоумевал Кавун.

– Подрывайте. Больше не прилетим...

– Брагу будете делать? – с видом знатока спросил Голубев.

– И брагу, и самогон. Спирт кончился! Ну, до встречи. Если что, вызывайте, не стесняйтесь!

И вертушки устремились ввысь, подняв тучи песка и пыли. Невывезенные цинки с патронами и мины остались лежать в куче, а солдаты продолжали подносить найденные выстрелы к «безоткатке». Надо было срочно остановить Шипилова.

– Что с этим всем делать будем? – поинтересовался Шипилов, придя на зов Кавуна.

– Слышь, крот! А ты прекрати рыть землю носом, – огрызнулся Кавун.

– Капитан! Я же не нарочно. Мин как грибов в сибирской тайге в грибной год. Я столько трофеев никогда в жизни не видел. Так, как возникшую проблему будем решать?

– А ты как предлагаешь?

– Пороховые заряды высыпем на эту кучу мин, цинки вскрываем и патроны высыпем туда же. Подожжем, и пусть взрываются. Снаряды, ракеты и гранаты сложим в самую крепкую избушку, и я их подорву, когда будем уходить. Пусть в космос летят – знатный устроим фейерверк!

– Давай, крот, действуй, руководи! – согласился ротный.

Солдаты сложили боеприпасы в кучу, снарядами нашпиговали самый крепкий дом и начали собираться отходить в горы. Затем бойцы распотрошили ящики, тюки, коробки, набивая вещмешки чаем, сахаром, рисом и выбрасывая консервы с кашей.

– Степан! Что за странный чай ты набрал? Какие-то горошины. На чай не похоже, – удивился я.

– О! Это самый замечательный чай в мире! – ответил сержант.

Я зачерпнул горсть мелких темно-зеленых горошин величиной с черной перцем.

– Эти темные шарики – чай?

– Потом, когда сварим, попробуете и восхититесь!

Все, что не смогли унести, рассыпали и сожгли. Степан тщательно растоптал два мешка лекарств – жаль не забрать, слишком тяжело. Рота постепенно выдвинулась в горы, а внизу

остались лишь три сапера и Шипилов. Вскоре взлетел на воздух дом со снарядами, затем загорелась куча с патронами и минами. Треск выстрелов, разрывы патронов и гранат раздавались часа полтора, пока мы выползали на точку для ночевки. Саперы догнали роту на середине гребня. Шипилов радостно улыбался, словно ребенок.

– Как вам мой фейерверк? – спросил меня старлей.

– Шикарно! Впечатляет! – буркнул я в ответ, тяжело пыхтя под весом мешка с трофейными продуктами.

Сапер ухмыльнулся и поспешил вперед. Солдаты забрались на горочку, перекусили. Они так вымотались за день, что с большим трудом смогли нести боевое охранение...

После трех суток поиска трофеев мы двинулись в путь. Рано утром (как всегда, рано утром!) батальон ждал роту в указанном квадрате – это был большой кишлак. Когда рота прибыла на место, мы застали неприглядную картину – все из домов было вытряхнуто на улочки: мука, рис, дешевое барахло, лавки, стулья, циновки.

– Дивизионная разведка постаралась, – пояснил Подорожник, отвечая на немой вопрос Кавуна и в очередной раз окидывая взглядом это разорение и разгром.

Вскоре минометчики поймали двух лошадей и погрузили на них минометы. Ах, хитрецы! Переход, судя по расстоянию на карте, предстоял долгий: по хребту вверх, затем спуск в ущелье, еще подъем на хребет, долгий марш по гребню и вновь спуск уже в долину. И лишь потом, наконец, бросок к технике по пересохшему руслу реки. Всего пройти предстояло километров пятнадцать. Или восемнадцать. Хорошо хоть сухой паек съели – все легче перемещаться. Разведчики и управление полка первыми двинулись в горы, затем пошла третья рота и вторая. Наша рота в очередной раз шла в замыкании. Бойцы шурились, сидя вокруг большого костра, в который время от времени подбрасывали корзины, циновки, поленья. В нем горело и что-то подозрительно знакомое. Я подошел поближе и в пламени разглядел свой немецкий пуховый спальник. Как не ходившему раньше по горам, ротный выделил мне «ординарца» (из взвода Корнилова) для заботы обо мне. О ротном всегда заботился медик Степан. Именно этот заботливый «ординарец» сейчас и сжигал мой драгоценный спальник.

– Ты что делаешь, гад? – заорал я.

– Чтоб «духам» не достался. Я его выбросил, – ответил, глядя мне в глаза, глупо ухмылявшийся солдат-азиат.

– А с чего он «духам» бы достался-то? Сволочь!

– У него замок сломался, и я вам новый трофейный взял. А этот белый – тяжелый, и спать в нем жарко. А зеленый – легкий, новый, хороший! – принялся нахваливать спальник узбек-«ординарец».

– Черт! Подсунул второй взвод дегенерата! Легкий, новый! А зимой что я буду делать в этом легком поролоновом? Он белый, потому что зимний!

Солдат сделал глуповатый вид и хмыкнул носом, закосил глазом в сторону и принялся бочком-бочком линять к костру. Горящий спальник вонял паленым гусиным пухом. Хорошо горел, зараза!

«Эх, пропал подарок моего предшественника!» – подумал я уныло и с досадой плюнул в огонь.

Больше никогда себе в помощь я «ординарцев» не брал.

Подошел Кавун. Ротный посмотрел в костер, заматерился и, успокаивающе похлопав по плечу, отошел в сторону. Вскоре он громко заорал на бойцов:

– Подъем! Хватит сачковать! Начать движение! Первый взвод идет в голове колонны, затем пулеметчики, далее второй и третий. Ник, берешь Дубино и Степана и в замыкании. За нами никого, и «духи» наверняка будут наблюдать за нашим отходом. Не отставать!

Взводный Голубев по примеру минометчиков загрузил на другого коня станины от пулемета и АГС. Рота двигалась по узкой тропинке все выше и выше и постепенно достигла середины этого серпантина, вьющегося к вершине. В этот момент почти с вершины гребня сорвалась лошадь с минометом и, ударяясь о валуны, полетела в пропасть.

Майор Подорожник принялся крыть матом хитрецов. Командир батареи Вася Степушкин, маленький, худенький, светловолосый капитан, съезжился и испуганно вжал голову в плечи. Получив нагоняй, он принялся организовывать экспедицию по подъему минометов – оба миномета просвистели до самого дна ущелья, несясь впереди труп животного. Солдаты оставили мешки и поспешили вниз и догнали батальон уже на самой вершине. Пришлось Голубеву подчиниться приказу и разгрузить свою лошадь. Эх, нелегко на своем горбу тянуть тяжелое вооружение минометчикам и пулеметчикам...

На привале Подорожник перестроил порядок движения. Теперь тылы уходили первыми, затем вторая и третья роты. А мы опять шли последними.

Замыкал движение разведвзвод. Василий Иванович отходил вместе с нашей ротой и время от времени покрикивал на бойцов, придираясь к каждой мелочи.

– Завидуют! Он-то ничего не нашел. Теперь решил приобщиться к нашему подвигу, быть поближе к «героям», – пошутил ротный и подмигнул мне незаметно.

Наконец после всех спусков и подъемов батальон вышел на высокогорное плато. Между валунов размещалась кривая кошара, за загородкой блеяли овцы, а за кошарой у огромного камня притулилась низенькая хибара, построенная из булыжников и обложенная каменным забором. У низкого входа робко жалась женщина с грудным ребенком, рядом ползали еще пара ребятшек. У забора стоял высокий голубоглазый, чернобородый пуштун и что-то восторженно говорил, приветствуя проходящих бойцов и предлагая лепешки. Ротный взял одну и разломил пополам. И я, и Кавун ответили ему рукопожатием и пошли дальше.

Абориген погладил руки комбата, помахал солдатам и что-то горланил вслед. Едва мы скрылись за холмом, как раздался выстрел, и тут же послышался истеричный, дикий истеричный женский крик. Комбат развернулся и вместе с Айзенбергом побежал назад. Кавун оставил роту, и мы заняли круговую оборону. Мат Подорожника был слышен даже нам. Минут через десять появились разведчики, которых подгонял наш Чапай. Не покладая рук, Подорожник весь путь бил кулаком по голове и пинал ногами какого-то разведчика. Это был наш старый знакомый Тарчук. Перед рейдом было велено доукомплектовать разведвзвод, и он, как бывший спецназовец, попросился к ним. Кавун с радостью преподнес этот «подарок» старшему лейтенанту Пыжу, который не ведал, что это за «данайский дар».

– Сволочь! Убийца! Мерзавец! – белугой ревел майор. – Ты зачем человека убил?!

– Это не человек, а «духа», – пытался что-то промямлить солдат в свое оправдание, но говорить разбитым ртом получалось с трудом.

– Кто приказал стрелять в местного жителя?

– Никто. Отходя с задачи, мы всегда пастухов убивали! Они все на «духов» работают!

– Здесь тебе не спецназ. Это армейский батальон, и ты, гнида, служишь в доблестном первом батальоне. Подонок! Мразь! Убийца!

Солдат стоял и молчал, затравленно глядя исподлобья. Он был испуган и совсем не ожидал такого поворота событий.

– Этот мужик меня лепешкой угостил и руку пожимал. А ты его как собаку, просто так, мимоходом застрелил! А там ребятшек трое! Теперь они с голоду умрут.

Убить человека просто так, походя, ради удовольствия – это было выше моего понимания. В голове не укладывалось, кто и где воспитывал этого выродка. Ведь он простой деревен-

ский парень! А за месяц из озорства или еще черт знает зачем, как мух, застрелил двух человек. Изувер какой-то! Мстит за свои раны?

– Дать миномет этому уроду, и пусть тащит трубу на своем горбу! Автомат у него забрать, гранаты тоже. Вещевой мешок нагрузить ему минами – пусть корячится, сволочь!

Комбат кипел, его пышные усы дрожали от негодования, он сам готов был застрелить мерзавца.

– Этому поддонку все равно в кого стрелять, – долго возмущался Василий Иванович, обращаясь к Кавуну. – Такой гад может застрелить и ребенка, и беременную женщину! Наверное, нравится война.

Переход длился только один день, а казалось, целую вечность, да еще двигаться приходилось под раскаленным солнцем. Хорошо, что броня зашла в сухое русло и встретила нас, сократив пеший путь. В полковой колонне ночью произошла катастрофа: в пропасть улетел БТР с командиром танкового батальона. Погибли два офицера и два солдата, трое было ранено. Кошмар!

Потом был двухсуточный марш. Еда на броне, костерки, разведенные у гусениц в колее. Пыль, пыль, пыль... Колонна ползла со скоростью черепахи. Техника растянулась на многие километры. Мы уходили из района последними. Цепочка машин петляла и ползла, как гигантская змея. Правда, эта змея громыкала и пылила колесами и траками, чадила выхлопными газами.

Ротный подозвал меня на свою командирскую машину – перекусить. Техника замерла, не заглушая моторов, – впереди кто-то застрял.

– Какая мощь! Что скажешь, замполь? – спросил Кавун. – Впечатляет?

– Впечатляет...

– Вот посмотри, тут собраны несколько бригад материального обеспечения, бригада РЭБ, полк связи, артиллерийский полк, артиллерийская бригада, батальоны связи и еще черт знает что. Штабы, штабы, штабы, тылы, тылы, тылы. Сплошные кунги и будки на колесах. А в горы идут четыре «кастрированных» батальона. Мы в боях с «духами» всегда в численном меньшинстве. Одна надежда, что, если прижмут, поддержка авиации, или вызвать огонь артиллерии на себя, может, повезет, и свои не зацепят.

– Послушай, Иван! У меня из головы не выходит убитый афганец. Если мы можем безнаказанно убивать просто так, то какую тогда интернациональную помощь оказываем? Этот убитый пастух всю ночь не выходит у меня из головы. Так и стоит передо мной как живой: руки жмет, лепешку сует. Глаза добрые. Рядом баба с детьми...

– Ну, этого ты видел глаза в глаза, а представь: прилетели вертолеты или авиация, бросили бомбы, пустили «нурсы» – и привет целому кишлаку вместе с обитателями. Дети, старики, ханумки – бомбы не выбирают жертвы... «Духи» или не «духи» – никто особо не разбирается. Посмотри, сколько вокруг развалин – тут жили до нашего прихода люди. И взгляни, за каждым домом свежие могилы, и за пять лет их по всей стране появилось, я думаю, около миллиона.

– Неправда. Не может быть!

– Правда! Это война ради войны – нужно армию ведь где-то обкатывать, вот и обкатывают. У американцев был Вьетнам для проверки армии и техники, а мы тут проверяем.

– Но до бесконечности это продолжаться не может...

– Не может... Может... Как остановить войну? Как генералам и политикам сохранить лицо? Войну начать легко, а вот закончить трудно. Очень трудно. Особенно вот такую: где воюют партизаны и мы, словно каратели.

- Не ожидал оказаться в роли карателя. Я сюда прибыл добровольцем, как в тридцатые добровольцы ехали помогать воюющей с фалангистами республиканской Испании.
- Ошибся, брат. Мы тут воюем с целым народом, почти со всей страной...

БАМИАНСКАЯ МЯСОРУБКА

В этом районе наш полк прежде не работал ни разу, потому что территорию контролировали десантники. Пехоту перебросили вертолетами в центр горного хребта на рассвете. Началось все довольно хорошо: солнышко, сверчки, ветерок, тишина. Быстро и в срок выползли на задачу по холодку, закрепились, залегли. Ротному над эспээсом растянули плащ-палатку: укрытие от палящих лучей – великое дело.

– Замполит, заползай, передохнем, пока тихо!

– Я, наверное, лучше с бойцами пойду, осмотрю склоны...

– Ну, осмотри. Эх, молодость, несет тебя все куда-то, мину ищешь?

Ног не жалко?

– Типун тебе на язык!

Сбив новые кроссовки об острые камни и обойдя взводные опорные пункты, да разомлев от внезапно нахлынувшей жары, я двинулся обратно. Полуденное солнце нещадно, не по-октябрьски палило. Когда я вернулся, то сразу спрятался в спасительную тень командирского укрытия. Ротный буркнул в мой адрес неласковое и продолжил дремать.

Далеко в стороне от нас начался монотонный бой.

– Что там происходит, Иван? Кто воюет?

– Василия Ивановича молотят! Подорожник с третьей ротой нарвался на «духов» и теперь укрепрайон штурмует. Орет по связи благим матом и вертолеты огневой поддержки требует. Посмотри – все видно, – Кавун протянул мне бинокль.

В трех километрах южнее напротив друг друга возвышались две горные вершинки – на одной были наши, а через ущелье «духи». «Бородатые» били по нашим из безоткатного орудия и гранатометов. Комбат отвечал из двух АГСов, миномета и пулеметов. Пулеметы работали без остановок. Бой разгорался.

– Почему комбат нас на помощь не вызывает?

– Нам сказано наблюдать за левым флангом.

– Потери есть?

– Есть и раненые, и убитые. А что творится в эфире, словами не передать! Подорожник и ротный Жилин на все лады голоса по связи. Вроде бы сейчас артиллерия заработает – поддержат огоньком.

Наконец артиллерия накрыла высоту противника, однако ответная стрельба «духов» не уменьшилась и не стихла – разрывы снарядов вздымались фонтанами по всему укрепрайону мятежников, но уходить в светлое время они не имели возможности – на открытом месте снаряды их уничтожат быстрее. В промежутках, когда артиллерия прекращала огонь, на высоту заходили вертолеты и били, били, били реактивными снарядами. Отстрелявшиеся вертолеты сменяли штурмовики, а после авиации вновь работала артиллерия.

– Товарищ командир, к нам кто-то идет, – засунул в укрытие свою чумазую физиономию Витька Свекольников.

Мы выбрались наружу и увидели группу бойцов, не из нашего полка. Проходя мимо, они с завистью глядели в нашу сторону: им-то еще предстояло топать. Группа прошла мимо, не останавливаясь и не задерживаясь ни на минуту. Старший даже не подошел и не пообщался.

Ну и ладно, дело ваше...

– Восемьдесят первый полк, – уверенно заявил ротный. – У комбата на карте я видел дурацкую задачу этой роты: одна точка прямо над нами, а остальные в пяти километрах и через ущелье. Какой штабной идиот так планировал? Театр окончен! Ложимся и отдыхаем...

Третья рота продолжала бой, и его отзвуки глухо доносились до наших позиций. Бедный Микола – опять получил звездюлей! А нам опять повезло – тишина. Если б знать заранее, что эта тишина подла и обманчива...

Где-то вдаль с другой стороны начали тоже постреливать, но както вяло и неактивно. Вокруг нас тишина и спокойствие: солнышко, ласковый ветерок. Навалилась обволакивающая ленивая дрема. Веки тяжелели, мозги тупели, голова, руки, ноги наливались свинцовой ленью. Сон, храп... Х-ррр, х-ррр...

– Командир! Командир! – разбудил нас дикий вопль. Я высунул голову из укрытия и увидел сидящего перед эспэсом солдата на коленях. Боец визжал что-то бессвязное.

– Ты кто? Чего орешь? – спросил ротный, продирая заспанные глаза.

– Я – Джумаев. Мы недавно мимо вас проходили! Я из пятой роты восемьдесят первого! Спасайте! Там всех убивают!!!

Серое от пыли и залитое потом лицо солдата было перекошено от ужаса.

– Как убивают? Кто?

– Кого убивают? Стрельбы нет никакой!

Мы засыпали бойца вопросами и с искренним удивлением посмотрели на него и оглядели окрестности.

– Вам отсюда не слышно, но там за хребтом почти всех наших ранили и убили.

– Почему связь молчит? Где командир? – заорал на солдата Кавун.

– Убит! Нас окружили! Я прорвался! Помогите, это рядом! Совсем рядом! – продолжал верещать солдат благим матом.

– Рота, подъем! – громко скомандовал капитан. – Первый и второй взвод, за мной! Сизый и ГПВ с нами! Третий взвод – остаетесь наблюдать!

Солдаты похватили оружие, боеприпасы, и мы помчались следом за Джумаевым на помощь гибнущим. Ротный на бегу доложил комбату по связи создавшуюся обстановку, матеря при этом штабы и командование соседей.

Перевалив через хребет в узкой ложине, рота попала под неприцельный огонь, это «духи» стреляли издалека. Поползли. Выбрались на небольшой плоский пятачок – позади груды камней лежал солдат и поливал свинцом залегшего впереди по хребту противника. Чуть выше постреливал еще один боец. «Бородатые» отвечали гораздо более плотным огнем: били с хребта напротив и сверху с нашего склона. Пули с визгом улетали вверх, ударяясь о камни, невозможно было поднять голову. Я осторожно высунулся из-за валуна – страшная картина открылась передо мной: окровавленные солдаты лежали вдоль спуска без признаков жизни. Мешки и оружие валялись в беспорядке тут и там. Я осторожно подполз к ближайшему телу. Потрогал холодную ладонь, заглянул в серое безжизненное лицо: глаза открыты и в них застыла дикая боль. Этого смерть уже прибрала – холодный, безмолвный. Отмучился... Рядом с телом валялась снайперская винтовка. Отложив автомат и взяв в руки снайперку, я посмотрел в оптический прицел. Через ущелье на большом валуне стоял бородатый мятежник и что-то орал, размахивая над головой автоматом. Душман приплясывал на камне и время от времени стрелял в нашу сторону, казалось, бородач пел местный повстанческий гимн и танцевал.

«Оборзел, козлиная!» – подумал я, прицеливаясь. Плавно нажал на спусковой курок. Бабах! Вместе с выстрелом получил сильнейший удар в глаз, словно кто-то злобно врезал мне кулаком по лицу. На прицеле не было смягчающей резинки-наглазника, и металлический окуляр, с отдачей выстрела, ударил в бровь. Схватившись за глаз, я потихоньку завыл.

– Ты ранен? – встревоженно спросил подползший взводный Сережка Ветишин. – Что случилось?

– У-у! Это мне прицелом! Зараза такая! Прямо в глаз! Посмотри, на выступе валуна стоял «дух».

– Был. Теперь он под валуном лежит! А вон еще один к нему на помощь бежит! – лейтенант тщательно прицелившись, стрельнул.

– А-а-а! У-у-у! Твою мать, как больно! – громко закричал Серега, бросил винтовку и тоже схватился ладонями за лицо.

Превозмогая боль, он взглянул в бинокль и расплылся в кривой улыбке.

– Ура! Еще один покойник! К черту эту снайперку – глаза повышибаем.

Ветишин осторожно потер разбитую бровь. Постреливая для остротки, мы осторожно ползли вверх по хребту. За камнем я наткнулся на раненого. Оттащил в укрытие и пополз дальше мимо трупов. Несколько валяющихся возле эспэса бойцов были живы. Раненые жалобно стонали и матерились. Огонь мятежников усилился, они буквально взбесились, поняв, что добыча, почти добитая и так легко доставшаяся, уходит из рук, – нашей помощи, а тем более такой дружной и эффективной, они никак не ожидали.

Откуда-то снизу полетели гранаты, но не долетели до нас и разорвались невдалеке. Бах-бах! В ответ мы бросили несколько своих гранат. Бах-бах-бах! Наши гранаты взорвались результативнее. Кто-то завизжал, кто-то застонал.

Выстрел из гранатомета пришелся в разрушенный эспэс – хорошо, что в этот момент я укрылся за грудой камней! Смертоносная вереница осколков просвистела над моей головой. Тьфу! Пронесло! Вообще-то целились не в меня – чумазый солдат, крепко вцепившись в ручной пулемет, вел непрерывный огонь. Рядом, широко раскинув руки и ноги, лицом вверх лежало тело офицера. Огромного роста был мужик. В голове, точнее во лбу, зияло пулевое отверстие.

– Кто это?

– Замкомандира роты. Видите, какой он большой! И очень тяжелый! Дальше я его тащить не мог, и остальных пацанов, кто помогал его нести, всех ранили и убили. Мы волокли «Утес» и старлея, а снайперы и гранатометчики поливали нас сверху. Всех повалили – я один остался невредимым. Спасибо, вы меня выручили, еще минут пять – и хана – обошли бы со всех сторон.

Чуть в стороне валялась «муха», взведенная, но не отстрелянная. Чуть приподнявшись из-за камней, я выстрелил в «духовское» укрытие, откуда к нам недавно прилетела граната.

Бабах!!!

– А-а-а! Аллах-Акбар. А-а-аа!!!

Крики и стоны, возможно, я кого и убил. Человек пять или шесть моих бойцов лежали чуть ниже по склону и вели огонь по скоплению мятежников на вершине, остальные солдаты ползком вытягивали раненых и убитых. Голубев поставил на соседнем пригорке пулемет и АГС и обстреливал по очереди все высоты.

К нашему укрытию подполз здоровенный незнакомый мне сержант.

– Ты кто? Как твоя фамилия! – строго спросил я у него.

– Сержант Каробод! Замкомвзвода.

– Как у вас все произошло? Что случилось?

– Утром вылезли мы туда, где сейчас «духи» окопались, поставили пулемет, бахнули по какому-то пастуху. Нам нужно было еще чуть дальше пройти на нашу задачу, чтобы быть ближе к своим: вся наша рота ведь сидит через ущелье за изгибом. Только двинулись, по нам как жажнули из миномета и гранатометов! Потом начали стреляли несколько снайперов! Старшего лейтенанта сразу сразило пулей – прямо в лоб. Мы его подхватили и побежали вниз – к вам. А «духи» примчались со всех сторон, как реактивные, – быстро нагнали, прижали и начали расстреливать сверху, с флангов и даже откуда-то снизу. Совсем близко подошли к нам. Эх, что было, что было...

– Почему по связи не вышли на нас? Мы и боя-то не слышали, вы ведь за вторым от нас склоном горы укрыты – не слышно!

– Связиста убили сразу! А я частот не знаю. Ну и не до того было... Этот проклятый «Утес» и раненых потащили, да и перепугались мы все. Офицер вырублен – без командира совсем хреново.

Пули продолжали свистеть вокруг нас, некоторые врезались в камни и с визгом выбивали искры, рикошета, разлетались по сторонам. Мы отвечали дружным огнем – патронов в валяющихся вокруг вещевых мешках пока хватало. Отлично! Продержимся! Отобьемся! Будем жить!

Солдаты стреляли прицельно, короткими очередями. Вскоре и «духи» очереди веером, неэкономно перестали выпускать. Тоже начали экономить патроны! Огневых точек стало заметно меньше, значит, оставили заслон, а остальные уходят – отползают, утаскивая раненых и убитых. Жаль артиллерию на них не навести, мы ведь лежим друг от друга в тридцати-сорока метрах. Специально все сразу не уходят, сидят в укрытиях, ждут, пока стемнеет, чтоб снарядами на открытой местности их не добились...

Вечерело, солнце клонилось к горизонту, а перестрелка не стихала. Посмотрел на электронные часы – время почти шестнадцать.

Это был мой первый настоящий бой – и сразу такой кошмар! Трупы бойцов валяются вокруг, на расстоянии протянутой руки! Позиция моя была не особо удачная – груда камней с одной стороны и возле нее, справа остывало тело солдата, затем лежал я и с другой стороны еще одно тело. Дальше за вторым трупом лежит сержант, как его? кажется Карабод! И рядом с ним еще один боец. Однако под усилившимся обстрелом огневую позицию не сменить. Уже три часа, как мы ведем этот бой. Внезапно желудок включил свой вечный двигатель, внутри заурчало – требует топлива.

«Хм! А ведь я с утра не поел! А теперь организм потребовал пищи. Эх, съесть бы чего, а не то меня желудочный сок изнутри растворит. Это, наверное, от нервов!»

– Сержант, у тебя есть что-нибудь пожрать? Тебя как звать?

– Василь! Мой мешок где-то там ниже валяется, где я до вашего подхода отстреливался.

– А сам есть хочешь?

– Еще как! С раннего утра ни одной крошки во рту. Надо порыться в мешках у ребят, что-нибудь найдется. Им-то сухпай уже ни к чему...

Последние слова сержант произнес с грустью, словно пожалел не только их, но и себя, ведь сам мог лежать на их месте. Но пока ему повезло! А ведь все могло быть иначе. А как будет дальше? Ведь этот бой для него далеко не последний!

Сержант раскрыл ближайший мешок, вынул штук шесть маленьких баночек с мясом, вскрыл открывалкой и разделил на троих. Вот что всегда при мне (по совету ротного), так это ложка, которая торчит из нагрудника вместе с сигнальной ракетой. Карабод достал свою ложку из-за отворота пыльного сапога и обдул от пыли. Я протер ложку ароматизированной салфеткой из набора, взял из рук сержанта банку и... поставил на спину солдата. На мертвое тело... А больше ставить некуда. Карабод сделал то же самое. Пулеметчик есть не захотел, сказал, что сейчас кусок в горло не полезет – не до того – страшно!

Мы с сержантом приговорили мясные консервы вдвоем. Время от времени, то он, то я посылали очередь за очередью вверх в укрепление на горе и по флангам – ближе нас к «духам» нет никого – мы в авангарде. Стреляли, не видя противника, для остротки, чтоб не думали атаковать. Вдруг я услышал рядом какой-то тихий хрип. Прислушался. Хрип повторился, и еще, еще, еще.

Хр-хр-хр-х-х-хы.

Перебравшись через неподвижные тела мертвых солдат к офицеру, увидел, что его тело содрогалось мелкой дрожью, глаза были закрыты, а рот чуть приоткрыт.

«Фантастика! Ожил?!»

Старший лейтенант действительно хрипло дышал, несмотря на это ужасное ранение в голову! Вид его был ужасен: кровь запеклась вокруг входного отверстия во лбу, подсохшие кровавые потеки разметалась по лицу в разные стороны, густой сгусток крови засох в волосах.

Живой!..

– Эй! Парни! Офицер жив! – зашипел я лежащим солдатам. – Передать по цепочке ротному – офицер жив!

Минут через пять ко мне подполз Кавун, взглянул на раненого и пристально посмотрел мне в глаза. Затем Иван выдал длинную серию витиеватых матов.

– Проклятье! Минут через десять прилетит вертушка и раненых заберет. Пятерых мы вытащили на площадку, с этим можем не успеть. Как же его нести под обстрелом? Волоком нельзя – голову повредим, пуля может в мозгу сдвинуться. Лейтенант! Бери этих двух бойцов и наших братьев-мусульман (ротный махнул рукой в сторону двух пулеметчиков-таджиков) – и откройте бешеный огонь! Давите на психику «духам»! Сначала бросаете гранаты, а потом из гранатомета долбанешь по вершине. Короче говоря, изображай лобовую атаку. Кричите «ура», материтесь, вопите что есть мочи. Сейчас начнет темнеть, и дождь помаленьку накрапывает, они не заметят, как мы унесем раненого. Атакой собьем «духов» с толку.

Действительно, недавно начал накрапывать мелкий-мелкий, как пыль, дождь, который постепенно усиливался. Ротный продолжил пояснять свой замысел:

– Возможно, «духи» психанут и отойдут, они свое дело уже сделали – крепко нас укусили! Если не успеем оттащить вниз и загрузить раненого старлея, то сегодня вертушек больше не будет. Минут через двадцать солнце зайдет – конец полетам.

Солнце уже почти закатилось за горную вершину, и лишь багрянец пробивался сквозь пелену дождя.

– Зибоев, Мурзаилов! Ползком к камням и с криком «ура» расстреливаете по ленте пулеметной! Все ясно? – уточнил я.

Солдаты кивнули головами, однако желания выполнять приказ на их лицах не читалось. Карабод и солдат, вооруженный пулеметом, тоже чудом оставшийся целым и невредимым, поняли наш замысел, но восприняли его с сомнением. Что-то пробурчали, но не возражали.

– Ура! Ура! Ура!!!

– Бам! – выстрел из «мухи».

– Тра-та-та-та, – отвечает сверху «духовский» пулемет.

– Бах-бах-бах, – брошена граната.

– Та-та-та, – вторят наши автоматы.

– Ура! Ура! Ура!!! – На четвереньках, пригибаясь и беспрестанно стреляя, мы продвигались вперед к вершине. Атакуем! После выстрела из «мухи» и взрывов гранат ответный огонь прекратился.

Быстрая атака на четвереньках и полуползком – и вот мы уже на вершине. А там никого. Только разбросаны бинты, камни залиты кровью, патроны, пустые упаковки лекарств, стреляные гильзы. Никого! Ушли! Сквозь пелену дождя, в мутном мареве проглядываются смутные силуэты и слышен топот ног убегающих врагов.

«Духи» бегут! Очередь вслед, еще очередь, еще очередь, еще, еще, еще... наугад в темноту.

– Гады! Сволочи!!! – громко ору, в бессильной ярости, что есть сил.

Я выхватил пулемет у Зибоева и с криком «а-а-а» расстрелял половину ленты вниз в сумеречное ущелье. Потом выпустил ракету в воздух, чтоб свои или вертолетчики случайно, по ошибке, не накрыли нас огнем.

Вертолет уже приземлился на площадке, солдаты быстро грузили в него раненых. Сержант Карабод и второй выживший солдат бросились обратно к командиру, осторожно положили его на плащ-палатку и с помощью наших бойцов быстро понесли к вертушке.

Эх, не успели! Солдаты не успели пробежать и полпути к площадке, а вертолет уже взлетел и, раскачиваясь, умчался, прорезая надвигающиеся на горные хребты черные тучи. Быстро смеркалось.

Вдруг кто-то из ущелья громко закричал:

– Нэ стреляйте, я свой.

– Ты кто? Ползи сюда! – подозвал ротный.

На наш отзыв выполз грязный, в оборванном обмундировании какой-то солдат.

– Кто такой? Что это за свой выискался?

– Я из восьмидесят первого. Меня ранило! Товарищи командиры! Гогия моя фамилия!

– Степан! – окликнул Кавун санинструктора. – Осмотри и перевяжи грузинского героя!

Мы присели возле охающего бойца, который поведал жуткую и невероятную историю.

Он и еще один солдат несли раненого товарища по левому склону хребта, по ним ударили из автоматов и гранатомета. Напарника наповал, и раненый получил еще несколько пуль. Упали. Добитый «духами» раненый придавил грузина своим телом.

– Гогия тоже ранило. «Духи» подошли, взяли автоматы, полоснули очередями по лежащим, но все пули принял мертвый солдат, которого мы тащили.

И смех и грех! От страха этот Гогия обоссался, но молчал и почти не дышал. Кто-то пнул его ногой в бок, вырвал из рук автомат, но проверять, жив боец или мертв, душманы в спешке не стали. Тут мы сверху кинули гранаты, начали стрелять, «духи» убежали прочь. Со всех сторон грохот, голову не поднять, да еще придавило мертвым телом.

– От страха я вырубился – сознание на минуту потерял!

– Товарищ капитан! Что-то раны у него я найти не могу. Хотя он весь в крови, но вроде в чужой!

– Смотри хорошо, может, внутреннее кровоизлияние?

– Только царапины. Где болит?

– Нога, пятка болит! – ответил гортанным голосом раненый.

– Действительно, осколок торчит большой в подошве ботинка. Сейчас сниму с него ботинок и осмотрую. Ого! Осколок ботинок пробил и в пятку попал, но только слегка рассек кожу и кровь уже засохла! Грузин, ты шо орал! И это усе? Чи ни? Это и усе твое ранение?

– Нога болна!

– Нога болна... Сейчас как тресну по башке, чурка! Болна ему!

– Я не чурка, я грузин.

– Вставай на ноги, нечего ползать! – злобно заорал санинструктор.

– Товарищ капитан, да его лишь пару раз поцарапало! Обосрался, гад!

– Сильно воняет? – ухмыльнулся Кавун.

– Та ни, в переносном смысле... Трус он!

– Ну, трус не трус, а повезло, могли и яйца, и уши запросто отрезать.

– Гогия! Бегом к сержанту Карабоду и помогай своим. Иди туда, где убитые лежат!

Степка дал ему затрешину, шок у бойца сразу прошел, и он поспешил на помощь своим товарищам, выносившим тела убитых.

– Степан! И ты ступай, помоги, надо выносить тела к площадке.

Мы вместе с ротным не остались в стороне и тоже взялись помогать. Уже в глубокой темноте удалось поднять обоих мертвых солдат из ущелья, собрали разбросанное имущество, оружие, поставили растяжек-гранат и вернулись к себе на точку. Всю ночь по очереди, сменяя друг друга, Карабод и три солдата из его взвода стояли над командиром, держа растянутую палатку, защищая голову старшего лейтенанта от хлынувшего ливня.

– Эх! Жаль, не успели принести его к вертолету. И как вы раньше не заметили, что он живой? – сокрушался Кавун.

– Иван, ведь с такой раной, по-моему, ничем не помочь. Что успели бы увезти, что не успели... Один хрен...

– Никифор! Когда получишь пулю в лоб, не дай бог, конечно, и будешь валяться в грязи, тогда посмотрим, как ты запоешь!

– Ворон! Накаркаешь!

– Ты тоже брякнул глупость! Надеяться нужно до последнего. Наш закон – раненых и убитых не бросать! Кстати, у «духов» тоже такое правило. А раненого любого, даже безнадежного, надо спасать, чудеса всякие в жизни бывают!

Итог боя был трагичен и неутешителен: шесть убитых и шесть раненых (оцарапанный Гогия был не в счет).

На рассвете прилетел вертолет и вывез всех «соседей». А старший лейтенант прожил еще три дня и скончался в госпитале. А вдруг выжил бы, если б сразу вывезли. Прав был ротный... В итоге потери выросли: пять раненых и семь убитых. В нашей роте потерь не было, даже ни одного раненого.

Хмурым утром, прихлебывая горячий чай, ротный вновь давал мне наставления:

– Запомни! Чаще всего убивают в первых рейдах и последних. Никогда не откладывай отпуск и особенно берегись после отпуска!

– Это ты к чему?

– Железобетонные, проверенные кровью и смертью приметы! Старлей в отпуск должен был ехать, дочка родилась. Бойцы сказали: уговорил его командир роты отпуск перенести. А у человека уже мозги на дом переключились, а его в рейд затащили! Но это уже области психологии. Бдительность потерял и концентрацию. Расслабился! Понятно? – Иван принялся жевать сухарь, задумчиво глядя на меня.

– А чего ты так задумчиво и конкретно на меня смотришь? – возмутился я.

– Да потому что у меня этот рейд последний, тьфу, тьфу, крайний, надеюсь, – вздохнул Иван. – А тебе молодому еще пахать и пахать...

– Кстати, Ваня! Удивительно, но я спал этой ночью спокойно, как младенец! Я имею в виду в свободные от проверки постов часы. Никакие кошмары с видениями окровавленных трупов не мучили. А переживания нахлынули лишь под утро, когда пришла очередь бодрствовать.

– Наверное, ты сволочь равнодушная! И нервы как канаты! – вздохнул ротный. – А я всю ночь ворочался и переживал. О жене и дочери думал...

Вчерашний бой стоял перед глазами, и я его мысленно прокручивал снова и снова. Как в старом черно-белом кино. Наши убитые, подстреленные душманы, раненый офицер, кровь, пули, взрывы, едкий страх перед надвигающейся со всех сторон смертью. Фильм длинный – четыре часа непрерывной перестрелки. Война перестала быть прогулкой, альпинизмом, туризмом, приключением – она стала жестокой реальностью. Война и смерть коснулись меня, но лишь чуть дотронулись, и обдали своим смердящим, трупным дыханием...

Наступило утро – и новая задача: вертолетами батальон перебросили на десять километров восточнее, через два глубоких ущелья. Новая горная гряда уходила в поднебесье к заснеженным вершинам. Наш маршрут пролегал именно к ним. Командир полка поставил задачу – пройти по хребту над кишлаком до истока речушки, начинающей свой бег от заснеженных скал. Грузовым вертолетом на площадку забросили патроны, гранаты, выстрелы к гранатомету,

«мухи» – свои боеприпасы закончились вчера. Обвязавшись пулеметными лентами, солдаты опять стали похожи на революционных матросов-анархистов.

– Хреновое дело нам предстоит! – резюмировал поставленную задачу Кавун. – Ситуация следующая: разведка будет чесать кишлак с двух сторон, а мы прикрываем их сверху вот с этой верхотуры. Соседей рядом никого. Третья рота, сильно потрепанная вчера, будет находиться от нас в десяти километрах. Подорожник считает, что им досталось, а наш вчерашний бой не в счет. Итак, слушать меня внимательно! Завтра, как только разведчики прочешут местность, быстро отходим назад. Лучше бежать, но это вряд ли удастся с грузом в тридцать килограммов за плечами. Но вначале надо на ту высоту забраться! Идти предстоит двадцать километров. Сейчас десять утра, а выход на задачу командиром полка установлен шестнадцать ноль-ноль. Острогин с первым взводом идет в голове колонны.

Сергея при этих словах поморщился. Его первый взвод – это он, три солдата и замком-взвода.

– С тобой идут два сапера. Дальше двигается вся колонна. Замполит и санинструктор в конце. Подгонять, лечить, оживлять подыхающих. Воодушевлять словом и делом!

Офицеры хмыкнули над последней шуточкой и в то же время тяжело вздохнули... Задача предстояла крайне нелегкая. Своих подразделений рядом не будет. А «духов» есть? Сколько их в округе? Кто знает...

Вчерашняя трагедия по-прежнему у меня перед глазами. Начальство создало ту же ситуацию, что и в восемьдесят первом полку, только нас не шестнадцать, а вместе с приданными авианаводчиками, саперами и арткорректировщиками – сорок пять.

– Этих штабных дебилов жизнь ничему не учит, – ругнулся Острогин.

– Кого именно? – с ласковой интонацией в голосе поинтересовался командир роты.

– Всех начальников! Как отреагировал наш батальонный Чапай, получив этот тупой приказ руководства?

– Подорожник был строг и заботлив. Матом не ругался. Лишь ласково попросил: «Милый Ваня, не будешь ли так любезен сходить во-о-он туда, на высоту три тысячи четыреста?» Пожелал успехов в ратном труде. Напомнил, что мы коммунисты и комсомольцы. А если серьезно, то насчет мерзавцев в «верховном командовании» он с нами солидарен. Кэп (комполка) тоже в бешенстве, но ведь даже не он решает. Слово за армейскими штабистами – армейская операция! Ну а крайними будем мы. В полку много потерь. Убит минометчик, в третьей роте четверо ранено. Им довольно-таки сильно досталось! Твой друг «килькоед» Мелещенко в шоке от обильного свиста пуль. Но тебе, Ник, дружка успокаивать некогда – уже трогаемся в дальний путь. Так что, орлы, мать вашу! Не забывайте, что пехоту ноги кормят! Вперед! Марш-марш!

Рота вымоталась и еле ползла. Осталось пройти примерно четверть пути, но я не обольщался – сдохнуть можно и на этом коротком отрезке, ведь нам предстояло преодолеть самый крутой подъем. Наша заснеженная высота была видна уже как на ладони. Ох, как же я устал толкать и подгонять умирающую молодежь! Готов сменить в голове колонны Острогина! Хорошо, что идем без приданных минометчиков, а то и мины мне пришлось бы тащить. Мало мне трех почти сдохнувших бойцов? Интересно, а из каких гениальных стратегических задумок причитающийся нам миномет комбат отдал разведчикам?

Вероятно, есть какое-то удовольствие в горном туризме. Вполне возможно, это кайф – гулять по горным вершинам, когда в тебя никто не стреляет. Шагаешь себе прогулочным шагом, насвистываешь фокстрот, фотографируешь красоты природы, дышишь чистейшим воздухом! Но когда ты ползешь в гору в составе пехотной роты с тяжелым вещевым мешком

за плечами, обвешанный оружием, нагруженный боеприпасами, да под огнем противника! Нет уж, увольте...

Часа через четыре хода Кавун наконец-то разрешил привал. Бойцы как снопы рухнули без сил на землю. Легкий ветерок приятно охлаждал лицо. Курящие сразу задымили. Дембеля и сержанты беззлобно переругивались, подшучивали. Узбеки и таджики о чем-то болтали на своем.

Повалявшись пару минут, решил справить нужду и отошел чуть в сторону, расстегнул брюки и встал над пропастью. Как говорится, лучше нет красоты, чем пописать с высоты. Подбравшись к самому краю, уперся ногой в большой валун, не спеша расстегнул ширинку, глянул вниз... и тотчас отпрянул назад. Я даже рухнул на задницу. Не застегнув штаны, встал на карачки, лег на живот и подполз обратно к краю пропасти. Фантазмагория! Широко открытыми глазами я всматривался в провал мрачного ущелья с голыми стенами, в глубине которого неслась бурная река. И к выходу из этого ущелья, на запад, текла другая параллельная река – живая. Помимо людей, в этом потоке шли коровы, лошади, козы, овцы. И покидали они как раз те места, куда мы путь держим. Неспроста это! Вооружившись биноклем, увидел, что в разношерстной толпе беженцев идет много вооруженных мужчин. Пулей помчался к своим.

– Иван! Скорей! «Духи» уходят по ущелью!

– Тебе часом не померещилось?

– Я их чуть не обоссал с обрыва. Да скорее же!

Кавун сообразил, что я не шучу, резко вскочил на ноги и скомандовал:

– Рота, подъем! Мешки не брать! За мной!

Перебежав пару десятков метров, отделяющих нас от обрыва, пехота залегла на краю. Кавун посмотрел в бинокль и даже присвистнул. Затем, повернувшись ко мне, он радостно пробормотал:

– Они нас пока не заметили!

Бойцы снимали автоматы с предохранителей, досылали патроны в патронник, поглядывали на командира, ожидая приказа. Кавун передал по цепочке:

– Не стрелять! Огонь по моей команде! Разрешаю каждому расстрелять по два магазина – не больше! Не увлекаться! Патроны беречь! Затем бросить по одной гранате РГО. Снайперам выбрать самые достойные мишени.

– Иван! Вроде бы там бредет много мирных жителей?

– А мы их не тронем, – ухмыльнулся он, – стреляй только по вооруженным. Мы вчера с утра тоже были очень мирные и никого не трогали. Верно?

– Верно...

– Вот и я о том же. Огонь!

Бух! Бах! Та-та-та-та-та! Бабах! – рота полыхнула дружным залпом по ущелью.

Ах-ах-ах! – отозвалась гулким эхом пропасть.

Бабабах! Та-та-та-та!

Этот ураганный огонь продолжался минут пять. Вначале внизу все бросились врассыпную, и часть мятежников попадали убитыми, но через какое-то время оставшиеся в живых начали стрелять в ответ.

– Хватит! Стоп! Прекратить огонь! Отходим! – заорал ротный. Злые огоньки мести плясали в его глазах. – Это «духам» за вчерашнее! Сворачиваемся! Живо уходим на задачу. Быстрее, бегом!

Я в последний раз коротко взглянул вниз. Жуткая картина предстала перед глазами: люди либо валяются мертвыми, либо ползают ранеными. Снизу доносились вопли, стоны, проклятия и редкий ответный запоздалый огонь. На этот раз не повезло «духам» – видимо, не их день!

– Ну, замполит, молодец! Как шикарно поссать сходил. Удачно на «духов» пустил струю! Сейчас по связи доложу, пока Подорожник не визжит из-за нашего концерта.

После коротких переговоров неудовлетворенный и злой Иван распорядился:

– Руководство бесится, что мы еще не на задаче! Офицеры, вперед, вперед! Первый взвод не задерживаться, шустрее на гору!

Через полчаса торопливого хода-полубега почти до смертельного изнеможения, с кровавыми плевками и соплями, с обильным орошением соленым потом песка и камней, хриплого дыхания, вонючего пердежа, и вот рота уже под горкой. Осталось еще чуть-чуть, последнее усилие – и мы на задаче. Кавун дал короткую передышку перед восхождением.

– Второй взвод! Ветишин! Занять оборону здесь, у подножия! Прикрываешь тылы. Первый взвод, быстро наверх! Затем, после его доклада, – второй! Следом пулеметчики! – громко скомандовал Кавун.

– А можно ГВП останется с третьим взводом? – ухмыляясь, спросил хитрюга Голубев. – Место больно хорошее. Альпийский курорт!

И тыл надежно прикроем.

– Нельзя! Пулеметы поставим наверху. Сизый! Ах ты старый сачок!

– Ну, не такой уж и старый. Просто я заменщик!

– Самозванец. Это я заменщик! А тебе еще ходить до конца года – трубить как медному котелку.

– Я и не...

Внезапно наверху началась ураганная стрельба, и разговор прервался на полуслове. Шквал выстрелов слышался там, куда поднялся первый взвод.

– Серега! Острогин! Что у вас там творится? – заорал ротный по радиосвязи.

– «Духи»! Обходят со всех сторон! – откликнулся Острогин. – Мы на пяточке засели в старом эспэсе. Обложили нас твари со всех сторон. Спасайте! Быстрее!

– Ну, вот абздец! Приплыли! Вперед! В гору! Замполит – вперед! Все вперед! Бегом в гору! – диким голосом заорал Кавун.

Я сбросил мешок – мешает, с ним бежать тяжело. На середине горной дистанции меня обогнал худющий солдат – Ларионов. Лидер забега определился!

«Он же из пулеметного взвода и вроде должен быть позади, – мелькнула мысль. – Ведь его взвод ползет далеко позади!»

Я оглянулся. Пехота пыхтела, сопела, хрипела, чертыхалась, материлась, рычала. Лезли вверх. Пули пока не свистели. А сверху бой разгорался все сильнее, но нас этот огонь не задевал, видимо, «духи» подмогу, спешащую к окруженному взводу, не видели – мы были укрыты крутым склоном.

Ротный и арткорректировщик карабкались чуть ниже меня, громко матерясь от злости и от страха. Вдруг впереди грохнул короткий выстрел. Ларик оглянулся и, глядя мне в глаза, как заорал:

– Я его завалил! Грохнул!

– Кого?

– Здоровенного «духа»! Он за валуном валяется! – ликовал солдат, а потом почему-то шепотом продолжил. – Да он выскочил, гад, прямо на меня, а я первым успел выстрелить.

Я осторожно выглянул из-за груды камней – за валуном валялся крупный бородач в униформе и жутко хрипел.

«Ага! Больно, однако, мужику!» – подумал я злорадно.

– Сейчас я ему помогу!

Я осторожно высунулся, дал длинную очередь, начиная с места, где у него должны были быть причиндалы, и далее по груди, и контрольный выстрел в голову.

Бородач издал предсмертный рык, ноги ему вывернуло, и он затих. До трупа было всего метров семь. Еще чуть-чуть, и бородач опередил бы нас и завалил, а там вся рота как

на ладони. Собирай потом наши окоченевшие трупы третья рота. Сзади подполз «наркоша» Васька Владимиров.

– Ларик, с меня орден! Молодец! – пообещал я отличившемуся бойцу и спросил с восхищением и удивлением: – Как ты его умудрился опередить?

– Да он в этот момент оглянулся и что-то скомандовал, а я его и снял. А если б он за мгновение до того не обернулся? Верняк, нас бы всех уложил. Он, видно, командовал этими «духами».

Потеряв командира, остальные мятежники растерялись и залегли за валунами.

– Гранатами! Туда, за камни! – крикнул я обоим бойцам и швырнул свою гранату.

Бам-бам-бах-ах-ах! – взорвались гранаты, и тем же бахом ответило эхо в ущелье.

– А-а-а-аллах! Шайтан, – донеслись до нас яростные крики и жуткие стоны. Трата-та-тата, щелк-щелк! В ответ на взрывы гранат раздались выстрелы мятежников. Пули защелкали вокруг нас и рикошетами от камней с визгом разлетались в стороны. Снизу выполз запыхавшийся ротный, подгонявший нескольких бойцов.

– Ну? Что тут? Доложи обстановку!

– Ларионов главаря «духов» завалил, я его добил! Остальные укрываются за валунами, – ответил я возбужденно.

– Молодцы! Молодец, замполит! Успел! Бери бойцов, пулемет и ползи выше к Сереге! Если собьют с высоты его, собьют и нас! И тогда будет как вчера! Понял?

Я коротко кивнул в ответ.

«Вот зараза! Опять я крайний! Мне, как всегда, не везет...»

– Васька! Мурзаилов! Ларик! Керимов! За мной! – скомандовал я бойцам, и сам пополз первым.

Мысли путались в голове. Все повторялось, как вчера. Теперь наша очередь? Отрежут яйца, отрежут головы! Похоже, нам всем пришел полный пиндец... А жить-то хочется!

Сил оставалось все меньше, а надо ползти, хотя ноги почти как ватные и легкая дрожь в руках. Внезапно навстречу из-за камня выполз перепуганный пулеметчик Хафизов. Руки и ноги солдата тряслись, словно в лихорадке. Повезло ему, что мы его нечаянно не подстрелили.

– Ты откуда? Где взвод? Где все?!

– Т-та-там, – ткнул он неопределенно пальцем в сторону и туда же отвел бегающие глаза. – Командир, я не знаю... Не знаю, где все...

– А ну назад! Бегом к взводу, сволочь! Застрелю!

Хафизов полпелся с нами, но все равно трусливо полз самым последним в нашей группе. Вдруг мы наткнулись еще на одного – сержанта Хайтбаева.

– Скотина, а ты почему здесь? Взвод воюет, а ты прчешься здесь!

Сержант забился, словно крыса, в щель между камнями, обняв автомат, и дрожал. Вождь «узбекской мафии» лежал с перекошенным лицом и трясся.

– Шлепну как собаку! Гадина! Назад к взводу!

– Не ори, лейтенант! Не пойду! Там смерть.

– На счет два ты труп! Раз... – И я с силой ткнул ствол автомата ему в нос.

Кровь тонкой струйкой потекла по губам и подбородку. Второй раз считать не пришлось. Злобно ругаясь и что-то шипя на родном языке, затравленно глядя мне в глаза, он выполз из своей щели. За следующим выступом лежал свернувшийся в калачик Алимов. Ну и дела! Да все азиаты тут спрятались! Рядом с Хайтбаевым лежал Колесо и, закрыв глаза, стрелял из автомата куда-то в небо. Этот хоть вел огонь...

– Колесников! Очнись! От тебя воняет! Обделался от страха? Почему взводного бросили, сволочи! Где Острогин и саперы?

Алимов трясаясь, показал рукой в сторону груды камней:

– Взводный там...

Колесников в свою очередь залепетал несвязное в свое оправдание:

– Мы шли... мы не дошли... «духи» стреляли... обстреляли... не пройти... я хотел... отсюда бой ведем...

– Вижу, как вы героически воюете. И почему еще ваши героические жопы на кожу для барабанов не пустили? Лечь всем в цепь и начать вести прицельный огонь по «духам»!

Бойцы нехотя залегли и начали, преодолевая трусость, вести бой.

– Серега-а-а! – заорал я, пытаюсь докричаться до приятеля.

– Ура замполиту! Родной ты мой! Вылез! Ник, я тебя люблю-ю! Я здесь! – заорал он издали в ответ. – Я тут в укрытии с саперами. «Духи» на нас давят! Ура! Живем!!!

– Наверное, живем. Сколько с тобой бойцов?

– Только два сапера. «Духи» с трех сторон залегли. Молотят, головы не поднять. Где мой взвод, не видел? Все узбеки разбежались. Ну не гады ли?

– Я их тут на пригорке собрал. Все живы. Обделались твои орлы! До укрытия, где засел Острогин, было метров тридцать, и приходилось громко орать, слегка высываясь. Нас обоих это общение слегка подбадривало. А вот свистящие над головой пули настроение ухудшали. Меня трясло от волнения. Несмотря на дрожь, я снял бушлат и прополз по камням и колючей траве немного вперед – куртка мешала, сковывала движения. В бушлате я был замечен. А попробуйте меня заметить в сером горном костюме!

Я оглянулся и прикрикнул на солдат:

– Колесо! Будешь заряжать вместе с Алимовым магазины стреляющим! Васька! Ларик! Хафизов! Хайтбаев! Огонь! Держаться! Всем огонь! огонь!

По нам несколько раз выстрелили из гранатометов и «безоткатки». Одна из гранат прошла чуть выше над головами, другие взорвались в камнях, не долетев и не причинив ущерба. Не попали, мерзавцы! Это хорошо!

Вдруг с вершины, метрах в двухстах от нас, кто-то заговорил в мегафон.

– Шурави! Сдавайтесь! Не тронем. Сдавайтесь, а то все будете мертвый! Совсем-совсем мертвый! Сдайтесь – будете живой! Командир, сдавайся! Не тронем! Выходи! Мусулман, стреляй русский офицер!

Серега заорал в ответ:

– Иди сюда сам, попробуй, возьми в плен! Давай, друг, скорей! Вперед!

Под эти свои дикие вопли он вместе с саперами палил во все стороны. Стреляли мы, стреляли в нас, и горы отвечали эхом. Мы все постоянно что-то орали, и «духи» визжали и орали в мегафон.

Сайд Мурзаилов выполз на пригорок с ПК, взялся за дело, и душманы сразу приуныли. И Хафизов с ручным пулеметом, поборов страх, прикрыл правый фланг и чуть отогнал «духов» назад. Закрепились! Теперь нас им уже не сбить! Колесо и Алимов едва успевали перезаряжать магазины. Этот ад продолжался уже черт знает сколько времени. Голова гудела от грохота, и рот и нос заполнило пороховой гарью. Начало накрапывать. Но, несмотря на начавшийся дождь, нам было жарко. Все тело горело и пылало от возбуждения. Меня захватил боя – страх пропал. Горный костюм промок насквозь. Я что-то кричал, командовал бойцам, подбадривал, куда-то стрелял, переползал, швырял гранаты, вновь орал и стрелял. Вдруг автомат заклинило. Патрон перекосило! Я достал шомпол, разобрал автомат, чтобы выбить патрон. Не получалось! Вот зараза! Кто-то по ошибке зарядил в магазин патрон 7,62 вместо 5,45? И как он умудрился туда засунуть его?

– Бойцы! Не прекращать огонь! Я сейчас вернусь. Держаться!

Я сполз чуть вниз в укрытие и продолжил вышибать шомполом из ствола перекошенный патрон. Минут через пятнадцать удалось это сделать, и я с сожалением стал возвращаться на покинутую огневую позицию. Мне тоже страшно! Жить хочется! Вдруг навстречу выползли один за другим все мои бойцы.

– Куда! Назад! Сволочи! Парни, назад! Ползите обратно на горку!
– Товарищ лейтенант! Ты куда ушел? Одним нам там страшна! Сапсем страшна! – забубнил верзила Мурзаилов.

– Да тут я, тут! Сказал же – держаться!

– Мы испугались, – промычал Хафизов.

– А ну назад! Возвращаемся! Огонь! Всем вести огонь! Не отступать! В этот момент со стороны укрытия раздался топот сапог, зашумели камни, послышались крики:

– Свои! Не стреляйте.

К нам подбежал Сергей с саперами и завалился рядом с нашей цепью. Он громко заматерился.

– Вы куда все делись?

– А ты какого хрена сюда примчался? – возмутился я.

– Когда вы объявились, я обрадовался – ура, спасены! Да и «бородатые» чуть отползли и приуныли. Кричим, переговариваемся, душа поет, а как тебя не стало слышно и огневая поддержка стихла, «духи» вдруг как попрут. Во весь рост пошли в атаку – не таясь! Им же трупы и раненых вытащить надо. В одного верзилу я весь магазин выпустил, а он орет, идет и не падает! Стреляю, а он, скотина, не валится! Обкуренный? Уколотый? Боли не чувствует или заговоренный? Патроны почти закончились – вот мы и дали деру. Точнее, отступили.

– Много мы их перебили?

– Ник! Да черт знает! Там их целая лавина пошла. Человек двадцать-тридцать.

– Ладно, здесь будем держаться, пока сможем. Если собьют – крышка нам всем. Перестреляют как куропаток!

Снизу громко заорал ротный:

– Мужики, сейчас вертушки подойдут! Поддержат! Не отползать, держаться! Стрелять! Не отступать! Не бежать!

– Товарищ замполит! Патроны кончились, я снарядил все магазины, – пробубнил Колесо, дергая меня за рукав. – Запас в мешках кончился.

– Колесников! Надо говорить «товарищ лейтенант»! Пентюх! Чему тебя учили!

– А меня в Союзе учили подметать, землю копать, да строить дома. Я стрелял всего один раз в учебке и эти уставы ваши не изучал.

– Эх, вояка! Ладно, Колесо, ползи за патронами к ротному. Хватит болтать!

А «духи» тем временем продолжали поливать нас плотным свинцовым дождем. И с неба дождь уже не капал, а лил как из ведра. Душманы патронов не жалели и по-прежнему что-то кричали в мегафон, что-то обещали нашим азиатам. Мой автомат начал заедать от толстого слоя нагара, и при смене пустых магазинов на заряженные затворную раму приходилось досылать ногой. И после этого он, как это было ни удивительно, все равно стрелял! Да! Это вам не американская М-16! Та уже давно бы засорилась, закоксовалась и отказала...

В воздухе появился «крокодил». Вертолетчик явно не понимал, где и кто из нас внизу находится, что свои, чужие сверху одинаково выглядят. Мы дружно зажгли дым и обозначили себя сигнальными ракетами. Заметили, поняли. «Ми-24» сразу радостно принялся уютить господствующие над ротой высоты.

Дружное «ура» пронеслось над нашими позициями после первого залпа неуправляемыми ракетами. «Ура» заорал и я, и даже слезы радости брызнули из моих глаз. Спасены! Погонов и Гудков вытащили к валунам «Утес» и АГС и замолотили по противоположной вершине.

Однако наша радость была недолгой. По вертолету начали стрелять крупнокалиберные пулеметы, и вертолет, плюнув напоследок «нурсами», развернулся и ушел на базу.

Я шустро пополз в сторону ротного на четвереньках.

– Ваня! Куда он улетает? Что случилось?

– Летуны сказали, что у них топливо кончается...

– Другие прилетят?

– Это вряд ли. Из поддержки только вопли начальников по связи: мол, держись, Иван! Орут все: от комбата до комдива. А комдив только что меня сыночком называл и призывал держаться. Обещал – помощь идет...

– Какая?!

– Третья рота и разведзвод. Но им плестись сюда самым хорошим ходом часа два-три.

– Что ж, вытащат нас, как мы вчера ту битую роту восемьдесят первого полка.

– Не паникуй, комиссар! Ползи обратно наверх. Чего тут околачиваешься? Держаться! Побежим – все ляжем вдоль склона. Давай назад к бойцам! И помни, что тебе яйца отрежут обязательно. Ха-ха-ха! Любят они, гады, замполитам яйца отрезать.

Да! Замогильный юмор ротного душевного спокойствия не прибавил. Захватив несколько пачек патронов у артакорректировщика, я выполз на левый край плато к своей группе. С другого фланга держится Острогин – беспрестанно стреляет и громко матерится. Возле него залег весь первый взвод, ведет огонь одиночными и изредка очень короткими очередями. Теперь мы стреляли, толком не видя противника за пеленой дождя. Смеркалось, дождь все усиливался. Стало заметно холодать. Это ведь горы! Постепенно поток воды превратился в мокрый снежок.

Чертыхаясь и сопя, на пяточок выполз Ваня Ковун с артиллеристом и призвал нас на совещание. Заползли в ямку сгрудились в кучу-малу.

– Мужики! Артиллерия бить прицельно не может – рота лежит вплотную с «духами»! – пояснил Кавун и дружески обнял нас с Острогиным за плечи. – Патроны вот-вот кончатся. АГС уже все гранаты расстрелял, в «Утесе» последние полленты, «мух» больше нет. Минут через двадцать стрелять будет просто нечем. Снежная пелена нас сейчас прикрывает, и «духи» толком ничего не видят. Я принес последний мешочек патронов, заряжайте магазины, сейчас пойдете в атаку!

Мы опешили и переглянулись. Этого я никак не ожидал.

– Ваня! Опять как вчера – в психическую?

– Надо сбить душманов с плато и вернуть эспэс. Тот, где ты, Сергей, час сидел. Необходимо сбросить мерзавцев вниз, и тогда артиллерия сможет точнее бить вокруг плато.

– В какую атаку? – удивился взводный. – Мы самоубийцы? С кем идти в атаку? Три узбека, я, замполит и Колесо?

– Мурзаилов со своим пулеметом? Это же ПК! Сила! Смотри, какой гигант-боец! Голыми руками всех «духов» задушит.

– Да у пулеметчика и половины ленты не осталось! – возразил Серега. – Тоже мне огневая поддержка...

– Оба сапера и Васька с вами пойдут! Надо, братцы, надо! А я, Степа, Ларик и артиллерист Блохин прикроем с фланга. Придавим огнем высоту слева.

– Взять только этот рубеж? Берлин брат не прикажешь? – с иронией уточнил я. – Почему я опять иду в атаку? Каждый день – иди в атаку, иди в атаку! Сколько можно?

– Крайняя атака! Взять СПС – и все! Ну, замполит, ну, шутник! – похлопал меня по плечу Кавун. – Закрепиться в камнях. И дальше никуда наступать не надо. Берлин не берем. И так, беглым огнем каждый выпускает по магазину – и бросок вперед! Потом как подберетесь ближе, кидайте гранаты. Повторяю: пошуметь, как вчера!

– Гранаты... Всего одна граната осталась – «Ф-1», – замялся я. – Больше нет гранат. – Возьми еще две мои РГДшки. Больше нет. С богом, ребята! – ротный, подбадривающее, ткнул меня кулаком в бок и уполз.

Мы собрали бойцов, начали их инструктировать и готовиться к смертельной психической атаке. Серега схватил меня за руку и крепко сжал ладонь.

– Ну что, Ник? Рискнем? Деваться-то нам некуда. Ну что, вдохновляй солдат...

Я коротко изложил суть замысла командира роты и внес небольшую коррективу:

– Бойцы! Атакуем не в рост, а ползем вначале на четвереньках, а потом пригибаясь, короткими перебежками вперед, стреляем одиночными и короткими очередями. Оставить немного патронов, чтобы было чем добивать раненых «духов».

– Гы-гы! Ха-ха, – нервно усмехнулись солдаты.

В заключение тирады и я нервно рассмеялся.

– У кого есть штык-нож или лопатки – взять! Может, рукопашная будет, – поддержал мою пламенную речь Острогин.

– Ну дела! Блин горелый! Прощай, мама! – вымолвил Колесников.

– Не ссы, Колесо, все будет в ажуре, – недобро засмеялся Васька. – Авось прорвемся!

Штурмовая группа растянулась в линию, и мы проползли метров пять-десять. «Духи» монотонно вели ленивый огонь, видно, тоже сэкономили патроны.

– Ура! Вперед! В атаку! – заорал я что было сил. – Ура! Гады, сволочи, скоты! А-а-а! Ура! Бей их!

Сидя, лежа, с колена вокруг меня стреляли солдаты. Только Саид встал в полный рост и выпустил длинную очередь из пулемета, а затем, что-то выкрикивая по-таджикски, пошел вперед, не переставая стрелять. Мы с Сергеем, что есть сил, швырнули по гранате в «духовское» укрытие и, подгоняя солдат, бросились вперед к укреплению.

– Быстрее! Ура-ура-а-а!!! Быстрее!

– Ура-а-а! – вырвалось из девяти глоток.

В несколько прыжков мы одолели ровный участок на плато, не переставая стрелять, и добрались до гряды камней.

«Сейчас, сейчас, сейчас будет схватка!» – стучала и вертелась в мозгу единственная связанная мысль.

Рукопашная! Какой ужас! Сейчас предстоит зарубить или заколоть человека!

Морально я к этому часа три назад был не готов, но в этот момент заколол бы и зарубил любого попавшего на пути. Если меня самого не зарежут или не застрелят... Вот сейчас получим очереди в упор: в грудь, в живот, в голову – и мы все тут ляжем.

Но что это? Из камней огнем не отвечают, СПС молчит, но слышен шум осыпающихся камней вниз в ущелье. Они бегут! Не выдержали!

– Гранату! Гранату кидай вниз! – заорал на меня Серега. – Ник! Скорей бросай свою «эфку»!

Я метнул гранату в распадок. Бах-бах-ах-х! – эхом ответил гулкий взрыв. Штурмовая группа залегла на краю плато и принялась короткими очередями стрелять по сторонам и вниз в ущелье. Взводный пустил осветительную ракету, и мы заметили, как внизу по склону удалялись чьи-то силуэты. Они отступили. Ушли!

– Серега, будем жить! Спасены! – обнял взводного вне себя от счастья.

– Задушишь! Ник! Ура! Они удрали! Колесо, бегом к ротному и передай – «духи» ушли. Все ушли! Бегом, солдатик, родной ты мой!

Штурмовая группа заняла оборону. Оборону – это, конечно, громко сказано. Опросив солдат, выяснили, что патронов у всех штук по пятьшесть на ствол. У меня – пять, у Сереги – три, у Васьки – семь, у саперов – ни одного, у узбеков тоже пустые магазины, для ПК последних три патрона в ленте. Гранат нет, и «подствольники» уже давно без гранат. Да, знай душманы, при каких обстоятельствах мы атаковали, а они отступали, наверняка вернулись и взяли бы нас голыми руками! Зарезали бы минут через десять всех.

– Офицеры и бойцы стояли и на краю обрыва радовались жизни. Подбежал ротный, весь занесенный снегом. Пурга усиливалась, и капитан стал похож на Деда Мороза.

– Мужики! Орлы! Герои! Занять круговую оборону! Саперам и первому взводу правее, Мурзаилов иди к ГВП, ваш пост будете там – левее, где главарь убитый лежит.

– А где мы разместимся? – спросил я Кавуна. – Внизу?

– КП роты в центре. Второй взвод выдвинем тоже вверх, туда – откуда мегафон орал, а третий в центре, рядом с нами.

Через полчаса рота собралась на плато и расплзлась по задачам. Снег валил сплошной стеной, не было видно ни зги, ближе пяти метров – черная тьма. Этот снег стал нашим спасением, чудом и несказанным везением! Душманы не подозревали, как они были близки к победе. Хотя кто знает, может, и у них боеприпасы кончались, да и, судя по кровавым следам, раненых нужно было уносить. Бродя по вершине, я с трудом нашел свой промокший бушлат. С каждой минутой становилось все холоднее и холоднее. Мороз!

– Офицеры! Доложить, какие потери во взводах! – дрожащими от мороза губами командовал Кавун.

– В первом потерь нет, – ответил Острогин.

– Во втором нет ни раненых, ни убитых, – радостным голосом пропел Ветишин.

– У меня все целы, – коротко изрек замерзший Голубев. От мороза нос Сизого стал натурально сизым.

– За третий взвод доложу я сам – тоже без потерь! – констатировал ротный и подвел итоги боя: – Приданные саперы и артиллеристы живы, рота без потерь! Вот это да! Мы молодцы! Такой бой выдержали, и ни единой царапины! «Духов» было гораздо больше! Чудеса! Так я в Бога начну верить!

– Что слышно о помощи? – спросил Острогин. – Идет? Не торопится?

– А никого не будет! Разведвзвод и третья рота где-то заблудились в пурге, видишь, как метет! Комбату сообщили, что не видят, куда топать. Ракеты бесполезно пускать – не разглядеть.

– Настоящая снежная буря поднялась! – согласился Острогин. – И кто бы мог подумать несколько часов назад на солнцепеке. А сейчас как на севере!

– Замполит, не надо теперь тебе ехать в отпуск в Сибирь! – хохотнул Иван. – Тут как в тундре, и мы сейчас можем все замерзнуть! Час от часу не легче. Бойцам спать не давать! Положить всех кучнее, пусть греются. Тормозить и теребить. Охранению меняться через час, пусть ходят по периметру попарно. Главное – не обморозиться. Что с боеприпасами?

– У меня нашелся полупустой магазин и граната, – ответил я.

– У меня лишь два патрона, – осклабился Голубев.

И у каждого бойца боеприпасов было не больше магазина. Как отбиваться, если на нас попрут? «Мух» не осталось, пулеметы без патронов, АГС с четырьмя выстрелами!

– Да... дела... – подвел грустные итоги ротный. – В эфир об этом не сообщаем, боюсь, вдруг информацию «духи» перехватят. Но если они утром полезут нас прошупать, то мы даже налегке до своих не добежим – очень далеко. Артиллерист! Организуй беспокоящий огонь по вершине над нами и огонь по обоим ущельям! Поработай с батареями!

– Понял! Сейчас сделаю привязку и попробую артиллерию нацелить точнее, – ответил старший лейтенант Блохин.

На ночь мы укрылись с Кавуном в его спальнике, свой мешок в пурге я так и не нашел. Половина вещей роты осталась на склоне, и сейчас под снегом отыскать их было невозможно. Как все быстро поменялось! На смену жаркому бою пришла пытка стужей. Дожить бы до рассвета!

Всю ночь офицеры по очереди бродили по высоте, будили солдат, трясли, толкали – не спать, не спать! Сон на морозе – это практически неминуемая смерть или сильное обморожение. Ужасная метель продолжалась всю долгую ночь, и эта ночь казалось бесконечной.

Я дрожал всем телом, сна ни в одном глазу, был только страшный пронизывающий холод. Снег и ветер, сырая обледенелая одежда. Эти муки становились невыносимы. Тело ломило, суставы скрипели от сырости. Лишь к рассвету сон все же сморил, и я провалился в него, словно в пропасть.

Утром ветер разогнал тучи, и яркое солнце без малейших помех начало отогревать наши промерзшие тела и души. Вершина ожила – нет больше недавних мучений! Потеплело, пригрело. Теперь мы могли почувствовать себя туристами в Альпийских горах! Только очень усталыми и голодными.

Солдаты принялись окапываться, строить укрепления, разыскивать потерянные в снегу вещи. Нашелся и мой брошенный на бегу вещмешок, а недалеко от него станок от АГС – вчера гранатометчики стреляли без него, прямо с рук, уперев в камень.

Внизу в ущелье виднелся небольшой кишлак, в который вечером отступили «духи». Никакого движения в нем не было видно. Затаились? Хотя, вероятнее всего, душманы смотались оттуда еще до рассвета.

Второй взвод Кавун поднял повыше по склону, а первый спустил пониже. Систему обороны создали, но патронов-то, как и прежде, нет. Несколько минут боя, и нас сметут с хребта как пыль.

– Ваня! Что сказал Подорожник? – спросил я ротного после сеанса радиосвязи.

– Да ни хрена хорошего! Велел сидеть и не отходить с задачи! Держать оборону! Обещает, что скоро придут разведчики с боеприпасами. Третья рота в буране ушла куда-то в сторону и теперь собирает заблудившихся.

– Как же так? Ведь Женька не зеленый пацан – опытный офицер!

– Кто их знает. Может, заблудились, а может, испугались. В принципе, я думаю, реальная опасность миновала. «Духам» не до нас: они лишились главаря, есть раненые и убитые. Боеприпасы за два дня боев тоже, наверное, на исходе. Поскольку они не знают, что с патронами в нашей роте совсем жопа, думаю, они сегодня не сунутся. И они поняли, что мы не трусы, а боевое подразделение! Два дня подряд им даем прикурить!

– А вертушки? Почему к нам вертолетом помощь не забросить?

– Вертолетчики после обстрелов из пулеметов и ПЗРК не хотят сюда соваться. Тем более у нас нет особых проблем – ни убитых, ни раненых нет. Сейчас позавтракаем и будем наблюдать за окрестностями, греясь на солнышке. Я же говорю, горный курорт! Мать его так!

ПРОКЛЯТЫЕ ЧЕРНЫЕ ГОРЫ

С каждой минутой я все больше и больше ненавидел идущего впереди меня сержанта. Парень был из тех, на ком природа отдыхала.

Маленького роста, рыжеватый, с веснушками, которых хватило бы на пятерых, с торчащими ушами, да еще и кривоногий. Вещмешок отвис и при ходьбе стучал ему по задку, а сапоги были явно на пару размеров велики, и поэтому он шлепал ими, запинаясь, спотыкаясь. Мы с этим олухом все больше отставали от уходящей роты. Рота спешила и почти бежала, быстрее и быстрее вниз с хребта в район, где стоит наша техника. Автомат у бойца висел на одном плече, на другом он нес ствол от пулемета «Утес». Силуэты солдат начинали таять в раскаленном мареве воздуха. Разрыв между нами и ротой постепенно увеличивался. Два часа я его подгонял пинками и матами, но это помогало все меньше, скоро нас нагонят «духи», и тогда нам крышка, как только они выйдут на прицельную дальность, так здесь мы оба и ляжем. Умирать сегодня не хотелось. А кому хотелось? А когда хотелось? Да, никому и никогда!

– Эй, сержант, отдай мне ствол, а то скоро умрешь окончательно. И какой козел отправил тебя учиться на пулеметчика? – прохрипел я, пытаюсь перевести дух.

– Я не виноват: куда послали, там и служу, – ответил сержантик. В его глазах стояла затравленность, переходящая в ужас, он начинал понимать гибельность нашего положения. Связи у нас нет, рота быстро движется к технике, а я и этот «осколок» советской военной угрозы ползем как черепахи.

Как всегда, в мою задачу входит собирать, подгонять и выводить отстающих доходяг. Сейчас мне достался этот молодой сержант из гранатометно-пулеметного взвода Юра Юревич. Это был его первый рейд, который мог стать последним.

– Товарищ лейтенант, я не виноват – старшина дал мне таки вельки сапоги. Я ему гаварыл, что они хлябают, а он сказал: других няма.

– Ладно, бульба недоделанная, хватай автомат и бегом, быстро, как только можешь.

Глаза его радостно загорелись. Мое решение облегчить его ношу сержанта очень обрадовало, однако скорости ему не прибавило. Теперь мешал вещмешок, который почему-то отвисал все ниже, а автомат прикладом цеплял ноги. Юра все свои усилия сосредоточил на борьбе с ним.

– Бульбаш! Не надейся, что я и автомат за тебя понесу, у меня всего две руки, два плеча.

– Да я ничего такого не думаю, – задыхаясь, ответил Юревич, но в его серых глазах явно промелькнула подлая мыслишка.

– Стоп! Быстро перебери шмотки в вещевом мешке!

Боец вытряхнул содержимое из мешка: две минометные мины в самом низу, четыре гранаты, мешочек с патронами, сверху одежда и пара банок сухпая, пустые фляги.

– Клади мины сверху и быстро перематывай портянки.

Я посмотрел в сторону вершины хребта, там были уже видны фигуры наших преследователей. Пора чуть охладить их пыл. Дал длинную очередь для острастки – пусть не спешат – и догнал сержанта.

– Бегом, бегом, пехота зачуханная! Мать твою!

И в довершение тирады дал ему под зад щедрого пинка. Сержант приободрился и поскакал гораздо резвее. Теперь со стволом пулемета не успевал за ним уже я сам. Тельняшка мокрая насквозь, рюкзак хоть и полупустой, а остатки боезапаса тянут плечи к земле. К земле давил и двенадцатикилограммовый ствол. Как он его нес предыдущие пятнадцать километров? Теперь мне предстоит бег по хребту со стволом!

Дышать становилось тяжелее. Черт меня дернул на эту войну. Где были мозги? Доброволец хренов. Так и пропаду ни за что. Хорошо, если легко, а если с мучениями?

Солнце медленно садилось и палило не так ужасно, как в полдень, но все равно палило. Хотелось пить, но воды не было. Кончилась еще утром. Мои семенящие шаги и легкая трусца Юревича совпадали по частоте, а его надрывное дыхание и мое тоже сливались в один хрип. Загнанные боевые лошади. Когда же ротный заметит, что мы гибельно отстали? А может, видит, материт, но надеется, что успеет уйти, и не хочет всех угородить?

Сзади слышались первые выстрелы, очереди пока не долетали, но так долго не может продолжаться. Проклятый ствол! Снова переходим на бег. Выстрелы придают ускорение. Хочется жить.

Впереди возникла гряда небольших камней, ствол с плеча на землю – очередь по горному склону повыше и еще одна – поближе. Меняю пустой магазин в лифчик-нагрудник, наполненный – в автомат. Теперь меняем ношу: ствол пулемета в руку, автомат на плечо, легче не становится, вновь возвращаю ствол на плечо. Чтoб треснул тот, кто придумал такой тяжелый пулемет, хорошо хоть он разборный. Быстро догоняю Юревича, руки для подзатыльника заняты, потому вновь отвешиваю ускоряющий пинок.

Это действует, но только минут на пять. Главное, чтоб он не упал и не отказался идти. Тогда обоим кранты, его не бросишь, а сил тащить нет. «Духи» нас нагонят быстро. Финалом будет короткая перестрелка, и придется себя любимого подорвать гранатой. А не хочется. Жутко не хочется.

– Юрик, милый, давай скачками, быстрее! Пошел на хрен с подскоком и притопом. Жить не хочешь, что ли?

Умоляющие глаза на грязном лице говорили, что хочет, но почти не может хотеть жить. Больше всего бесили эти хлюпающие сапоги, в которых он был как мальчик-с-пальчик и кот в сапогах одновременно.

Пули внезапно зарылись в каменистый склон совсем рядом. Вот это уже совсем плохо. Это уже полный абздец. Как они быстро бегут, гады. Видимо, преследователи спешат налегке.

Но эта «духовская» очередь придала силы и сержанту, и мне. Минут пятнадцать мы неслись как метеоры, с хрипом, с клетотом рваного дыхания в горле, слюна пересохла в запекшейся глотке. Сердце бешено рвалось из груди. Молотом бьет пульс в висках, ноги как чугунные, но бежать необходимо. Проклятый ствол! Бросить нельзя: пулемет без него – кусок железа, а запасного ствола в горах нет.

Не останавливаясь, разворачиваюсь и пячусь спиной. Даю очередь вдоль склона из автомата, зажатого прикладом под мышкой, не прицельно, но пусть «духи» сильно не спешат и не радуются добыче прежде времени.

До меня долетел вопль дикой радости Юревича.

– Наши! Вижу наших! Скорее, товарищ лейтенант!

Ну, вот, теперь он меня подгоняет...

У берега речушки лежали оба брата-мусульманина и о чем-то мирно, как дома, беседовали на своем языке.

– Мурзаилов! Уходим!

Пулеметчик нехотя прервался и с уверенностью бывалого солдата на ломаном, гортанном языке, отдаленно напоминающем русскую речь, начал костерить молодежь, горы, жару, солнце. На его сером, обветренном, заросшем щетиной лице появилась ободряющая улыбка. Как он умудрялся постоянно зарастать щетиной до самых глаз? Загадка. Недаром он с высокогорного Памира.

По ручью никто не крался, «духов» нигде пока не видно, поэтому нужно быстрее уходить. Мы дали в обе стороны вдоль ручья несколько длинных очередей из пулеметов и тоже побежали. На вершине склона нагоняем выползающих измученных солдат.

Смотрю на их лица, вглядываюсь в их глаза. Выдержат ли? Смертельная тоска и усталость. Пот струится по лицам и телам ручьями, гимнастерки белые от засохшей соли (это

едкий солдатский пот). Пыльные сапоги и ботинки хлюпают растоптанными подошвами. Они карабкаются как вьючные мулы. Хрипы, кашель, мат. Мало обстрелянная молодежь пока плохо справляется с выпавшей на ее долю войной. Ну, ничего. Через три-четыре месяца это будут нормальные солдаты – те, кто выживет! Те, кто не будет стараться закосить и сбежать куда-нибудь в тыловое подразделение (в санчасть или же госпиталь).

Сержанты затаскивали на вершину склона выдохшихся. Я тоже от протянутых рук не отказался.

Ротный взглянул насмешливо.

– Дополз? Я думал, ты пропал с этим маломерком и вертушки нужно вызывать – выручать.

– Да, это еще ничего – наш грузин чуть дуба не дал. Еле-еле откачали. Давай бойцов немного разгрузим, постреляем по «духам»?

– Сейчас доложу Подорожнику обстановку и отдолбимся.

– Связист! Связь с комбатом!

Я прошел вдоль цепи лежащих ничком солдат. Вроде силы их покинули, умирают и никогда не оживут, но дай команду – и, проклиная все, пройдут еще и еще много километров, сколько надо, и будут идти, пока не выйдут на задачу. А куда денешься?

– Артиллерист! Ставь миномет, комбат дал добро пострелять по «духам». Наводи по тому склону и молоти вдоль хребта метров на пятьсот, расстреляй все мины. АГС и «Утес», лупите по той стороне ущелья, как только разглядите движение. Огонь пятнадцать-двадцать минут, и живо рвем отсюда к броне.

Бойцы радостно притащили мины к расчету, а после команды взводного минометчика принялись плюхать эти мины на ту сторону ущелья. Движение «духов» быстро прекратилось. АГС и «Утес» отстрелялись, теперь оставалось по ленте, на всякий случай.

Кавун посмотрел в бинокль на результаты работы и, улыбувшись, хлопнул меня по плечу.

– Уходим! Ты вместе с Зибоевым и Мурзаиловым вновь прикрываешь роту. Через десять минут догоняй, подбирая отстающих доходяг.

Пехота ушла, а мы лежали и вглядывались в противоположный берег. Желания догонять «шурави» после ураганного огня у мятежников больше нет. Полежали, расслабились, отдышались, отдохнули.

– Убегаем, мусульмане, и быстро! Очень быстро!

Радостно подхватив пулеметы, солдаты побежали догонять своих, да так, что за ними и не успеть!

Через тридцать минут на последнем гребне я поравнялся с колонной роты. Перед нашими глазами открылась необычайная картина. Огромное скопление нашей техники, которая вся в оранжевом обрамлении.

– Ого! Чем их повара кормили? – заржал Кавун. – Пронесло бойцов чем-то необычайным, экзотическим.

– Скорей вниз! Может, нам тоже этого продукта осталось, – мечтательно произнес я и жадно облизнул губы. – Жрать хочется весь день:

ни банки в мешке, ни сухаря в кармане.

– Ну, ты – раб желудка, Ник! – засмеялся и весело хлопнул меня по плечу Серега Острогин.

– Все, хватит болтать, всем быстро вниз. «Трупы» гнать, то есть доходяг, как можно скорей, через полчаса ни одной машины там не будет, и мы начнем запрыгивать на ходу. Вперед, пехота, внизу – жратва и отдых, а кто отстанет – я не виноват! – громко и торопливо командовал ротный.

Мы спускались все быстрее и быстрее. Бежать без мин и пулеметных лент с пустыми мешками, конечно, гораздо легче. Повстанцы были на приличном расстоянии и стреляли лишь для острастки, подгоняя нашу последнюю роту, спешащую к своим. Ну, ничего, наведем на «духов» с брони авиацию. Хватит нас гонять как зайцев.

Одного я так и не понял: зачем мы приходили сюда, если бежим без оглядки и боимся опоздать? Зачем мы тут бродили десять дней? Стреляли, взрывали, сжигали? Кто, зачем и как все эти операции планирует?..

А началась эта операция красиво, как в кино. Прямо реклама советской военной мощи. Нас привезли на аэродром, построили, пересчитали, проинструктировали, еще раз проинструктировали, еще раз пересчитали, опять проинструктировали, еще раз пересчитали... Это было много раз, почти бесконечно.

К вечеру транспортные самолеты стали прогревать двигатели. Старые «АН-12» постепенно заполняли тремя батальонами. И это все от нашей дивизии. Стратегия этой операции была замысловатой и необычной – десантирование в район Черных гор, что под Джелалабадом. Вся хитрость заключалась в скрытой и быстрой переброске пехоты самолетами, а броня неспешно выдвигалась в этот район позднее. Вначале нас бросали к границе с Пакистаном, отрезая «духам» отход, а затем мы должны были прочесывать горы и кишлаки, постепенно возвращаясь к основной дислокации бронегруппы.

Самолеты загружались солдатами под завязку, да не просто под завязку, а так, что бойцы стояли один к одному, как карандаши в коробке, бросив под ноги мешки (лететь всего минут сорок). Некоторые стояли на самом краю поднимающейся откидной аппарели. Наш первый батальон грузился последним, а первая рота – самой последней в батальоне. Я с интересом наблюдал за этим процессом. Суегливо подгонял вместе с ротным солдат и вскоре с удивлением обнаружил, что ни мне, ни Кавуну, ни комбату и еще паре офицеров места нет в самолете, как мы ни пытались туда втолкнуться.

Седой генерал – комдив Максимов – звучно крикнув, командовал садиться вместе с ним в салон – гермокабину. Жизнь становилась еще веселей. В забитом чреве грузового самолета, стоя и потея, некомфортно лететь я, конечно, не желал. А с комфортом – с удовольствием! Только заскочили в командирский салон и сели в уголке, как транспортник тотчас же помчался по бетонке и взлетел.

Почему-то в самолете сразу же раздались рычание, визги, вопли, шум, гам. На шум прямо по головам солдат бросился «бортач», через двадцать минут этот прапорщик вернулся, трясущийся, бледный и весь взмокший. Он доложил генералу, что боковой люк начал почему-то отходить в сторону и открываться. Еле-еле его притянули на место и закрыли. Может, на земле не закрыли хорошо, может, кто-то что-то нажал. Шутники!

Кровь отхлынула от лица комдива, и он смертельно побледнел. И мы все похолодели. Если бы люк совсем отошел на вираже, то выдуло бы не один десяток солдат. Отбомбился бы лайнер пехотой по Кабулу. В гробовой тишине мы летели до Джелалабада и только на месте, построившись и проверив людей, дали волю чувствам и матам. Эта красивая операция могла обернуться катастрофой. Набили бойцами самолеты, как селедками бочки, и доложили в Москву о выдающейся стратегической операции. Александры Македонские, Наполеоны хреновы! Наверное, керосин экономят, раз нас перевозят как скотину. Сначала разворуют все, а потом экономят. Форменное свинство!..

Древний Джелалабад мы даже не увидели, потому что рано-рано утром влезли в вертушки и полетели к границе в неприступные горы. Задачи подразделениям поставили перед самым вылетом. Перебрасывали нас в Черные горы, где уже всюду шел тяжелый бой в укре-

прайоне. Десантники и местная бригада бились, зажатые со всех сторон. Ротный пришел с совещания и застонал, заломив панаму: замена опять под угрозой!

– Братцы! Там мясорубка! Не хочу! Один штурмовик и «крокодил» сбиты. Теперь мы пойдем штурмовать горы, уничтожить систему ПВО.

Распределили десанты по вертолетам, подали списки Подорожнику, и на загрузку.

«Борты» уходили один за другим в мутное небо. Холодное раннее утро, голодный желудок, чужая страна и незнакомая местность – все это совсем не настраивало на веселый лад. Бомбежка была слышна даже на аэродроме, да и армейская артиллерия била непрерывно.

Быстрый воздушный подскок на вертолетах к площадке. Мою группу выбросили немного в стороне от батальона, над нами возвышался какой-то бугор. Взводный старший лейтенант Александр Пшенкин, с которым я оказался вместе, был заменщик, но к нам попал после госпиталя из третьего батальона и в рейд шел в первый раз. Полтора года старший лейтенант парился на горной заставе и теперь попал в переplet.

– Саня! Жмем быстрее вверх, пока эта горочка пустая и, кажется, нет «духов», – прокричал я сквозь шумы винтов удалявшегося вертолета, указывая рукой на сопку.

Пыль и сухая трава, поднятые вертушкой, забивали рот, нос, глаза. На плато ниже нас вертолеты садились под непрерывным огнем противника. Один из вертолетов улетел, оставляя за собой дымовой шлейф. Бойцы, спрыгивая на землю, сразу вступали в бой. Вершина, которая возвышалась над остальными холмами и господствовала над плато, изрыгала плотный бесконечный пулеметный огонь по нашим не подготовленным позициям. Да их и позициями-то трудно было назвать. Бойцы зарывались куда могли, строили лежа, где высадились, сооружая под обстрелом укрытия из камня.

На укрепрайон боевиков пикировали пара за парой штурмовики, непрерывно меняя друг друга, и наносили ракетно-бомбовые удары. Однако ответный огонь по самолетам и вертолетам не стихал. В воздухе крутили карусель четыре «Ми-24», которые также били по вершине.

Наш взвод оказался в тылу у «духов», и нашу группу они почему-то не заметили. Расчет АГС попал с нами, поэтому, разместившись на высоте, бойцы быстро закрепили гранатомет на станок.

– Саня, противника видишь? – спросил я взводного. – Начинай бить по ближайшему холму к нашей высоте.

– А может, тихо отсидимся? Если басмачи на нас полезут, то не уйти. Где рота – ведь непонятно, а рядом своих больше нет. Собыют с горки и перестреляют!

– Мы отсидимся, а там, в лощине, комбата задавят. Бьем по «духам» из всех стволов! Десант из низины выбьют и за нас возьмутся, – не согласился я со взводным и подозвал молодого солдата, недавно прибывшего к нам с пополнением. – Эй! Снайпер! Керимов! Всех, кого увидишь на горе, – мочи! Не давай продвигаться наверх! Чтоб никто через лощину не переполз, понял? Всем остальным рассредоточиться!

Бойцы расползлись по холму.

– Дубино! – окрикнул я замкомвзвода. – Распредели солдат: двух наблюдать за тылом, двух – на левый фланг, и ты с ними, двое – со мной, гранатомет со взводным будет. И связиста мне! Я пошел на склон, а ты, Саня, командуй АГСом.

– Хорошо. Но смотри, сам башку лишней раз под пули не подставляй, – попросил меня Пшенкин.

По карте мы определили наше местонахождение. Я вышел на связь, доложил и услышал в ответ сердитый голос ротного:

– Какой вас хрен туда занес? Как будешь оттуда выбираться? Мы в пяти километрах на хребте над вами.

Вот это высадили летуны! Пять километров в горах – это пятнадцать километров по равнине. Ого!

– Не хрен занес, а вертолет «Ми-8»! – ответил я Кавуну. – «Духи» у нас как на ладони и пока взвод не засекали. Мы закрепились, предлагаю долбануть им во фланг!

– Подожди, спрошу у старшего.

В разговор тут же вмешался комбат.

– «Бакен-02»!

Это был мой позывной.

– Видишь обстановку? Что скажешь?

– Вижу все очень хорошо, – откликнулся я. – Внизу бой, наши прижаты.

– Это я и прижат! Понял меня? Чем поможешь?

– АГС и десять стволов, отвлеку часть огня на себя, накрою две-три точки «духов».

– Помогай быстрее! Много «трехсотых» и есть «ноль двадцать первые». Быстрее давай огня!

Ну, вот само собой и разрешилось: вызываем огонь на себя. АГС выплюнул большинство выстрелов ленты и накрыл два укрепления «духов», а снайпер завалил пару «басмачей». Наш дружный огонь расшевелил этот большой человеческий «муравейник» напротив наших позиций.

Такой наглости афганцы, очевидно, не ожидали. Прямо под боком сидит группа русских и расстреливает героев – моджахедов. В бинокль видно было, как мелкие отряды человек по десять перебежками двинулись к нам. Ага! Испугались окружения, каналы! Мы ведь им отходные пути отрезали.

– Бойцы, мордой в землю не зарываться! Снайпер, прикроешь меня. Я из нижнего укрытия буду бить и немного отвлеку огонь на себя, а ты снимай «духов» по одному. Дубино, тоже прикрывай меня огнем!

Идея, как отвлечь на себя внимание банды, была простая. Если снять у АКСУ пламегаситель, то автомат стреляет в горах так громко, что кажется, это бьет крупнокалиберный пулемет. Пусть душманы подумают, что тут работает мощная огневая точка, и огонь перенесут с гребня на меня, тогда ребятам будет легче. Ну, право, не дурак ли?!

Укрывшись в валунах и соорудив из камней бруствер, я выпустил в сторону «духов» пару магазинов. Толку от этой пукалки на таком расстоянии никакого, но шума как от автоматической пушки. Моя стрельба произвела должный эффект. Что тут началось! Пули градом сыпались на валуны, с визгом улетали во все стороны рикошеты. Я стрелял лежа, приподняв руку с автоматом, попасть в меня мог только рикошет, но все равно было жутковато.

Снайпер сверху время от времени производил отстрел наступающих. Дубино, даже не знаю, прицельно ли, также вел ответный огонь. Не понимая толком, что у нас за вооружение, афганцы прекратили перебежки. Но затем, когда гранатомет, самое наше мощное оружие, перестал работать, они опять поползли изо всех щелей.

– Взводный, что слышно? – заорал я. – Почему молчит АГС? Дубино! Там остальные еще живы?

– Да живы мы! Взводный на связи и говорит, что кончились все гранаты. «Духи» все лезут и лезут. Товарищ лейтенант, я вас прикрою трюхи, а вы выползайте, а то отрежут вам отход.

Снарядив расстрелянные магазины патронами, я, как ползучий уж, выбрался из своего укрытия. Хорошо, что в небе начало смеркаться. Пули свистели, но меня враги вроде бы не видели, поэтому я и выбрался целым и невредимым.

В глазах сержанта было веселье и одновременно ужас.

– Это было что-то! Я такой стрельбы еще не слышал. Вы прикальваете, а нам тут не меньше вашего досталось, а может, быть и больше. Они, наверное, ползут за мощным пулеметом, трофей хотят взять, а тут всего-то плевательница, АКСУ.

– Васька! – оборвал я его. – Стреляйте экономно, сейчас поговорю с комбатом, будем рвать когти отсюда, пока это возможно.

Взводный Пшенкин лежал в окопчике и переговаривался с Кавуном по связи. Тот наблюдал нас в бинокль и ставил задачу на выход.

– Что говорит? – спросил я у Пшенкина.

– Все роты уже отползли в укрытия, надо уходить и нам, как стемнеет. Конечно, если раньше «духи» не обложат нас со всех сторон. Можем опоздать с отходом...

Авиация работать уже закончила. Теперь по укрепрайону била артиллерия, а разведка, пехота и десантники отступили на ночь на дальние высоты. Мы остались вблизи «духов» совсем одни.

– Ну что, Саша, добьем последнюю ленту гранатомета по «духам» и быстро уходим! Задержимся на лишние десять минут – и нам кранты, не выбераться. Командуй взводом, а я и Дубино прикроем отход! Только минут на пять, не больше!

«Черт, опять придется отходить в замыкании!» – подумал я с сожалением. Теперь хотелось быстро драпать!

– Ладно, только не отставай, не засиживайся: если не успеете проскочить, то сам понимаешь, помочь тебе будет невозможно, – как бы извиняясь, сказал Пшенкин.

– Не отстану! Жить хочется не меньше твоего...

Я переполз к валунам, за которыми укрывались замкомвзвода с двумя бойцами. Солдаты время от времени не прицельно, для остротки шумового эффекта, били вниз по склону и по противоположному холму. С каменной гряды и из распадак отвечали более интенсивным огнем: патроны враг не жалел. Темнело все быстрее.

«А в сумерках и проскочим», – мелькнула в голове мысль, и я уверовал в спасение.

– Ну что, товарищ лейтенант? Надеюсь, мы недолго тут будем развлекаться? – с надеждой спросил Дубино; в глазах сержанта появилась явная тревога.

– Итак, бойцы, – довел я приказ своей группе. – Мы с Дубино некоторое время прикрываем отход, а вы бегом к гранатометчикам.

Обрадованные молодые солдаты быстро уползли за камни на карачках, как большие худые пауки.

– Товарищ замполит, и мяне, и сэбэ погубите! Может, усе зараз уйдемо?

– Не дрейфь, бульба, успеем, прорвемся! Хватит болтать, заряжай магазины, – оборвал я нить сержанта. – По два рожка расстреляем и драпаем.

Нагло и в открытую «духи» не перебежали, но все равно потихоньку перекатывались и переползали ближе и ближе. Как только мы прекратим стрелять, они, конечно, поймут, что добыча уходит, и сразу начнут преследование. Небо становилось все сумрачнее, в глубокой лощине сгустился туман, поднимаясь к вершинам. Солнце уже скрылось за хребтом, и только на западе еще оставалось чуть заметное красное свечение. Значительно похолодало, усилился ветер. Тоже хорошо, по холодку легче уходить.

Минуты за четыре мы расстреляли плановые четыре магазина патронов, на всякий случай я бросил в распадок гранату. Взрыв отозвался вместе с гулким эхом криками проклятий. На пятую минуту терпения у меня не хватило.

– Васька, если хочешь жить, то беги быстро, как сможешь! И даже еще быстрее!

Мешок за спиной, полный продуктов, тянет назад, лифчик-нагрудник сдавливает грудь и живот. Дышать тяжело, и когда еле идешь, а когда бежишь – сердце вырывается из груди. Вскоре в лощине мы нагнали свой взвод. Ночь стуслилась, и впотьмах мы чуть не заблудились и не промахнулись тропой.

– Саня, Сашок, это мы! – громко и радостно вскрикнул я, опасаясь, что ненароком свои с перепугу расстреляют.

– Ну, молодцы, я боялся, что вас отсекут от нас! – обрадовался Пшенкин.

Бег по пересеченной местности с оружием, боеприпасами, экипировкой да еще с автоматическим гранатометом только называется бегом. Прибавить скорость было совершенно невоз-

можно. Стрелковое оружие гранатометчиков тащили другие солдаты, а ведь у каждого еще по две минометные мины для приданного миномета. Вот она, каторжная работа горной пехоты. Все свое ношу с собой и не свое – тоже!

Совсем стемнело. Ночь в горах обрушивается на землю столь стремительно, что просто не успеваешь приготовиться к ее приходу. Темень – хоть глаза выколи, до восхода луны ничего не видно в метре. А луны на небе, к нашему счастью не было. Мы шли вроде по верному направлению, но могли и сбиться.

Ночь нас пока спасает, но может и предать, если заблудимся. Выпустишь сигнальную ракету – обнаружишь себя, и можно не успеть уйти. «Духи» бегают налегке, а мы нагружены, как ишаки.

Там, где несколько минут назад был наш взвод, уже закрепились мятежники. Они, не зная, где мы точно находимся, вели некоторое время огонь во все стороны, но вскоре эта беспорядочная стрельба прекратилась.

– Васька, поставь пару растяжек на тропе, – приказал я замкомвзвода. – Может, нарвутся, это их задержит.

Поясню не знающим гражданским: растяжка – это когда к кольцу запала гранаты привязываешь нитку или веревку. А эту нитку – к какому-нибудь камню или ветке. Чуть дернул ниточку, и через четыре секунды – взрыв.

И все же нам повезло, ловушка нашла свою жертву. Минут через шесть-семь сзади раздался взрыв, затем крики и стоны.

– Кому-то не подфартило, – глубокомысленно изрек Дубино.

Сразу после взрыва «духи» открыли ураганный огонь, стреляли не прицельно, пули свистели в воздухе, рикошетили от камней с леденящими душу взвизгиваниями.

Взвод уходил, пригибаясь к земле, все быстрее и быстрее. Солдаты втягивали головы, испуганно озираясь, было жутко и неприятно. Однако наши растяжки, поставленные на тропе, чрезмерное рвение преследователей охладил. Огонь из автоматов не приближался. Остановились? Очевидно, у них появились убитые и раненые. Может, зацепило? Вторую растяжку «духи» пока не задела: то ли не дошли, то ли сняли, то ли обошли стороной.

Ротный по связи дал ориентир: пускаю две ракеты – красную и зеленую. У подножия высотки нас встретят свои.

Невдалеке впереди разрезали черное небо ракеты. Ура, мы от роты были совсем близко. Минут через пятнадцать на подъеме натолкнулись на наше подкрепление – это первый взвод Острогина спустился на помощь.

Спасены!

На высотке командир роты расположился вместе с комбатом – группа управление батальона вышла в наше расположение. Сейчас к чему-нибудь да и придерутся. Например, к форме.

– Ну, что, все целы? Что за взрыв был недавно, докладывай, комиссар! – с хода рявкнул Подорожник.

– Все на месте, все целы, оружие в наличии, а на растяжке «духи» подорвались, – отрапортовал я ему весело.

Взводный благоразумно пристроился за моей спиной. Ну, Пшенкин, ну, жук! Все шишки теперь мне достанутся. Комбат был службист, брюзга и умел, даже если не за что, найти повод и взгреть.

– Ну, у тебя и вид, комиссар! – «Комиссар» он всегда выговаривал ехидно и грассируя буквами «р» и «с». – Чисто партизан. Что на тебе одето и обуто?! Какой пример солдатам?! Комбат по форме одет, начштаба – по форме. А в ротах что ни офицер, то нарушитель формы

одежды, все в кроссовках, в тельняшках! Ты с какого авианосца сбежал, лейтенант? – начал постепенно распалаться майор.

Брызгал ли он при этом слюной, в темноте было не видно, но что забавные чапаевские усы, торчащие в разные стороны, сильно дрожали, – это было заметно.

– Батальонного замполита в горы не загонишь, а ротный замполит как анархист одет! Всем охвицерам привести себя в порядок! Командир роты! Усилить охранение и наблюдение. Вести ночью беспокоящий огонь и пускать раз в полчаса ракету. «Духи» вокруг орудуют, а тут не офицеры, а сброд какой-то! Зеленые, мальчишки! – рывкнул Подорожник.

Скрипя зубами и продолжая ругаться, он ушел.

– Он с чего с цепи сорвался, Иван? – спросил я шепотом ротного.

– Мы его переползания весь день прикрывали, огонь на себя отвлекали, еле-еле из окружения ушли, а он как на врагов набросился! Старый мудака!

– Да не кипятись! – равнодушно и даже легкомысленно ответил Кавун. – Весь день наш Чапай со взводом связи под пулями лежал, натерпелся страху, напалзился – вот на нас зло и срывает, вместо благодарности. Ты же знаешь: его любимый конек – форма, порядок, устав. Ничего, обтешется, еще сам тельняшечку попросит достать и кроссовки наденет. И никакой он не старый – тридцать четыре года ему всего-то...

Ветерок приносил не только бодрость, но и тревогу. Время от времени по укрепрайону били «Грады», вели огонь артиллерийские орудия. Иногда часовые давали от испуга очередь в темноту, тогда вспыхивали ракеты, раздавался треск нескольких очередей, и наконец все стихало.

«Духи» себя не обнаруживают, их позиции как вымерли. Зализывают раны. Что-то будет завтра?

Растолкав Острогина и напомнив ему про очередь на дежурство, я осторожно, чтоб не наступить на какого-нибудь ленивого бойца, не построившего себе укрытие, побрел спать.

Свекольников опять дремал, но не спал. Болтать уже не хотелось. Руки, ноги и спина требовали отдыха, а голова – хорошего сна...

Подъем начался раньше, чем мы ожидали. Утренний воздух был довольно прохладным, конечно, ведь уже ноябрь на дворе. От холода изо рта шел пар, воспалившееся горло побаливало, спальник покрылся росой, а на камнях проступил даже иней.

Ротный неласково пихал меня в левый бок ногой и торопил.

– «Духи» по наблюдению вроде ушли, идем чесать местность, разведка уже спустилась. Поднимать роту – быстро! На сборы пятнадцать минут! Офицеры, ко мне!

Наскоро поставив нам задачу, Кавун сориентировал офицеров по карте. Через пятнадцать минут вершина была пуста, и бойцы цепочкой поползли на плато. Пока подразделения добрались до укрепления «духов», разведчики и саперы уже осматривали высоту.

Засохшей крови и окровавленных бинтов было очень много, но ни живых, ни раненых, ни убитых мятежников не нашли.

– С собой, как и мы, всех тащат, – уважительно сказал капитан Кавун. – Видишь, Ник, законы войны у нас с ними одинаковые. Никого не бросили! Трупы куда-то забрали, схоронили.

Действительно, мертвых они унесли, а оружие не смогли, бросили. На вершине осталось несколько пулеметов, безоткатное орудие, миномет, много боеприпасов.

Вскоре на вершину поднялась группа управления полка. Толстый, пыхтящий командир полка, забравшись наверх, сходу выпил полфляжки воды. Пухлые щеки и губы Филатова тряслись от напряжения. «Батя» был командиром, уважаемым всеми офицерами и солдатами, но наблюдать за его передвижениями по горам было очень весело. Кроме автомата, остальное

имущество таскал здоровенный сержант-ординарец Леха. Мы ему искренне сочувствовали. Следом выполз замполит полка Золотарев, это тоже мужик не худенький и внешне похожий на пончик с губами-пельменями. За четыре месяца он в первый раз выбрался на боевые, наверное, пошел за орденом.

Штабные с удовольствием фотографировались у трофеев. В это время комбату и ротным начали ставить новые задачи. Замполит полка и пропагандист собрали всех ротных замполитов и принялись нести всякую чушь.

Ну какой, к дьяволу, может быть боевой листок, идущий по рукам от взвода к взводу, или комсомольские собрания во взводах на какую-то заумную тему. Политические вожди в перерывах между боями ставили нам задачи по спецпропаганде и идеологии и, наверное, сами не верили в их необходимость. Но говорили эту чушь, потому что получили приказ от вышестоящих умников.

В это время вся вершина, облепленная солдатами, уже зашевелилась, и полк двинулся в путь. Командир полка обматерил Золотарева за долгую болтовню, и мы радостно побежали по своим ротам. Погрузка на вертолеты осуществлялась в километре отсюда, на следующем хребте. Десантные батальоны уже выдвинулись туда. Трофеи распределили по ротам, и солдаты потащили их, как волокут муравьи добычу к муравейнику. Боеприпасы сложили в штабель, и саперы, уходя последними, все это добро подорвали. Неунывающий командир взвода саперов старлей Игорь Шипилов опять оставался в замыкании со своими подчиненными. Мы пожелали друг другу удачи, обменялись крепким рукопожатием и разошлись. Сапером предстояло заминировать район, понаставить ловушек и сюрпризов...

Через час вертолетчики перебросили всех на следующую задачу, поближе к границе. Взвод Пшенкина ротный отправил к распадку на скалистую вершину, взвод Острогина расположился на склоне горы, а управление роты разместилось на вершине. Командир оставил меня при себе.

На изогнутой высоте находились когда-то давным-давно возведенные «духовские» укрепления. Строить новые было лень, сапер проверил шупом наличие сюрпризов, и солдаты радостно их заняли. Привязываясь к карте, Кавун и минометчик поспорили, где мы находимся, и в конце концов сориентировались. Ориентирование в горах и пустыне – сложнейшее дело! По нашим прикидкам, получалось – высадили совсем не туда. Командир доложил комбату и его заместителю Лонгинову, который действовал с третьей ротой.

– Артиллерист, доложи-ка своим «стволам», где мы сейчас, – приказал Кавун минометчику.

– Товарищ капитан! Что я буду лезть сейчас в эфир? Начальник артиллерии занят, да и он наверняка знает, где мы находимся, – ответил лейтенант Радионов.

Вместе с расчетом миномета его вновь придали роте, и он «загорал» на высотке вместе с нами. Лентяй! Корректировщик хренов!

Внизу ущелья стояло какое-то жилище. Довольно высокие стены окружали большой дом: через такой дувал без лестницы не перелезть. Во дворе гуляла скотина, на каменных террасах что-то росло. Вдоль ущелья пролетала пара вертолетов. Когда они промчались над этим хижинами, со двора им вслед раздалась длинная автоматная очередь. Стрелял какой-то придурок. Совсем очумел, наверное, от одиночества. Страх потерял? Или тут край непуганых идиотов?

– Валерка! Бабахни из миномета по этой хибаре, а то они там охренели от веселой жизни! – скомандовал командир.

Но еще до того, как миномет начал стрелять, «крокодилы» вернулись. Пролетая на бреющем полете, вертолетчики выпустили несколько ракет во двор и по его окрестностям. Снайперы! Все ракеты – в точку! Крыша дома моментально загорелась, а со двора больше не стреляли. Вместо ответной стрельбы раздался дикий женский крик. Крик и вой нескольких голосов

нарушили тишину, наступившую после ухода вертолетов. Крыши дома и сарая, а также сено во дворе с треском горели, а женские рыдания перешли в дикую истерику.

– Ну вот, теперь миномет не нужен! – глубокомысленно изрек Кавун. – А жаль, мины придется тащить на себе, если, конечно, позже не расстреляем.

Иван был сильно озадачен происшедшим. В доме, оказалось, были женщины и дети. Жители, видимо, не успели уйти. Батальон высадился в этом районе внезапно, территория мятежная, а наших в этом районе, может, никогда и не было. Старые пустые консервные банки нигде не валялись, говоря об отсутствии «шурави». Гора чистая, незагаженная, но это ненадолго. Скоро этот недостаток нами будет исправлен. Пустые ржавые банки – первый признак присутствия «шурави».

– Чего он стрелял, идиот? Ушел бы, как стемнело. Мы к дому, может, и не спустились бы. Задачи на прочесывание долины пока не установили, – размышлял вслух Ваня, почесывая рыжую бородку.

– Эх! Дал мужик сгоряча очередь из автомата, теперь ни его самого, ни жилища. Скотина дохлая по всему двору лежит, и все вокруг горит! Чем думал человек? – согласился с ним я. – Рядом целая толпа солдат, а он чужак стреляет! Фанатик?

Слегка перекусив, попили чаю, курящие закурили. Я даже на войне не желал начинать курить. Хотя, когда приехал, все курящие говорили: тут закуришь. Но, глядя, как в конце боевых, когда кончаются сигареты и куряки начинают из окурков мастерить самокрутки, мне становилось противно. Солдаты собирали «бычки», закручивали собранный табак в газету или в какую-нибудь бумажку, затягивались по очереди. Офицеры стреляли друг у друга курево, курили на двоих-троих одну сигарету. Мучились, бедолаги, без табака, стонали, скрипели зубами, матерились. Ну уж нет! Обойдусь без этого счастья. К тому же чистые легкие, когда много ходишь по горам, работают гораздо лучше.

Мы с Кавуном легли в лучший СПС. Стены в нем были выложены в два камня толщиной – сделаны душманами на совесть. Бойцы, кому достались места, легли в старые укрытия. Молодые построили для себя пару укреплений. Человек шесть самых ленивых узбеков легли вповалку в лощинке и о чем-то болтали.

– Эй, лентяи, прекратить свои хала-бала! – прикрикнул Кавун. – Спать мешаете, бабаи, шайтан вас поберит!

Болтовня прекратилась, слышно было негромкое шипение нашей радиостанции и радиостанции артиллерийского корректировщика. Укрытие для ночлега напоминало небольшой колодец, черное звездное небо над головой – черную дыру. Ветер не проникал сквозь толстые каменные стены. В ущелье давно догорели сено и дом. Выла собака. Женщина продолжала рыдать, но уже гораздо менее истерично. Грусть... Тоска...

Рано утром сон улетел со скоростью падающих на нас снарядов. Вокруг укрытий горела трава, разрывы вздымались осколками густо по всему плато. Шрапнель свистела в воздухе, с шипением и визгом врезалась в толстые стены СПСа. Спустя пять минут новый, еще более жуткий удар: нас накрыли залпы «Градов».

Казалось, вспыхнула и загорелась земля. Антенну радиостанции перебило осколками, ее верхнее колено упало на мою голову. Земля под нами тряслась и вздрагивала, как живая, от новых и новых разрывов. Но это ведь бьют не «духи» и не пакистанцы, это наши «боги войны» сеют вокруг смерть!

– Болван артиллерийский! Убью, если выживу! Скорей, выходи на КП артиллерии, пусть прекратят стрельбу! – закричал Кавун Радионову.

Минут десять еще падали снаряды, потом огонь затих. Видно, разобрались и поверили нашему артиллеристу, что бьют не туда. Мы вылезли из укрытия и провели перекличку: никто не убит и не ранен. Обалдеть! Во взводе Пшенкина все целы, хотя его вершина полностью выгорела. К счастью, узбеки успели выскочить из открытой ложины и забиться кто куда, по укрытиям. Высота, где ночевала третья рота, горела, как и наша. Оттуда по связи матерился замкомбата Лонгинов. На Радионова посыпались все шишки.

Командир полка отборно матерился со штабными из дивизии, комбат ругался с полковыми артиллеристами, в эфире стоял сплошной мат. Счастье, что мы не погибли, никого не ранило, не убило. Ни я, ни ротный не могли в это чудо поверить. Мы сидели на стене укрепления, которое нас спасло, и благодарили Аллаха и «духов» за крепкую постройку. Все сухие колючки догорели. Солнце взошло и принялось припекать. В небе появилась пара штурмовиков. Я с интересом и тревогой наблюдал за их приближением. Внезапно самолеты вошли в пике.

– Ложись, – заорал капитан Кавун, и бойцы рухнули за каменные стены. Две бомбы взорвались между нашей и третьей ротой. Осколки вновь ударили по валунам.

– Козлы, ишаки, дебилы чертовы, – стонал от злости Иван, теребя рыжую бородку.

В воздух взлетели сигнальные ракеты, в расположениях взводов зажгли дым и огни. Штурмовики развернулись и возвратились на второй заход. Каждый из солдат запустил по ракете, получился настоящий фейерверк: жить хочется всем! Самолеты еще покружили чуть-чуть, поверили, что мы – свои, и, помахав крыльями, улетели.

В это время в небе зависли две пары вертолетов. «Крокодилы» прилетели. Это было уже чересчур!

– Они что, все охренели там?! – заорал Кавун. Капитан выхватил радиостанцию у перепуганного связиста. – Уберите вертолеты, они опять заходят на штурмовку!

Четыре «Ми-24» встали в карусель, постреляли для острастки из пулеметов, покружили, наблюдая за нашими дымами и ракетами, а потом улетели. И опять – удача! Бомбы штурмовиков никого не зацепили.

– Не поймешь: то ли нам повезло, то ли бомбить не умеют, – сказал, улыбаясь, Острогин, подходя к ротному. – Артиллеристы все вокруг перепахали, но ни одного прямого попадания. Даже стены укреплений не завалило! – продолжил смеяться он.

– Вот и верь после этого в эффективность бомбометания и арналетов по мятежникам! – улыбнулся в ответ Кавун.

Трава и колючки вокруг нас понемногу догорели, и ветер погнал огонь вниз по склону. Каменные островки укрытий резко выделялись на этом пепелище. Продолжалась свистопляска по радиосвязи. Командиры всех рангов запрашивали данные о потерях, мы отвечали об отсутствии таковых, нам не верили, переспрашивали. Старшие политработники узнавали о потерях, о моральном состоянии, тоже не верили в отсутствие жертв.

Пехота ругалась с артиллерией и авиацией, артиллерия ругала своих корректировщиков в ротах и батальонах. Авиация спрашивала, как мы там оказались; мы отвечали, что они нас тут и высадили. Авиация уточняла позиции пехоты, пехота материла авиацию. Перепалка не прекращалась. Приказ на прочесывание местности так и не поступил, а день клонился к завершению. По-прежнему оставалось только вести наблюдение. Это означало: есть, дремать, охранять себя. Сутки завершились распоряжением усилить наблюдение, выставить посты и быть готовыми к прорыву мятежников. Так и пролежали пять дней... и домой...

НОВЫЙ ГОД В ГОРАХ

Мой самый любимый праздник – Новый год! Рота принялась к нему готовиться за неделю. Кавун уехал по замене в Союз, и у нас новый ротный старший лейтенант Сбитнев – бывший взводный из третьей роты. Он смотрел, ухмыляясь, на наши приготовления, как на детей, но не мешал. Комнаты офицерского общежития украшались игрушками, в казарме повесили гирлянды, а на окна наклеили всякую мишуру. Острогин у родственников в советском посольстве достал по бутылке шампанского и сухого вина.

Но надежды торжественно отметить это событие рухнули 27 декабря. Объявили тревогу! Приказ: выход в Баграмскую «зеленку». Необходимо завести на заставы боеприпасы, продукты, заменить солдат. Вот вам, друзья, и семейный праздник...

Сбитнев собрал офицеров и насмешливо спросил:

– Ну что, отпраздновали? Мороженое, мандарины, бананы, шампанское, конечно, не пропадут! Надеюсь, все вернемся, а на старый Новый год все эти деликатесы и употребим. Выходим на войну все кто есть: замполит, Острогин, Голубев и даже репрессированный взводный Серега Недорозий.

Замполит пойдет со вторым взводом, пусть он и выполняет обязанности замполита батальона, но командовать вторым взводом тоже больше никому! Грымов в госпитале, когда вернется, да и вернется ли обратно, неизвестно. Только старшину не берем, как заменщика оставим дома. Пусть живет. Правильно?

– А нам, значит, жить необязательно? – подал голос Острога.

– Обязательно! Только еще полтора года, мсье Острогин, в Афгане послужите, чтоб потом могли честно штаны в полку протирать.

– Интересное кино! – подал голос я. – Мы одновременно заменяемся через полтора года. Все вместе будем штаны в полку протирать? А в рейд кто тогда отправится? Тот, кто придет в третий взвод, и молодой старшина?

Серега громко рассмеялся:

– Вот будет потеха, все начнем сачковать, а ротный будет нас под автоматом на боевые гнать.

– Его самого придется гнать, тот же Цехмиструк скажет: «Товарищ, ты же коммунист!» – улыбнулся я.

– Разговорчики! Выход завтра! Живо собирайте манатки! – рявкнул Сбитнев.

Володя Сбитнев был воспитанником третьей роты, а особым умением она не отличалась, и меня мучил вопрос: каково с ним будет воевать?

Колонна медленно втягивалась в Баграмскую «зеленку», где кишлак ютится к кишлаку, дом к дому, дувалы рядами и все утопает в густой растительности. В голове колонны шел танк с минным тралом, и под ним время от времени взрывались мины. Сразу за танком двигалась бронемашина, на которой сидел Острогин и молотил из пушки и пулемета по дувалам. Следом за взводом Острогина полз я со вторым взводом. Рота уже полностью вошла в кишлак, когда под БМПшкой Сереги Острогина взметнулся взрыв. Ба-бах!!!

Комья грязи полетели во все стороны. Мощный взрыв!

– Пиндец Острогину! – невольно вырвалось у меня. – Серега! Острога!

Я дико заорал и, соскочив с башни, помчался к подорванной БМП, совсем забыв про противопехотные мины. Поврежденная машина стояла, завалившись правым боком в арык, с

разорванной гусеницей, оторванным катком и полностью залепленная грязью. Вокруг валялись шмотки бойцов, копошились солдаты с ног до головы в грязи, матерились, кашляли, отплеывались.

– Острога! Сергей! Где взводный?!

– Я здесь, я здесь! – ответил Острогин, выползая из арыка, выплевывая песок и громко отфыркиваясь, словно кот.

– Жив, сволочь?! – обрадовался я.

– Жив и даже не ранен, – ответил Серж и громко чихнул. – Башка только вот немного гудит.

Сергей стоял с головы до ног в грязи, оборванный, но живой. И улыбался.

– Серега! Молодец! – я обнял его и от радости едва не заплакал. – А я испугался, что тебе крышка! Неужели, думаю, тебе, подлецу, конец пришел?! Как же мы без тебя?

– Рано хоронишь! Мы еще поживем!

– Поживем, Серега, поживем, повоюем! Я так рад, что ты цел. А солдаты все в порядке?

Целы?

– Сейчас проверим!

Серега стал окликать бойцов. Повезло, все были целы и невредимы, только наводчика немного оглушило.

– Чудеса! – только и смог я вымолвить.

К нам подбежал ротный и санинструктор Томилин.

Ротный оценил обстановку и лишь короткой фразой спросил:

– Живы?

– Все живы! – глупо улыбаясь, доложил Острогин. – Целы, и никто не ранен. Под десантом взорвалась мина. Гусеница разворочена – теперь с ней мороки на пару часов – машину надо эвакуировать.

– В-у-у бам!!! – раздался оглушительный взрыв чуть в стороне.

В следующую секунду мы лежали физиономиями в грязь, и мое тело съеживалось, сжималось, втягивалось в жижу, тяжелую и липкую. Эта грязь пахла смертью, но она давала и спасение – возникло нестерпимое желание превратиться в змею и уползти за ближайший дувал. Осколки разорвавшейся минометной мины просвистели и врезались в деревья и посекали ветки, покоцали дувалы, застучали по броне. И опять не зацепило никого – счастье и удача по-прежнему на нашей стороне! Одновременно с взрывом мины справа по колонне ударили несколько автоматов. «Духи»! Откуда стреляли, было не видно, лупили издали, а работу миномета тем более трудно отследить.

В арыке, вблизи от подорванной машины, лежали разведчики и стреляли во все стороны, а мы по мере сил и возможностей поддерживали их огнем автоматических пушек. Разрывы мин больше не повторялись, и огонь из автоматов постепенно прекратился, потому что пехота неплохо проутюжила «зеленку», прежде чем двигаться дальше сквозь нее...

Вот в прогале между деревьями появилась застава второго батальона. На посту стояли, оцетинившись пушками и пулеметами, танк в окопе, МТЛБ с минометом «Василек», БМП, пулеметы. Вокруг высоких толстых глиняных стен, за которыми находился усиленный мотострелковый взвод, бегали наши бойцы и афганцы в камуфляже.

У ворот испуганно жались друг к другу шестеро перепуганных афганцев. Это были не афганские армейцы и не «царандой», но почему-то все вооруженные.

Навстречу нашей колонне вышел лейтенант – начальник заставы.

– Привет, ребята!

– Привет, начальник! Что у тебя за черти пригреты? – спросил я, кивая в направлении аборигенов.

– А-а-а, эти... да «духи»... мирные. Прибежали, чтоб вы их случайно не замочили, перепутав вон с теми, что по вам стреляли.

Грязные, непонятно во что одетые, в сандалиях и галошах на босу ногу, они приветливо махали нам, пожимали руки бойцам и излучали дружелюбие.

– А где наш Серега Ветишин, которого ваш батальон украл? – спросил ротный. – Подать мне Сережку! Мы прибыли за ним. Велено вернуть летеуху в родные пенаты. Хватит, побалдел на курорте, пора и честь знать – возвращаться в рейдовый батальон.

– Он на следующей заставе. Туда вам еще около километра топтать по кишлаку. Держитесь вдоль канала. Заждались мы вас, орлы. К Сереге, без вашей поддержки, нашему батальону вообще не пройти – посты почти месяц как обложили со всех сторон, каждый день обстрелы и засады. Раненых вертушками вывозим под прикрытием «крокодилов». А по дорогам ни пройти, ни проехать – вся надежда на вас – рейдовых. Потом, когда вы уйдете, возобновится блокада. Живем сутками под прицелом снайперов.

– Ну, что ж, поможем, считайте, что мы – это новогодний подарок вам, отшельникам, – засмеялся Острогин, – от командования полка.

– Парни, не расслабляться! – скомандовал Сбитнев. – Вперед! В пекло! На помощь к Сережке! Пока, лейтенант. Увидимся...

Броня двинулась дальше – пачкать гусеницы, мять виноградники, валить дувалы. На машинах сидели только экипажи, а пехота брела по колено в грязи следом за машинами по проторенной колее. Рота подбадривала себя автоматным огнем, сея смерть во все стороны, а пушки и пулеметы брони работали не смолкая. Пули сбивали ветки с деревьев, прорезали заросли кустарника, снаряды прошивали стены дувалов. Где-то в глубине этих зарослей ползают, сидят, лежат «духи», которые наблюдают за нами. Выжидают. Возможно, сейчас целятся, а возможно, уносят ноги куда подальше. Пока, на время...

Вот и канал. Идем вдоль канала.

– Ник! Ты со своим взводом остаешься здесь, а мы идем дальше! – прокричал по связи ротный. – Быстро занимай оборону! Укрепишься – доложишь.

Эх, я так и знал, что Вовка сунет меня мордой в самое дерьмо – сидеть в какой-то халупе с тринадцатью бойцами. Теперь я в самом пекле! Рота ушла дальше, на пост к Сережке Ветишину, взвод Острогина балдеет на первой заставе у разбитой БМП, и ему повезло больше всех: под прикрытием высоких стен, и рядом штаб батальона, танки. А ротный, Недорозий и Ветишин сутками напролет будут в карты резаться на заставе. Только я да Голубев будем вынуждены сидеть в убогих хибарах между заставами. Вот невезуха!

Я подогнал все три бронемшины к дувалам, пулеметную точку разместил на крыше высокого дома, а бойцов равномерно распределил по трем постам. Тринадцать бойцов и я – всего четырнадцать человек. Не так мало, но и не так уж много – с какой стороны посмотреть. Но все равно тоскливо и уныло: туман, серая пелена со всех сторон, влага сверху и влага снизу – сверху слякоть, снизу грязь. На душе не празднично как-то! Нет новогоднего настроения...

Я решил осмотреться в этом заброшенном кишлаке.

– Владимиров и Якубов, за мной! Посмотрим, что у нас в тылу творится... Дубино! Остаешься вместо меня, будь на связи, и внимательно следите за каналом.

– Понятно, – буркнул сержант.

– Не «понятно», а отвечай «есть» и «так точно»!

– Есть, товарищ лейтенант. Вы постоянно к словам придираетесь.

– Не придираюсь, а к порядку приучаю.

Дубино пробурчал, мол, поздно учить, пора домой, и ушел во двор руководить бойцами.

Моя группа двинулась по длинному извилистому лабиринту дувалов: ход сюда, ход туда, поворот, тупик. Арыки, тропа, высокие стены. За стенами – виноградники, огороды, сады, сараи. И никого, ни одной живой души. Осматриваем двор за двором, сарай за сараем, дом

за домом, виноградник за виноградником. Никого. По крайней мере никто не стрельнул, не бросил гранату. Но никто не встретил хлебом и солью.

Нам здесь не рады – это факт.

Растяжки нами расставлены, сюрпризы – для встречи незваных гостей. Можно возвращаться, отдыхать.

В укреплении бойцы разожгли костер и что-то варили. Пахло вкусно. Курятина? Точно! Это мои разгильдяи уже где-то поймали кур, обципали, опалили, выпотрошили и приготовили. Благоухало ароматным чаем. Жить стало веселее. Хороший сытный обед, чай, свежий воздух, тишина... Курорт? Санаторий! Наше существование стало более-менее сносным. А что другое я ожидал? На войне как на войне. Вообще-то война – это в основном скука и тоска, пока не стреляют. А когда стреляют – ужас. Начинается ужасная тоска! В этом месте в ходе театральной постановки должен раздаться грустный смех.

Навалился сон... Антракт...Занавес...

– Ник! Черт возьми! Ты почему на связь не вышел?

Голос ротного был злой и гнусный. Связист, гад! Проспал!

– Не можешь службу организовать?

– Могу...

– Тогда организуй! Иначе всю ночь будешь лично докладывать через каждые пятнадцать минут!

– Понял, организую, связь будет...

– Конец связи!

– До связи...

Ага! Так прямо и разбежался – «каждые пятнадцать минут»... Наверное, самого комбат вздул. Точно, наверняка Сбитнев сам проспал. А Колесо и я просто под горячую руку попали.

– Колесо! Проспал?

– Чуть-чуть задремал. Минут пять.

– Мерзавец! Может, десять?

– Может.

– Может, двадцать?

– Х-х, может...

– Колесников, черт бы тебя побрал! Не мог проспать в другой раз? Еще уснешь – убью! Спишь только днем. Понял?

– Есть, спать днем... – уныло ответил солдат.

Я выглянул в оконный проем – звездное небо, черная тьма со всех сторон, и ни огонька в кишлаках.

Было слышно, как бойцы лениво на постах перекликались. О! А служба-то организована! Часовые добросовестно через каждые пятнадцать минут окликают друг друга, связист вызывает экипажи БМП и отвечает начальству. Двор, костерок во дворе, часовые, пускают раз в час ракеты в небо. Мы словно на островке добра во враждебном безбрежном океане зла, и вокруг нас исключительно волны ненависти и смерти...

Утром притопал прапорщик Голубев в сопровождении пулеметчика. Рожа у прапора была мятая, заспанная, усталая. Все же возраст дает о себе знать – как-никак он постарше нас лет на пятнадцать.

– Ну что, досталось ночью от ротного?

– Угу.

– Это ерунда. Ты, вероятно, не слышал, как его взгрел комбат!

– Догадался еще ночью.

– А нам прилетело бумерангом, – хихикнул прапорщик.

– Подорожник сидит у дороги, в хорошем укреплении, у него теплый кунг и полсотни бойцов, и «духовской» «зеленки» рядом с ним нет. Ему хорошо. Лучше, чем нам.

– Это точно. А как тебе в одиночку командуется? Скучно? Страшно?

– Могло быть и лучше. А ты разве не один?

– Со мной техник, нас двое. Дежури́м по очереди – у нас два поста.

– А ротному получше, чем нам. В компании с двумя Серегами ему гораздо веселей...

– Лейтенант! Как Новый год будем встречать? Бутылка есть?

– Сизый! Ты же знаешь, я на войне не пью и тебе не разрешаю. И Федаровичу не советую!

– Эх, молодые начальники, души старого прапорщика не понимаете. А чего понимать его душу? Душа старого пьяницы! Вся его беспутная жизнь запечатлелась на лице в виде глубоких борозд, и они, словно шрамы, испещрили лоб. Впалые щеки, редкая бороденка, нездоровый землистый цвет лица. Хроник-язвенник. Они с техником Тимофеем Федаровичем словно близнецы: похожи и лицами, и повадками, и привычками. Выпитая водка годами углубляла морщины Сизого и увеличивала их число на помятом лице, добивала желудок и печень. Но Голубев знай себе пил и пил и жаловался на последствия желтухи и тифа.

– Ну, ладно, я пошел обратно, грусти в одиночку, – вздохнул прапорщик, махнул рукой и скрылся в тумане.

С его уходом я опять задумался и загрустил. Послезавтра ночью Новый год. Надо хоть как-то отметить его. А чем?

– Эй! Владимиров! Дубино! Компот мы сварить способны?

– Способны. А зачем? – спросил одессит Владимиров.

– Новый год же! Выпьем компот в двенадцать ночи...

– Лучше б водки или самогонки, – вздохнул почти гражданский человек Владимиров, одним словом, дембель. – На худой конец – бражки...

– Тебя, наркоша, гражданка быстро сломает и перемелит с твоими взглядами на жизнь. В Новый год нормальные люди пьют шампанское! При его отсутствии мы с вами пьем компот...

Бойцы нашли алычу, засохший виноград, перезрелую айву на деревьях, а сахар собрали из пайков. Замечательный получится компот! Сельский бульбаш Дубино с грустью посмотрел на бак компота и тяжело вздохнул.

– Може брагу лучше сделать? Это мы мигом...

– Дома в деревне будешь брагу и самогон гнать, а здесь – компот. На войне трезвость – норма жизни солдата!

Сержант вновь вздохнул и побрел к костру.

Среди ночи меня разбудил ехидный голос ротного:

– Опять спишь?

– Нет, брожу по кишлаку!

– Шутишь, ну-ну... Шути. Через полчаса снимаемся. Сначала выхожу я со взводом, затем Голубев, а потом после нас уходишь ты. Понял?

– Понял. Чего ж не понять... Куда идем? Домой?

– Начальство скажет, когда выйдем из «зеленки».

Ночную тишину растревожил шум техники. Эх, как бы нам засаду «духи» в потемках не организовали на выходе из кишлака. Хорошо только то, что сейчас три часа ночи, и прознать про наше поспешное отступление аборигены не успеют и вряд ли примут свои гнусные меры.

– Замкомвзвода! Буди солдат, только тихо! – принялся я тормозить сержанта.

– А, шо! Товарыш лейтенант, «духи»? На нас напали? – сонно запричитал Дубино.

– Все в порядке. Открой глаза. Да просыпайся же скорее!

Сержант Дубино понемногу приходил в себя, начинал соображать.

– Нэ напали? Тады шо?

– Тады-тады... туды-сюды. Уходим через полчаса. Буди солдат, но без криков. Собрать манатки тихо-тихо. Сесть по машинам и ждать. Один дозорный остается на крыше. Как техника пойдет мимо нас, тогда и мы заведем машины, а наблюдатель пусть быстро спускается и к моей машине бежит.

– Поняв, поняв. Усе поняв...

– Ну, раз усэ поняв, то командуй, бульба!..

Взвод зашевелился. Хорошо, что уходим, а то «духи» наверняка Новый год испортили бы обстрелами. Бойцы радовались. Домой! В казарме или в общаге праздновать гораздо приятнее и веселее. Знать бы тогда, что нас ждет на самом деле.

Растревожив гулом ночной сон кишлака, мимо нас помчались БМП. Вот ротный, вот Недорозий, вот гранатометчики. Мы рванулись следом. Наконец крайняя застава. В этот раз пронесло – проскочили без засады. Не останавливаясь на посту, сразу уходим к большой дороге и дальше поворачиваем в открытое поле. В центре поля развернут командный пункт полка. Едва мы вышли из кишлака – артиллерия сразу принялась обрабатывать оставленную нами «зеленку», прикрывая арьергард отходящего батальона.

Офицеры собрались вокруг ротного. Поздоровались, переглянулись и дружно засмеялись. «Ссылный» Недорозий выглядел очень ошарашенным, взъерошенным и напуганным. Тяжело быть взводным на войне после тридцати пяти, ведь его ровесники полками и батальонами командуют.

– Ну как, Серега? Понравилось на боевых? – спросил Острогин. – Как тебе война?

– Да, в общем-то, ничего, но могло быть и лучше. Главное – почище. Да и местный народ встречает неласково, нет цветов, оркестра, теплоты и дружелюбия...

– Ну, ничего, скоро вернешься в Читу, там тебе будет и дружелюбие, и взаимопонимание, – ухмыльнулся Сбитнев, а затем обратился к нам и подмигнул ехидно. – Надеялись поехать в полк, домой, пить шампанское? Готовы?

– Неужели уже в Кабул? – спросил недоверчиво Недорозий.

– Домой пойдем, но только чуть позже. Ты, Серега, настоящей прелести войны еще не ощутил!словно турист поездил на БМП да чуток в грязи повалялся. Теперь твой турпоход переходит в новую фазу, оценишь новые острые ощущения. Идем в горы в район Ниджараба. Это рядом, совсем рядом. Горы невысокие, пустышные. Чуть выше тысячи метров. Прикрываем с высоты ущелье, а в кишлаках будут работать десантники.

– Ни хрена себе! – крикнул Острогин. – Новый год в горах, в снегу! Бр-р-р! Я, как южный человек, протестую! Я не выдержу. Сколько издевательств, и сразу все одновременно! И подрыв, и заснеженные горы!

– Ладно, Серега! Помни мою доброту! Живи! Останешься с техникой – следить за старым техником! Чтоб не запил! А я, так и быть, покомандую твоим взводом, – сказал ротный.

– Хороший каламбур! Он мне уже нравится так же, как и твоя идея! – обрадовался Острогин. – Мысленно я буду с вами! Ночами не буду спать! За вас, страдальцев, буду переживать.

– Во, гад! Уже издеваться начинает. А как первый взвод без него? Заскучают! – возмутился я. – Может, я вместо Сереги броней порую. Я еще ни разу не сачковал, все время на себе кого-нибудь ташу да за бездельников взводных работаю. И за замполитов батальона. Тоже сачки!

– Не переломись, Ник! – похлопал меня по спине Острогин успокаивающе. – Мы тебе памятник при жизни поставим и стихи посвятим, а если что с тобой случится, то и песню о тебе, павшем герое, сложим.

– Дурацкие шутки в сторону, – оборвал нас ротный. – Солдатам обязательно взять спальные мешки и теплые вещи. В горах ночью будет дикий холод, смотрите – вон все вершины в снегу. Итак! Я – с первым взводом, замполит – со своим взводом.

– Не со своим, а со вторым, – поправил я Сбитнева. – Я не командир этого взвода. Я за замполита батальона нынче...

– Хорошо, пусть будет не со своим – а со вторым. Это дела не меняет. Недорозий шагает с родным третьим на отдельную задачу, а гранатометчики идут тоже со мной. Пулеметы раздаю по взводам. Радуйтесь моей щедрости! Повторяю: занимаем всего три высоты.

– Радуюсь, радуюсь, – воскликнул я. – Щедрость великого и могучего султана безгранична!

– Ага! Идем от предгорья и до задачи пешком. Вертушек не будет. И нам дают миномет, – завершил постановку задач Сбитнев.

– О-о-о, боль наша невероятна, грусть наша безмерна. Надеюсь, мины несут сами минометчики? – осторожно интересуюсь.

– Нет, мины несет пехота! Но только до моей задачи. Оставляют их вместе с пулеметными лентами, дальше чапают налегке, все дальше, и дальше, и дальше. Радуйтесь!

Недорозий не умеет радоваться, а Остроге все равно. Доволен я один.

– Радуюсь!..

– Ник, теперь хватит радоваться. Иди к замполиту полка и не вздумай сказать, что командуешь взводом. А то нажалуешься, а мне втык будет за это.

– О-о! Этого мне только не хватало – к замполиту... Заряжаться энтузиазмом и интузизмом. Воодушевляться и потом воодушевлять. Наполниться бредом по самое горло и затем излить его на вас, каналы.

– Иди, иди. Да поскорей возвращайся. А то без обеда останешься, – напутствовал Острогин меня как старший товарищ...

Погода портилась. Моросил мерзкий мелкий-мелкий дождь, похожий на мокрый туман. Всепроникающая сырость ухудшила настроение. Богом забытые места. И что мы тут забыли?

Пока я дошел до своей роты, тактическая обстановка резко изменилась. Машины вновь заревели двигателями. Получен приказ на срочное выдвижение из долины. С таким трудом входили в «зеленку», и вот запросто уходим. А куда?

Вышли к аэродрому в базовый лагерь к дивизионным тылам. Задачу поставили такую, что в животе похолодело: батальону занять не низкие сопки, а господствующие высоты в районе Ниджераба. Эти горы покрыты снегом, температура порядка минус десять (а то и ниже), сильнейший, пронизывающий ветер. Может, задача всего на день? Ведь до Нового года осталось всего ничего. Есть совесть у командования или нет?

Совести у командования не было! Рота поднималась выше и выше, снег становился все глубже и глубже. Меня Сбитнев отправил на самый верх, самая удаленная задача! Невезуха продолжалась. Холод на вершине стоял собачий. Какие могут быть «духи» в такую погоду в промерзших горах?

Мы разбили лагерь, вырыли в снегу лежки, окружив их собранными на хребте камнями. Выставил три круглосуточных поста: у одного поста – я, у другого – замкомвзвода Дубино, у третьего – сержант Полканов.

Мокрый снег и ветер. Вокруг ни черта не видно. Холодно! Бр-р-р! Сутки прошли в наблюдении за заснеженными окрестностями и дрожании от холода. Все сырое: одежда, обувь, тело. Днем пришел новый гнусный приказ: сидеть на задачах и не двигаться, затаиться, вести себя спокойно на точках и никуда не двигаться. А нам и не хочется в такой собачий холод лазить по горам. Весь день я пролежал в бушлате на снегу, глядя в небо, и понемногу мерз. В небесах – сумрачно, по сторонам – белым-бело. Ну и хорошо, что в Новый год сидим, а не бродим по горам.

Рассматриваю, как другим везет: в долине стоит броня, люди суетятся, костры горят и им гораздо теплее и веселее. А мы, словно действующие лица комедии ошибок и парадоксов, –

центр Азии, где люди от жары умирают, а мы тут от холода дубеем. Для этого ведь Сибирь и Якутия существуют!

К ночи похолодало сильнее, однако тучи разогнало ветром, и небосвод стал огромным и звездным. Мириады звезд еще больше подчеркивали ничтожность и быстротечность существования человека, тем более на войне. Время ползло к полуночи. В тылах народ активизировался: костры загорелись ярче, люди-человеки быстрее замельтешили у техники, из долины слышались звуки радио через «колокол» клубной машины, и вдруг ударили кремлевские куранты!

В небо, к звездам понеслись трассы пулеметного и автоматного огня, артиллеристы повесили «люстры» – осветительные снаряды и мины, кто-то выстрелил из орудия, кто-то бахнул из БМП. Окрестности озарились свечением от ракет и стрелкового огня. Над всеми задачами, где расположились наши роты, тоже началась стрельба. Долбанул в небо и я очередью, выпустив целый магазин. Солдаты стреляли сидя, лежа, а пулеметчик стоя рассекал очередями из ПК черную бездну и громко матерился. Трассы пуль разрисовали черное небо. Бойцы кричали «ура!» – и подбрасывали шапки. Комбат по связи начал ругаться, хотя только что его обслуга тоже пала очередями. Конечно, ему там в «кунге» хорошо, тепло и уютно, а тут одна радость – трассеры в небо пустить.

Над Баграмом и Кабулом небо также было в огнях. Мы в горах стрелять закончили быстро, патроны сэкономили, а вот внизу успокоились не сразу. Минут пятнадцать то там, то там снова и снова стреляли. Я лег в спальник, продырявил баночку с яблочным соком и выпил за наступивший Новый год. Вот она, романтика...

Новогодняя праздничная ночь превратилась в ночь настоящего кошмара. Лег одетым в спальник, постелив бушлат под себя, чтоб не примерзнуть к ткани спальника. Проклятый холод! Дрожью охватило все тело, и в таком состоянии я провел ночь напролет. Минутное забытие – и снова пробуждение. Сон как в бреду. Время от времени издаешь окрик: «Эй! Часовой!» А бойцы с постов тебе отвечают. Если нет ответа, приходится превозмогать лень и холод, надевать полусапожки, выбираться из мешка и идти на пост, пинать спящего бойца, рычать ему в лицо, стучать по башке, натирать снегом грязную от сажи физиономию, грубо материть. А возвращаться на лежбище еще противнее: надо разуваться, снимать бушлат, застегивать спальник, пытаться принять удобную позу, чтобы в спину впивалось как можно меньше камней.

Среди ночи поступил приказ – усилить посты. Приходится выставлять еще один пост. Утром бойцы еле живы, разбиты и измучены. Лишь после восхода солнца только и начинается отдых. Завтрак, а затем легкая дремота, переходящая в сон с громким храпом измученных бойцов.

Вечером роты спускаются вниз на броню, и полк передвигается обратно в Баграм. Стратегия не понятна. Ну, загнали нас на Новый год в горы, а зачем? Поиздеваться? А может, спасти от потерь? Кто знает?

Утром вновь входим со стрельбой в тот же кишлак – «духи» слегка посопротивлялись и ушли. Возвращаемся на оставленные посты. Проверили – мин нет. Осматривая развалины, заметили четверых душманов, они нас тоже. Постреляли друг в друга. Враги убежали, унося раненого, и словно растворились в винограднике. Кровь на тропе дорожкой уходила в глубокий кяриз. Приказал Владимирову понаставить больше растяжек. Ночью сработали две из четырех. Бах! Бах!!!

Утром на тропинке – капли запекшейся крови. Тел нет. Кто это был? «Духи»? Или жители вылезли из кяризов? Мимо нашей позиции время от времени проходят машины

под конвоем бронегруппы. Доставляют продукты, боеприпасы, вывозят солдат из «зеленки» в дивизию на дембель, а вместо них едет молодежь. Эти бедняги будут сидеть в этой дыре два года, не высовывая носа. Если повезет и заболеют, побывают в госпитале...

Дурацкое сидение в кишлаке заканчивается через неделю. Сбитнев вызывает к себе, и мы, собрав пожитки, взвод за взводом, пробираемся к его посту.

– Ну что, замполит! Как тебе, не скучно быть взводным?

– Да нет, командир! Счастлив был не видеть тебя целую неделю, а также рожи прочих взводных.

– Лады, предоставляю тебе возможность не видеть нас еще какое-то время. Твой взвод и ГПВ идут во главе роты. Двигаемся вдоль канала до дороги на Чарикар. Вести огонь можно и вправо, и влево. Наших там нет и, наверное, никогда еще не было. Пробиваемся этим путем на пост их второго взвода, завезем боеприпасы и уходим!

– Приказ понял, командир! Мы разорвем всех «духов» и прорвемся к заставе. Чего бы нам это ни стоило!

– Ну-ну, шути-шути! Давай двигай, рейнджер. Посмотрим, как будешь шутить на дороге у канала.

Сапер, пулеметчик Зибоев и прапорщик Голубев шли впереди, за ними четыре БМП. Время от времени мы лупили из пушек и пулеметов вправо и влево. «Зеленка» в ответ молчала, но было очень неудобно, и в животе от страха крутило и урчало.

«Духи» внезапно вышли из-за дувала лоб в лоб на Голубева. Прапорщик первым выпустил длинную очередь и завалил пару мятежников. Остальные рассыпались по виноградникам. Бойцы миглом залегли за стеной, и началась перестрелка. Пули и осколки гранат свистели над головами, но, к счастью, не цепляли никого. К нам добрался первый взвод. Острогин упал возле меня и хлопнул меня по плечу.

– Жив, курилка? «Духов» много?

– А хрен их знает! Головы не поднять, чтоб их пересчитать.

– Так политдонесение и пошлешь без точных данных? – ехидничал Серж.

– Ага! Главное, что листовки никак не раскидать обманутым дехканам!

Мы дружно загоготали.

– Контрпропаганда срывается!

– Ну, ничего, на винограднике развесим. А ну, Серега, подай снаряженный магазин!

И с этими словами, ухмыляясь, я всадил длинную очередь в стреляющие развалины.

Внезапно вокруг начали рваться мины. Минометы заработали! Земля многочисленными фонтанами взметнулись вокруг, и воздух рассек ужасный свист осколков. Комья земли забарабанили по броне.

– Бойцы, отходим, – заорал я своим бойцам.

Осколки со свистом плюхались вокруг, и стало по-настоящему страшно.

– Быстрее к броне! – проорал Острогин. – Уходим вон в тот дом, там ротный. Сергей показал на большой дом с высоким дувалом, разбитым взрывами.

Мы метнулись к броне, и тут же были засыпаны вокруг новой партией мин. Черт! Проклятье! Солдаты заметались по арыкам между виноградниками и заборами, а «духи» минометным огнем отрезали наше отступление. Разрывы вздымались плотными рядами справа, слева, впереди, позади. Чудом, без потерь мы отползли к бронемашинам и, скрываясь за ними, попятнулись дальше в укрытие.

Во дворе дома на поваленном бревне сидел старший лейтенант Сбитнев и по радиостанции докладывал ухудшающуюся обстановку.

– Ну что, хваленые герои! Бежали от превосходящих сил противника? – съязвил Вовка.

– Командир! Мы бились как львы, но шакалов много! – возразил я. – Временное отступление, но сейчас отдышимся и прорвемся в Сталинград.

– Сейчас вокруг нас пороботает артиллерия, а затем идем на прорыв. Ясно?

– Да, ясно... Володя, добавь нам еще пулеметчика для интенсивности огня в «зеленке».

– Бери, Ник! Для группы прорыва и для тебя лично ничего не жалко! Шутки в сторону: как только артиллерия стихнет, короткими перебежками возвращайтесь на позиции, откуда отошли, за вами пойдет техника. Вперед! Удачи!..

Едва-едва два наших взвода выскочили из крепости в виноградник, как по нам раздалась выстрелы из развалин напротив. Виноградник наполнился пороховой гарью от разорвавшихся мин, свистом пуль и осколков. Мы рухнули как подкошенные мордами в землю, и большие комья грязи посыпались сверху на спины. Больно, но не смертельно. Серия взрывов прозвучала за высоким дувалом из крепостного двора, оттуда послышались вопли солдат. Мина разорвалась неподалеку от меня, и Хайтбаеву разнесло щеку и бок. Сержант рухнул мне на руки, а кровь хлестала из его ран на мой нагрудник. Я был перепачкан в крови, но эта кровь была не моей. При помощи другого солдата я заволок раненого за ворота и положил у тыльной стены. Огляделся, во дворе хаос – солдаты корчились от боли, а те, кого не зацепило, перевязывали раненых.

– Где ротный? Сбитнев!!! – громко заорал я. – Володя!

Сквозь пелену дыма разглядел, что санинструктор сидит на бревне, к его коленям привалился Сбитнев, и его голова в крови. Ротный хрипел.

– Что с ним, Степа?

– Челюсть разбита осколками и посекло руку. Будэ житы. Не страшно, но лицо может измениться.

Я склонился над Вовкой:

– Сбитень! Как ты? Держись!

– Дай сигаретку, закурить хочу...

– Я ж не курю.

– Найди! Все у тебя не как у людей! Никакой пользы! Не куришь, не пьешь, наверное, и баб не любишь, – прохрипел ротный.

– Томилин, сигарету командиру, – заорал я.

– Да и я ведь не курю! – ответил сержант, начавший перевязывать Хайтбаева.

– Дубино! Сигарету ротному! Вечно у тебя, Томилин, не как у людей! – рывкнул я на санитаря.

Дубино сунул сигарету в окровавленный рот Сбитнева, и помог прикурить. Ротный помянул меня рукой, чтоб я к нему наклонился.

– Давайте прорываться. Как хочешь, но «духов» надо отбросить! – прохрипел он мне в ухо и закашлялся. Кровь захлюпала во рту, и капли брызнули мне в лицо.

Я выдернул окурочек из его зубов и пробурчал:

– Похоже, с сегодняшнего дня ты бросил курить. Без зубов вообще курить неудобно. Сбитень, ох у тебя и рожа. Теперь тебе будет легко свистеть.

– Ты, сволочь! Мне и так больно, а ты смеешься и издеваешься.

– Не смеюсь, а сочувствую. Подбадриваю...

– Когда тебе яйца оторвут, я тоже посочувствую, что тебе будет легко плясать и танцевать.

– Не обижайся. Припомнилось. Со мной учился один парень в училище, у него было полмизинца – очень ему удобно было в носу ковырять. А у тебя тоже будут плюсы: легко и быстро по утрам чистить поредевшие зубы.

– Уйди с глаз моих, – зашипел командир. – Вперед! Под пули, марш! Может, тебе тоже скоро будет больно и чего-нибудь будет не хватать. Ник! Действуй! Надо прорваться!

В его глазах застыли слезы боли. Я погладил товарища по голове. В русых волосах набилось много мелких комочков глины и пыль. Он протянул мне ладонь, и мы пожали друг другу руки. Сбитнев махнул рукой, поморщился и закрыл глаза.

– Томилин! Степан! Всем вколи промидол, не жмись, и быстрее перевязывай, – велел я медику и побежал к винограднику.

Из-за заглохшего «Урала» вышел замкомбата Бронежилет Ходячий. Про него мы совсем забыли, а ведь он тут нами рулит! Где-то отсиживался до этого момента? Я побежал быстрее вперед, чтоб не объясняться с этим контролирующим. Два наших взвода ползли по арыкам между виноградными лозами к высокому дувалу. В небе появились четыре «крокодила» – мелькнула мысль: лишь бы по нам не бабахнули. Я перевернулся на спину и пустил красную ракету в сторону «духов» – может, заметят целеуказания.

Заметили! Отстрелялись очень точно! После ракетного залпа за ближним дувалом взвыли мятежники. Рота короткими перебежками достигла вражеских позиций. Трупов нет, только кровь и бинты. Враг ушел! За нашей спиной послышался лязг техники – это танки и БМП вовремя пришли нам на помощь. Танкисты принялись расстреливать все, что казалось вокруг подозрительным. Рота вытянулась в колонну и двинулась к посту под прикрытием танков.

Острогин подбежал ко мне, громко крича из-за полученной контузии.

– Надо отступать скорей, пока «духи» из кяризов опять не вылезли!

– Согласен! Сажаем пехоту на танки и уходим!

Танками командовал недавно назначенный комбатом бывший начальник штаба танкового батальона Ахматов. Я забрался на командирский танк и прокричал в ухо командиру:

– Роман Романыч, привет! Спасибо за помощь! Надо бы сваливать быстрее, сейчас они очухаются и зададут нам жару.

Развернув пушки влево и ведя огонь на ходу, танки двинулись на прорыв. И пехотинцы стреляли во все стороны, изо всех сил стараясь удержаться на танках, цепляясь за поручни, за привязанные к башне шины и ящики. Десять минут прорыва показались часом. А вот и пост. Скорее под его защиту. С поста велся ураганный огонь по кишлаку и били минами за канал. Душманы отвечали не менее сильным.

Стихло через два часа. «Духи», сделав свое черное дело, ушли, а наша артиллерия и авиация для профилактики отстреляла запланированный боезапас. Вскоре вокруг поста окончательно установилась тишина. Никто не шумел. Технику заглушили, бойцы курили, приходя в себя после горячки боя. Бронежилет (Лонгинов) сидел за радиостанцией и переговаривался с комбатом.

– Офицеры, ко мне! Бегом! – внезапно заорал Лонгинов.

– Что случилось? – забеспокоился Острогин, который теперь стал исполнять обязанности командира роты.

– Сейчас прилетят два «Ми-8» эвакуировать раненых. Срочно занять оборону за дувалами, открыть огонь по всему подозрительному и обеспечить посадку вертолета. Будет два захода, у нас девять раненых, у танкистов – один, и на заставе – один. Приказываю: выдвинуться из заставы в окопы на выносные посты. Вперед! Выполнять!

Вертолеты под нашим прикрытием увезли раненых, «духи» даже не стреляли в ответ на наш огонь. Может, ушли в кяризы? Еще бы! Артиллерия хорошо обработала «зеленку», а кому захочется с автоматом под снарядами бегать.

– Ну, вот мы опять без командира, – вздохнул Острогин.

– Недолго Вован командовал, – согласился я с грустью. – Всего на один бой хватило! Принимай командование, Серега!

– А почему я? Может, ты покомандуешь? Ты ведь замкомандира роты, – попытался Острогин свалить ответственность на меня.

– Нет! Я исполняю обязанности замполита батальона, да и ты – старший по званию! И уже месяц как старший лейтенант! Серега, ты на пути к командованию батальоном. Жду твоих распоряжений!

– Вот мой первый приказ. Перекур двадцать минут и короткий обед! – изрек Острогин две мудрые фразы.

– Хороший приказ, – обрадовался я. – Умираю от голода...

Вот и закончился этот 1985 год, тяжелый год. Первые потери в роте при мне, что-то будет дальше?.. Кончилось везение?..

А может, еще осталось чуть-чуть. В Бога не верю, в черта-дьявола тоже. Кого просить о поддержке? Инопланетян? Кто-нибудь, спаси меня и сохрани!..

ТЕПЛОВОЙ УДАР

Июнь 1986 года! Скоро год, как я на войне! Мне вручили орден. И наконец-то Сбитнев вернулся из госпиталя. И как раз после его прибытия запланировали очередной тяжелый рейд...

Ротный вернулся с совещания мрачным, словно грозовая туча.

– Володя, куда двигаемся дальше?

– Кундуз – Файзабад. Командиры определяются с очередностью десантирования частей в окрестные горы, – задумчиво ответил Сбитнев. – Край непуганых дураков! «Духи» там вольготно себя чувствуют, у местного полка сил маловато. Немного припугнем абorigенов. Запасаемся водой, берем сухпай на трое суток – и в путь.

– Горы высокие? На карте задачу уже видел?

– Еще нет. Через час Ошуев снова соберет командиров и будет уточнять задачи. Сейчас ЗНШ полка в дивизии карты рисует, потом мы на своих картах «яйца» нанесем. («Яйца» в обиходе – это круги с задачами, нанесенные на карту местности.)

– Смотри, Вовка, «яйца» слишком большие не рисуй и далекие переходы не планируй, а то потом свои собственные придется тащить черт знает куда!

– Да я уже и забыл, как их в горы носить. На больничной койке, дома да в пивнушке я их полгода использовал только по прямому назначению. В Алихейле лишь вокруг техники бродили, высоко не забирались, даже ноги не перетрудил. Как неохота лезть к черту на рога!

– Володя, иди, помой физиономию хотя бы перед вылетом, выглядишь ужасно! Перепил вчера?

– Правильно, пока командиры совещаются, замполиты моются, бельишко трясут, газетки читают.

– А я и тебе захватил парочку! Буквы еще не забыл?

– Газеты – это хорошо, не то задницу вытирать нечем. Что-то про бумагу я совсем не подумал.

– Твоя задница какую предпочитает: «Правду», «Красную Звезду» или «Советский спорт»? Но пресса трехдневной давности...

– Моя предпочитает окружную газету!

– Почему?

– Самая мягкая и чтением не отвлекает. Не о чем задуматься из-за полного отсутствия содержания, и снайпер не успеет подстрелить в уязвимой позе. «Окопная правда» поэтому самая лучшая пресса для солдата!

– Хорошо, что тебя не слышит член Военного совета.

– «Члену» от Военного совета могу лично об этом сказать и о многом другом! В частности, о том, что после тяжелого ранения могли бы и в Союзе служить оставить, а вакантные места предоставить не нюхавшим пороха. Взятки давать не умею, своими связями не хочу пользоваться – быть в долгу не хочу. А мог на законном основании остаться в Союзе. Скажу честно, с удовольствием остался бы в Ташкенте. И чем дольше я в полку после возвращения нахожусь, тем сильнее ощущаю, какой я дурак, и от этого ощущения хочется нажраться до пороссячьего визга.

– Вовка, вернемся и нажремся! Орден еще раз обмоем, а там и день рождения мой подойдет. И твоя награда к тому времени подоспеет!

– Сколько можно обмывать? – удивился Вовка.

– Так это прелюдия была... Остальные роты требуют проставы! Я-то, сам знаешь, не сторонник этого дела. Ладно, побалуемся коньячком, – размечтался я.

– Каким коньячком? Надоел ты с этими дегустациями! Водяры, обыкновенной водяры! Только водкой можно нажраться, чтоб забыться. Вино и коньяк – это обман и фикция. Настоящие русские люди пьют только водку.

– Значит, я не настоящий! Ладно! Для тебя лично будет водка. Иди, умой рожу, а то к серой бородачке пыль налипла, выглядит как перхоть. Смотреть противно! – скривился я брезгливо.

– Ник, не будь педантом, как граф Острогин! Тебе это не идет! Ступай-ка вперед и займи место за обеденным столом для командира. А я, так и быть, пойду ополоснусь...

Вертолеты за нами не прилетели: ситуация резко поменялась – к предгорью движемся на технике, а дальше пешком. Армия окружила по вершинам хребтов несколько крошечных высокогорных мятежных кишлаков. Мы – пехота и десантники, сидим в горах, а разведка и спецназ прочесывали хибару за хибарой. Пыль из долины доставала даже здесь, да и как ей тут не быть – горы совсем плевые, низкие. Ветер, и пыль, и вонь со стороны этих трущоб. И естественно, запахи нашего солдатского дерьма по всей загаженной горе. За три дня, как всегда, все загадили, и ароматы ветром гоняло по кругу.

Изредка прилетала авиация, что-то бомбила и засыпала хребты «нурсами». По сути дела, мы в очередной раз занимались ерундой: спали, жрали, гадили. Руководство нас на прочесывание почему-то с гор не спустило, а все лавры достались десанникам и разведчикам. Через трое суток по приказу Ошуева подразделения снялись с позиций и отправились за три горных хребта к площадке десантирования полка.

Пеший марш – это всегда тяжелейший труд, особенно в жару. А тут нет и намека даже на малейшую тень. На солнцепеке термометр, наверное, зашкаливает за пятьдесят градусов. Если бы он был под рукой, смерил бы температуру для интереса – узнал, в каком мы находимся пекле. Идешь и потеешь.

Ужасно хотелось пить, но нечего – всю воду выпили за дни тупого сидения на высоте. Пока добрались до площадки, я уже еле ноги волочил. А ведь сам иду почти налегке, только помогаю уставшим бойцам. А каково им? Пулеметный взвод буквально умирал, но умирать некогда.

«Марш, марш, вперед, быстрее», – подгоняло нас начальство. Вертушками роту с марша сразу же перебросили на более высокие горы, а воды и продуктов не дали – мы не успели набрать. С вертолета выгрузили несколько резиновых двухсотлитровых бурдюков с водичкой, а попить некогда. Командир только и делает что орет: вперед! Бегом!

Миновали кишлак, и через несколько километров новая площадка для взлета. Вновь при нас сгрузили на площадку бурдюки с водой, и вновь нет времени набирать фляжки. Крутой спуск, метров на двести, вниз по зыбучей почве. Вокруг падают от усталости солдаты, у них заплетаются ноги, трясутся руки, земля уходит из-под ног...

И тут во мне что-то сломалось. Голова словно начала отдаляться от тела, мозг отключился и прекратил работать. Мысли исчезли. Глаза просто фиксируют местность, а ноги еле-еле двигаются сами по себе. Язык распух, как грелка, и заполнил собою весь рот, губы обметало налетом. Шаг, шаг, еще шаг. Впереди по дну ущелья протекал мутный ручеек, наполненный глинистой грязной водой. Солдаты и офицеры, добредая до него, падали в жижу плашмя, почти без чувств, чтобы хоть немного сбить температуру тела.

Сбитнев лежал в грязной воде, смачивая голову этой мутью, и сочно матерился. С трудом передвигая заплетаются ноги, как смертельно пьяный пропойца, я добрался до желанного источника и с разбегу плюхнулся рядом без чувств.

– Твари! Стратеги хреновы! Самих бы сюда в это пекло и без воды! Хватит, полежали. Вставай! Поднимайся замполит – подгоняй умирающую толпу! – прорычал на меня Володя.

– Ой, худо мне, Вовка! Совсем плохо!

– Ничем помочь не могу! Ползи, как можешь, я сам еле живой! Опять Ошуев по связи орет, что с той стороны высоты, под горкой бой идет. Срочно нужна помощь. Вот наша горка. Я налегке пойду с «Утесом» и ПК, мешки тут бросим. И ты давай подгоняй остальных.

Горка! Мягко сказано! Высота два с лишним километра! И нам ползти в гору предстоит километра полтора!

Володя, скрипя оставшимися здоровыми родными зубами о вставные железные, превозмогая себя, начал карабкаться на вершину. За ним смогли двинуться лишь семеро: Мандресов, Свекольников с радиостанцией и пулеметчики. Взяли только оружие и боеприпасы. Бойцы лежали в грязи, тихонько стонали. И я чувствовал, что мучительно умираю. Голову сцепило, словно стальным обручем, сердце то колотилось, то замирало. Все мышцы обмякли, стали дряблыми, как у старца. Превозмогая бессилие, я поднялся и огляделся: жалкие лица солдат. Некоторые пытались процедить эту мутную бурду сквозь марлю, но чище она от этого не становилась.

– Царегородцев, хр... х... р... – злобно прохрипел я на бойца. – Ты, что, гад, гепатит хочешь слоновьей дозой проглотить? Вылей эту дрянь!

Солдат посмотрел на меня затравленно, а потом перевел тоскливый взор на бурую жидкость и заплакал. Тяжело парню, всю жизнь прожившему где-то за Сыктывкаром, в этом пекле. Лицо его покрылось коростами и струбцинами, запаршивило от грязи и солнечных ожогов. Зимой при плюс двадцати он себя чувствовал хорошо, а сейчас прямо чахнет на глазах от изнурительного зноя. Два солдата лежали совсем без движений: у одного шла пена изо рта, у второго закатились зрачки, и он громко стонал.

– Медик! Где ты? Авдеев! Бегом сюда! – заорал я на младшего сержанта, медленно бредущего вдоль ручейка.

Тот повернул ко мне измученное лицо и, с трудом передвигая ноги, начал приближаться. Сменщик Томилина был плохо обучен в учебке, верно говорил Степан: поплачем без него...

– Давай скорее! Промидол коли бойцу, что ли? Сердечный приступ, наверное, у Ткаченко и Кайрымова. Помогай быстрее!

Я взял у сержанта Фадеева радиостанцию и запросил КП полка:

– Срочно нужна помощь! В ручье пластом лежат одиннадцать наших «карандашей» и шесть «карандашей» Пыжа.

– Где Пыж? – спросил Ошуев строгим голосом. – И где остальное ваше хозяйство?

– Остальные поднимаются на задачу, а тут нужно экстренно оказать помощь! Воды совсем нет! Сдохнет кто-нибудь! В том числе и я...

Ко мне справа, из-за груды камней, подполз Пыж, бледный как полотно.

– Уф! Вывернуло только что наизнанку. Какой-то ужас. Бросили в такое пекло без воды! У тебя есть что-нибудь попить?

– Колян, нет ни капли! У всей роты пустые фляжки. Медик, спасай скорее народ! – прохрипел я на Авдеева со злостью в голосе. – Васинян, помоги санинструктору этих двоих стащить в ручеек!

Мы принялись поливать грязной жижей лежащих без чувств солдат и подтягивать их к ручью. Стянули с них мешки, гимнастерки, тем временем с КП прибежал медик, прапорщик Сероиван, и еще один солдат-санинструктор.

– Что тут, товарищ лейтенант? Кому плохо? – с ходу закричал прапорщик.

– Вот эти двое в ручье самые тяжелые.

– Авдеев, ты почему до сих пор пострадавшим не вколол кровезаменитель или глюкозу? – возмутился Сероиван.

– Я... у меня... в общем... – начал мекать молодой сержант-медик, бледнее все больше и больше.

– Сержант, что случилось? Объясни толком, – рявкнул прапорщик.

– Да вот, разбились бутылки с кровезаменителем, – тяжело вздохнул Авдеев и отвел взгляд.

– Как разбились? Обе? – охнул Сероиван.

– Так точно...

– Ну-ка, покажи, что у тебя там, – потребовал прапорщик, но, порывшись в медицинской сумке, внимательно и строго посмотрел в глаза медбрата.

– Почему сумка сухая и осколков нет?

– Выпил, урод долбаный! Падла! – зарычал Муталибов и резко ударил в челюсть медика.

– Муталибов, а ну прекрати, – прохрипел я, чуть приподнимаясь от земли на локте. – Иди сюда, Авдеев! Присядь! В чем дело, где бутылки с лекарством?

Сержант хлюпал разбитым носом и громко плакал, размазывая слезы по грязным щекам.

– Отвечай, подонок! – воскликнул я, собрав последние силы.

– Выпил, пить очень хотел, я не могу в такую жару, мне плохо, – принялся лепетать санинструктор. – Воды не было, а я чуть не умер от жажды.

– Сволочь ты, из-за тебя вон те мужики, лежащие без сознания, помереть могут.

– А разве лучше, чтобы я умер?

– Ах ты подонок! Слюнтяй! – возмутился я и, подогнув ногу, лягнул медика пяткой в пах. – Из-за тебя пацаны загиваются!

– У-у-у! – взвыл сержант.

– Ползи отсюда, гнида, помогай Сероивану и молись, чтобы никто не загнулся. Если хотя бы один умрет – под трибунал пойдешь. Пшел вон!

Черт, прав был Бандера Томилин, заявляя, что когда он уйдет на дембель, то мы еще наплачемся без его чуткой медицинской заботы, – сбылось предсказание Степана. Медбрат Авдеев ему сразу не понравился. Угадал в нем гнильцу, как в воду глядел!..

Мне становилось все хуже и хуже, тошнило, голова кружилась, и я время от времени отключался. Когда приходил в сознание, мозг фиксировал суету вокруг лежащих солдат. К Сероивану присоединились полковые медики Дормидович и Ярко, с ними спустились два солдата из комендантского взвода, принесшие воду.

Вскоре ко мне подошел Муталибов с фляжкой воды. Я сделал три глубоких глотка и спросил:

– Гасан, сколько нам воды медики принесли?

– Двадцать литров в бурдюке и в двух резиновых сапогах от ОЗК.

– Хм!.. по литру на нос, не густо. Она сейчас быстро разойдется.

– Да ее уже почти и нет. Отливали Таджибабаева, Кайрымова, Колесникова, Уразбаева, да и остальные совсем плохи. Даже здоровяк-прапорщик Бодунов (он весной сменил Голубева) у камушка лежит, с трудом в себя приходит.

– Оставь фляжку и ступай к бойцам, а с Игорем я сам поделюсь.

Полежав еще десять минут и почувствовав, что уже могу немного двигаться, переползаниями и на четвереньках добрался до командира пулеметного взвода.

– Ну что, Игорь? Потеешь? Загораешь?

– Почти умер. Ник, даже глубоко под землей в шахте не было так худо.

– Жара и какие-то непонятные запахи. И влажность. Тело мокрое и липкое, и ужасно тошнит, – пожаловался я на недомогание.

– Тепловой удар, – прохрипел прапорщик. – Мы получили сильный тепловой удар, только разной степени тяжести. Главное, чтоб не помер кто-нибудь. Не знаешь, пулеметы затащили в гору?

– Да, вроде наши пулеметы стреляют... – я спохватился, что воды на всех не хватит и Бодунов выхлещет содержимое. – Попил? Отдай фляжку, пойду к Сережке Ветишину, вон он на склоне валяется вместе с клоуном Сомовым.

Собрав силы и глотнув пару раз, я поднялся по хребту метров на пятьдесят и упал рядом с командиром взвода.

– Ну что, сачок, лежишь, балдеешь? – спросил я лейтенанта, глядя в его посеревшее лицо.

– Лежу, но не балдею, а помираю. Ухи прошу! – и Серега слабо улыбнулся. – Хрен тебе, а не уха! На, пей коктейль, вода с добавлением акваसेпта, пантацида и лимонной кислоты! Я раньше так делал – это рецепт Ваньки Кавуна. Гадкая бурда, но говорят, что гепатита не будет – заразу убивает, а лимонная кислота, чтоб питье в рот полезло. Очень уж эти пилюли хлоркой отдают – как будто сдобрены дустом.

– Ой, а я их никогда не употребляю, так желудок и кишечник угробишь. Это действительно сплошная хлорка, неизвестно, из чего эти таблетки состоят, – жалобно простонал Ветишин. – Уф! Жара! Сил нет никаких, скорее бы вечер! Проклятое солнце!

– Сережка, пойду к ручью, посмотрю, как там дела, а ты сам попей и Сомова угости.

Опираясь на автомат, я спустился к ручью к «стонущему лазарету», вокруг валялись пустые бутылки от лекарственных препаратов и ампулы, медики уже использовали весь кровезаменитель и промидол. Очухались не все – Уразбаева понесли наверх обратно на вертолетную площадку, чтобы отправить в госпиталь. Таджикибаев очень громко стонал, но он был такой большой и тяжелый, что его эвакуировать начмед не захотел – решил, лучше постараться поставить на ноги на месте, чем всем умереть, неся его в гору, – и вкололи гиганту-узбеку промидол и последнюю порцию кровезаменителя. Капитан Дормидович хорошенько похлопал солдата по щекам, давал нюхать нашатырь еще и еще.

– Солдат, оживай! Ты такой огромный – не донесем! – воскликнул прапорщик Сероиван, возмущенный безволием солдата.

– Плехо мнэ, очень нехорошо. Сапсем нехорошо, – жалобно ответил Таджикибаев.

– Ничего страшного, сейчас мы тебя еще водичкой польем, плащ-палатку растянем, будет тень, к вечеру будешь в норме, – успокоил его начмед.

Скрипя пылью на зубах и глотая налипший песок, Сероиван отпил из протянутой фляжки. С вершины спустились очередные два бойца с водой в бурдюках. Солдаты-водоносы принялись заполнять наши фляжки, по две каждому, чтоб на всех хватило. Я прилег на песок и спрятал голову в жалкое подобие тени, отбрасываемой от камня. Накрыл лицо снятым намоченным в ручье маскхалатом. Уф! Чуть не умер! Жизненные силы постепенно возвращались. Мысли восстанавливали свою стройность и ясность.

Чуть в стороне лежали и постанывали бойцы минометного расчета.

– Радионов! Ты уже ожил? Готов двигаться в гору? – спросил я хрипло и надрывно.

– Нет еще. Полчаса или даже час необходимы для отдыха, – откликнулся слабым голосом лейтенант.

– Замполит! А ты желаешь опять принять участие в войне? – ухмыльнулся лежащий головой на мешке Бодунов. – Вовка только из госпиталя: сил много, дай человеку повоевать – ему простительно рваться в бой. И Мандресов очень энергичный, еще не измотанный – слышишь, как хорошо стреляет.

Я прислушался. Пулеметы действительно почти не смолкали.

– Игорек, сам понимаешь, раз стрельба идет без перерыва, то у них скоро патроны кончатся. Нужно поднимать народ – некоторые уже ожили и сачкуют, – сообразил я и велел подниматься командирам на ноги.

– Если сам очухался, то и лезь в гору, а другим не мешай болеть! Какой же ты нудный и тошный, мешаешь лечиться! – энергично возразил мне Игорь Бодунов.

– И полезу! Минут пятнадцать полежу и двинусь, но и тебя с собой прихвачу...

День давно перевалил за полдень. Я закрыл глаза и вновь впал в забытье. Мерещилась какая-то дрянь: «духи» режут наших на горе. Думал, полежу чуть-чуть, а вышло отключился минут на сорок. Очнулся из-за громкой перебранки Бодунова с сержантом Юревичем.

– Спустился за боеприпасами? Молодец! Бери мешок и ступай обратно к пулемету. Что ты меня теребишь? Я заболел. Сколько осталось патронов? Почему не экономите боекомплект? – ругался Бодунов на сержанта.

– Остаток ня больше одной ленты у ПК, а «Утес» выстрелит ешо разов восьмидеять, – ответил замкомандира взвода и смешно шмыгнул носом. – Бильша нема.

– Неси скорее патроны, Юрик! – поторопил я сержанта.

– Ага! Сейчас соберем ленты и будем выбираться. Замполит рвался к вам на помощь, но заснул, и вроде как желание у него воевать пропало, – ухмыльнулся Бодунов.

– Не пропало! Я окончательно ожил и чувствую, что полностью готов к движению. Альпинисты, подъем! Всем встать! Не сачковать! Идем, ползем, карабкаемся! – принялся я громко орать, чувствуя, что голос восстановился.

– Бодунов! Ты болван горластый! Зачем разбудил замполита, дрыхнул себе и нам не мешал. Не буди лихо, пока оно тихо! А теперь комиссар заставит нас ползти на эту проклятую гору, – вздохнул лежащий навзничь Ветишин.

Бойцы, поругиваясь, собрали вещи и начали подъем в гору.

– Игорек! Хорош сачковать! Цепляй на спину АГС и пойдем вместе! – велел я прапорщику.

Я был доволен реакцией Ветишина на мое пробуждение и радовался, что солдаты хоть и через силу, но побрели на задачу.

– И ты вставай, Радионов! Родимый, зря мы твои мины несем? Пошли стрелять из миномета, подбадривал я взводного. – Дорогой, поднимай своих трубочистов, пусть тащат вашу трубу на вершину!

Понемногу наше царство мертвых пришло в движение. Даже самые ослабевшие солдаты, ругаясь и матерясь, собрали вещи и тронулись в путь...

Довольно крутой подъем одолели за полчаса и к шести вечера практически все выползли. Взбодрившийся Бодунов смог меня ходом обогнать и даже успел расстрелять запас гранат из АГСа по уходящим из кишлака «духам».

– Замполит, ты ожил или не совсем? Воды принес командиру?

Сбитнев стоял на краю валуна, засунув руки в карманы, и смотрел, как я, тяжело дыша, словно паровоз, из последних сил поднимаюсь на высоту.

– Принес! Но исключительно для себя! Однако, учитывая твои сегодняшние заслуги, выделю вам с Мандресовым полфляжки на двоих, – ответил я хрипло.

– Почему так мало? – возмутился ротный.

– А ты как хотел? Себе любимому половину, а вам чужим полную? Не жирно? Пользуйтесь моей добротой! Пейте, сколько дают!

– Спасибо, жадина!

– На здоровье...

– Ник, ты чего так хреново себя ведешь? – осуждающе спросил Вовка, но в его глазах скакали насмешливые чертики прежнего ехидного Сбитнева. – Такой опытный воин – и издох! Не ожидал, не ожидал. Падаешь в моих глазах! Я тут воюю почти в одиночестве, а взводные у ручья прохлаждаются.

– Зато с тобой вон какой резвый джигит с Кавказа! – уклонился я от справедливого упрека и, меняя тему разговора, одобрительно похлопал по плечу нового взводного.

Мандресов криво усмехнулся в ответ и продолжал нервно курить мятую-перемятую сигарету. Руки старшего лейтенанта сильно дрожали: в первый раз попал в горы – и сразу бой с «духами».

– Ты с темы не соскакивай!

– Понимаешь, Володя, как обухом по башке дало, и словно сквозь центрифугу пропустили. Кости ломит, мышцы перекрутило! Думал, помру... Надо же было такое устроить – послать роту без воды в такую адскую жару! Сволочи! У меня на доньшке одной фляжки было грамм сто воды, и все... Хорошо, никто не умер.

– Как себя чувствуют Уразбаев и Таджибабаев?

– Уразбаев был совсем плох, когда на КП понесли. Лицо серое, почти землистое. А Таджибабаева в чувство привели, думаю, минут через двадцать доползет – ему Алимов помогает пулемет нести.

– Только начали операцию, а рота уже редет, – вздохнул удрученный Володя.

– А как ты тут воевал? Какие результаты дневной перестрелки?

– Да есть кое что... Вон, у того разрушенного дувала, ближайшего к дороге, лежит три или четыре трупа. Это их Мурзаилов с Зибоевым достали из своих ПК.

– Молодцы братья-мусульмане! Пора сержантами делать!

Володя в ответ на мою реплику снисходительно улыбнулся и продолжил рассказ:

– Арамов со своим взводом АГС зажал в ущелье каких-то наемников, негров-арабов – они человек десять завалили! Утром разведка спустится и разберется, кто такие и сколько точно их валяется. Сейчас начнется артобстрел долины, а ночью в небо будут факелы вешать, чтоб «духи» в темноте к нам не полезли, пытаюсь отомстить.

– Я думаю, они теперь далеко драпанули, и пока мы совсем из этих мест не уйдем, не вернутся. Они же не ожидали, что их целая армия обложит со всех сторон. Тут край непуганых дураков! Наверное, душманы потому в открытый бой вступили с сидящими сверху «шурави», что воевать по-настоящему не привыкли. Они только грабить обучены и воевать с нашими тылами. Обычно опытные «духи» стараются, чтобы было наоборот – предпочитают сидеть выше нас.

– А в этот раз не получилось! Мы их топтали и с грязью смешивали, – криво ухмыльнулся Володя...

Солнце быстро опустилось за горный хребет, и воздух из огненной смеси стал вполне употребим. Голова еще болела, но тело теперь достаточно хорошо подчинялось командам моего мозга. Я достал три банки с паштетом и баночку яблочного сока, пачку галет. Мой суточный рацион: сока сто граммов, а в трех банках еды – двести граммов! Трехсотграммовая банка тушеных овощей оказалась практически протухшей. Открыл – завоняла. Вышвырнул в пропасть. Не объесться бы обилием стола... Ладно, чем богаты... Сожру что есть – отпраздную выживание и окончание этого тяжелого дня!

– Как ты, Ник? Жить будешь? Или по-прежнему очень тяжело? – участливо спросил Володя.

– Сейчас чувствую себя уже почти человеком, а часа три назад ощущал, что становлюсь шашлыком, суп-набором и бульоном одновременно. Мозги почти закипели в собственном кровавом соусе. Верись, мочи в организме совсем нет! Выпарилась влага через кожу! А ведь я недавно две литровые фляжки выпил! В глазах помутилось, ни черта не соображал, думал, скончаюсь. Но пару часов повалялся и оклемался. Сероиван сказал, это был тепловой удар, но не в самой тяжелой форме. А вот некоторым очень сильно досталось. Особенно бедняге Уразбаеву. Жалко парня, хороший узбеченок пришел с пополнением. Что же день завтрашний нам принесет? Новый переход?

– Завтра день отдыха. По плану командования лежим на горе и балдеем, а разведка пойдет вниз, прочешет руины. Давай, угощу тебя еще соком, а то вид у тебя никудышный, болез-

ненный. В гроб краше кладут! Может, тебя витамины оживят? – хмыкнул Сбитнев и крикнул сидящему в сторонке взводному: – Саня, не сторонись начальства, иди к нам! Третьим будешь!

Мандресов присел рядом и принялся жевать свой сухпай. Взводный был растерян и задумчив. Он автоматически ковырялся ложкой в баночке, проглатывал еду, но в мыслях был где-то далеко.

– Ну что, Сашек, как тебе первый бой? Как война? – поинтересовался Володя. – И давай покурим вдвоем твой хабарик, а то замполит парень не компанейский, староввер какой-то. Не курит, гад, почти не пьет и баб не...

– Зря ты так обо мне. Все тобою перечисленное, кроме курения, хорошее занятие, но в меру. А никотин ни уму, ни сердцу. Я что, разве паровоз, чтобы дымить? – огрызнулся я.

Ротный смерил меня презрительным взглядом и сплюнул в пропасть.

– Ни хрена ты не понимаешь в прелестях жизни. Сесть на камень, затянуться сигареткой, вкусной, красота! Выдохнуть несколько колец дыма ртом, пустить красивые клубы через нос – искусство. А как становится легко, нервы успокаиваются, тело расслабляется, – нравоучительно выговаривал мне Сбитнев.

Мандресов в вопросах табака взял сторону ротного и кивал головой в поддержку.

– Был бы ты хорошим человеком, получал бы сигареты на складе и нам отдавал, – сердито закончил Володя свою тираду.

– Да пошли вы к черту, табашники. Я посмотрю на ваш кайф через пару недель, когда эта зараза у вас закончится. Будет на моей улице праздник и радость для моей души! Бальзам сердцу! Вы можете хоть до утра сидеть, любоваться звездами и расслабляться табачным дымом. А мой ослабевший организм требует иного восстановления. Сонотерапии!

Утром мы сидели у обрыва и пили чай с последними галетами и разговаривали о том о сем: что происходит в ущелье, о бестолковости планов командования. Плавно разговор поменял тему, и заговорили о доме, о детях, о женах. Внизу по-прежнему дымился раздолбленный кишлак, а по тропе вдоль горной и бурной речушки торопливо шли разведчики. Вначале прошла разведка дивизии, затем наша разведка, и в замыкании Пыж со своими навьюченными оружием и боеприпасами архаровцами. Весь его взвод – десять человек – те, что остались в строю. Столько же раненых и больных в госпиталях и примерно пять вакантных должностей – погибшие. Солдаты медленно и осторожно двигались след в след, вплотную друг к другу.

Тропа возвышалась над бурной рекой метра на три и резко обрывалась у воды. Внезапно дорога, по которой они шли, казавшаяся надежной, обвалилась в нескольких местах, и в быстрый горный поток посыпались тяжело нагруженные солдаты. Четверых бойцов, уцепившихся за край выступа, успели подхватить за руки товарищи, а трое упали в бурную реку и закувыркались в ледяной воде. Пару раз то голова, то ноги появились среди брызг и вскоре совсем исчезли. Автомат, бронежилет, каска, мешок, ленты, гранатомет – все это добро навешано на каждого и пристегнуто – сразу не сбросишь. Видимо, солдаты моментально наглопались воды и ушли ко дну. Несколько солдат побежали вдоль берега еще метров сто, в надежде помочь тонущим, но никто не вынырнул, а быстрое течение не оставило ребятам никаких шансов спаситься. Оказалось, в этом месте речушка подмыла песчаный берег, и дорога метра на полтора зависла над рекой и не выдержала идущих солдат. Тропа могла обрушиться вчера, час назад, пять минут назад, через полчаса – не под этой группой, так под другой. Или под «духами», или под лошадьё, или под проезжающей арбой. Но гибель выпала именно нашим разведчикам – погиб один боец из взвода Пыжа и два разведчика разведроты полка. Поиски по руслу до самого захода солнца, но эти усилия не дали никаких результатов.

Командование впало в прострацию, и всех вернули на свои места – три дня без передвижений. А затем без пеших маршей вывезли на вертолетах в Поли-Хумри...

Вторую неделю воюем в этой провинции. Перед ротами стоит новая задача, смысл и цели которой были непонятны. Мы шли по тропе, а на изгибе ручья, на мелководье в камнях лежали гурьбой тела мятежников. Набегающая мелкая волна шевелила им волосы и бороды, качала руки и ноги, казалось, что они прилегли отдохнуть, спасаясь от изнурительного зноя. Правда, некоторые охлаждались лицом вниз, целиком скрывшись в воде. Я даже замедлил шаг и внимательно всмотрелся в лица врагов. Вот так же и наших утонувших солдат где-нибудь выбросят на отмель или прибьет к валунам, и вряд ли кто их похоронит по-людски.

По факту гибели солдат в бурной реке начала работать комиссия особого отдела армии. Снимали показания, собирали объяснительные, писали докладные записки и рапорта. Копали – не изъявлял ли кто из утонувших желания дезертировать или перейти на сторону «духов». Тела не найдены, значит, без вести пропавшие. Закрутилась бюрократическая карусель со всякими домыслами вокруг человеческой трагедии. Появились проблемы с похоронами, оповещением родных и донесением в вышестоящие штабы. Солдаты погибли, а вроде не погибли. По крайней мере на бумаге «без вести пропавшие» – этот ярлык, отдает душком «сталинизма» и перекликается с другим пережитком той эпохи – враг народа. Обзовут «без вести пропавшим» и словно грязью перепачкают твоё героическое имя!

Вновь горы, опять прочесывание кишлаков, поиски складов с боеприпасами и оружием, разминирование, минирование. Результаты были хорошими – большое количество трофеев! Два дня работы, и новая задача командования...

Вертолеты кружили над ущельем, выгружая одну за другой группы пехоты. Горная гряда была скалистая и неудобная: с острыми вершинами, с глубокими, крутыми обрывами. Ветер не позволял приземляться винтокрылым машинам. Поэтому вертушки зависали на краю узенькой площадки в двух-трех шагах от обрыва, а солдаты с высоты двух-трех метров прыгали вниз и отбегали в сторону подальше от работающих винтов.

Я прильнул к иллюминатору и наблюдал высадку второго взвода – следующие мы. Вот «борт» завис над узеньким плато, и солдаты по моей команде принялись десантироваться. Вертолет трясся, словно в горячке, и борттехник торопил и выталкивал в люк десант. Шедший впереди сержант с воплем вывалился вниз и еле-еле удержался на краю обрыва, вцепившись растопыренными пальцами в землю.

Летчик сильно подтолкнул меня в спину, я сделал шаг, но, взглянув вниз, вернул ногу обратно в вертолет и отпрянул назад, отталкивая «бортача».

– Ты куда меня толкаешь? В пропасть? Я тебе что, «Карлсон» что ли? У меня в заднице пропеллер? – громко заругался я на вертолетчика и оттолкнул в сторону.

– Прыгай, солдат! – заорал вертолетчик. – Быстрее! Мы улетаем.

– Да пошел ты...! Я лейтенант, а не солдат! И посмотри, куда именно ты меня выталкиваешь!

Борттехник, держась за края люка, осторожно взглянул вниз и заматерился. Прижав к горлу ларингофон, по радиосвязи начал давать указания пилоту.

– Извини, брат! Ветром чуть-чуть отнесло. Прости, что так получилось. Не обижайся и не сердись!

– Если бы ты меня посильнее в спину толкнул, то извинялся бы и говорил свое «прости» моему изуродованному трупу. Я же не олимпийский чемпион Валерий Санеев с загруженным мешком и оружием на три метра через пропасть прыгать!

– Виноваты, виноваты, но и метеоусловия неважные. Что поделать, постоянно сносит в сторону. Да и пилот молодой, неопытный... Ну все, уже вернулись обратно, борт сейчас завис над плато. Скорее прыгай...

Я опять осторожно выглянул: действительно, площадка прямо подо мной.

– Смотри, не забудь кого-нибудь другого! – крикнул я ему вновь и погрозил кулаком. – Головой думать надо, прежде чем выталкивать!

Летчик больше в спину пихать не стал, поэтому я после приземления мягко упал на четвереньки и уполз по булыжникам в сторону, подальше от пыльного вихря, вызываемого винтами. Закрепились, осмотрелись. Потом обстреляли кишлак в долине – «духи» нам ответили тем же. Все, как всегда. На войне как на войне и обыденно до безобразия: грязь, пот, кровь, огонь, смерть.

БОЙ ПОД ТАЛУКАНОМ

Гигантская колонна армии постепенно выдвигалась из пригорода Кундуза. Тысячи машин взревели моторами и нарушили покой сонного «средневековья». Солнце только недавно взошло, но уже стояла нестерпимая жара.

Лонгинов назначил взвод Мандресова охранять тыл батальона, и я присоединился к нему, чтобы помочь в случае чего советом. Базовый лагерь армейской группировки стоял чуть в стороне от аэродрома на возвышенности, от него шли две дороги в противоположных направлениях. Полк за полком, бригада за бригадой в течение нескольких часов по очереди начинали выдвижение. Несколько дней техника размещалась здесь огромным табором, повернутая в разные стороны, и теперь «комендачам» стоило большого труда распределить и упорядочить начало марша. Нам предстояло следовать за бригадой тыла, ее «Уралы» и КамАЗы дергались взад-вперед, маневрируя, чтобы выстроить колонну, и тем самым поднимали гигантские клубы пыли.

Стоящему рядом авиационному гарнизону было глубоко наплевать на мучения пехоты и на порядок нашего построения. Прямо через боевые порядки армии промчались три машины: две с надписями на цистернах «Вода» и БТР сопровождения. Они пропылили поперек поля и сбили с толку одного из водителей. В пыли он потерял ориентацию и помчался вслед за ними на своем «Урале». Как нитка за иголкой, за водовозками поехала оставшаяся часть колонны. Когда машина поднялась на небольшой пригорок, мы увидели, что мы мчимся лишь за водовозкой и за несколькими впереди идущими «Уралами». Оглянувшись, я разглядел, что за нами устремилась целая армада техники, но другая ее часть, причем гораздо большая, идет совсем в другом направлении.

– Саня! Мы не туда поехали! – прокричал я в ухо Мандресову, пытаюсь переорать шум двигателя.

Сашка вскочил на башню, огляделся, держась за открытый люк, и громко и витиевато заматерился.

– Влипли! Что будем делать? – он вытаращил на меня черные, как маслины, глаза и ждал помощи.

– Надо попытаться остановить зампотыла, а если не получится, тогда развернем остальную колонну. Черт знает, куда мы так заедем!!!

– Я сейчас сяду за рычаги и на изгибе дороги срежу путь, а ты тормози капитана Головского, – крикнул мне командир взвода и бросился к люку механика водителя.

Машина на мгновение остановилась, он поменялся местами с механиком, а затем мы резко рванули с места и помчались еще быстрее через запыленное песчаное плато, наперерез передним машинам, сокращая свой путь. Вскоре мы поравнялись с машиной зампотылу, и я принялся энергично размахивать руками, призывая капитана остановиться. Головской посмотрел в нашу сторону, протер толстые стекла очков и, ничего не понимая, отмахнулся и еще погрозил кулаком. Забавно выглядел капитан при этом: он сидел в кабине, надев на голову каску, потный и красный, в бронежилете на голое тело, а на дверце машины висел второй бронник. Внезапно его автомобиль прибавил скорость и вырвался вперед.

– Бесполезно за ним гнаться, – сказал, вернувшись ко мне на башню, Мандресов. – Сам видел – у него шары по семь копеек и мчится, ничего не понимая. Разворачиваемся?

– Конечно! А не то голый Головской с каской на голове заведет нас в голую пустыню, – засмеялся я родившемуся у меня каламбуру.

– По-моему, он без мозгов в этой голове, – ухмыльнулся Мандресов и крикнул механику:

– Боец! Тормози!

Я посоветовал взводному аккуратно исправить ошибку, чтобы нам не досталось нагоняя от начальства.

– Саша! Сделай большой разворот и быстрее возвращайся на стоянку, откуда мы уехали.

Мандресов присел возле механика, держась за ствол пушки, и принялся управлять механиком, указывая направление, а я замахал руками следующим за нами машинам, призывая двигаться в нужном направлении.

Пылящая и дымящая техника поползла за нами, медленно разворачивалась. За Головским увязался только «кунг» комбата. Вдвоем они продолжили погоню за водовозами.

«Ну и черт с ним, балбес слеподырый, у скважины развернется, когда поймет, что едет не туда и сзади нет никого», – подумал я про себя.

Все увязавшиеся за нами экипажи с удивлением наблюдали за этим странным маневром, но, чертыхаясь и матерясь, проделали то же самое. Вереница машин вытянулась в нужном направлении, и вскоре мы были в недавно покинутом лагере. Кто-то из командиров понял, что двигаться нужно в обратном направлении, повернул раньше. Поэтому поток встречных машин прекратился. Возвратившиеся, по команде регулировщика, пристроились за несколькими последними бензовозами и не спеша поехали в сторону Талукана.

– Саня! Давай распределимся по машинам! Я поеду на третьей, сержант Юревич на второй, а ты на первой. На тех двух БМП сержанты совсем молодые, могут растеряться при обстреле.

Взводный согласился, и мы с Юревичем сменили броню. Сержант побежал на шестьсот восьмую, а я на шестьсот девятую.

– Юра, если обстрел – не тушуйся! – наставлял я сержанта, топая по обочине дороги. – Сразу открывай огонь во все стороны из всего, что стреляет! Места для нас новые, незнакомые, «духи» тут наглые и, как я понимаю, непуганые!

– Есть стрелять из всего! – улыбаясь, ответил маленький сержант и, слегка косолапя, побежал на свою машину.

К середине дня мы прошли Талукан, который афганский спецназ, царандой и наш местный разведбат накануне взяли штурмом и очистили от «духов». Вновь короткий привал прямо на дороге. Лонгинов собрал офицеров и сразу накинулся на меня:

– Лейтенант, вы почему бросили капитана Головского?

– Мы его не бросили, он сам убежал от нас, – ухмыльнулся я.

– Что за чушь ты несешь? – возмутился Бронежилет. – Где сейчас зампотылу?

– А бог его знает. Может быть, воду набирает, а может быть, ищет дорогу в Кабул.

– Какую к черту воду? Зачем ему вода?

– Он помчался вслед за водовозками вертолетчиков. Мы его пытались остановить, сигналили, но Головской нас не слушал, был неуправляем и гнался за водовозами. Половина колонны увязалась следом – машин сто. Не срывать же армейскую операцию из-за слепого тыловики...

– Надо было его как-то остановить!

– А как? Очередью из пулемета по колесам? Мы его догнали, я руками махал, чтоб он притормозил, а капитан отмахнулся и, наоборот, скорость прибавил.

Бронежилет оторопел и не знал, что сказать. Он ведь собирался нам устроить разнос, а выясняется, что управление батальона само во всем повинно.

– Черт! Вот дурак-то! И куда он помчался? Как все произошло?

– Да эти местные ослы наперерез к колонне поехали на трех машинах, пыль подняли и запутали двух водителей бригады, а Головской рванул за ними. Разберутся и часа через два-три догонят...

Лонгинов был обескуражен, не на шутку встревожился и тихим голосом произнес:

– Лишь бы к «духам» не попали! Чует мое сердце, будем перед особистами отчитываться и в трибунале разбираться...

– Зампотылов просто так не убивают, товарищ капитан! Обычно тыловиками торгуют. Хотя такого толстого и аппетитного могут пустить на шашлык...

Лонгинов разозлился.

– Глупые у вас шуточки! Молись, если умеешь, лейтенант, чтобы с капитаном Головским и бойцами было все в порядке!

– Уверен, с ними ничего плохого не произойдет. С ними БТР сопровождения, а у Головского настолько угрожающий вид! Сидит в каске, обвешанный бронезилетами! Умора! Кто же в бронике в машине ездит – только последний дурак.

– Вы так действительно считаете? – процедил сквозь зубы замкомбата.

– М-м-м, вообще-то, да...

– Тогда объявляю вам выговор за нарушение формы одежды! А конкретно за отсутствие бронезилета! Свободен! – рявкнул Лонгинов и закончил на этой «оптимистичной» для меня ноте разговор.

Володя потянул меня за рукав, увлекая подальше от разозлившегося и матерившегося Лонгинова. Лишь когда мы отошли метров на пятьдесят, Володя накинулся на меня с упреками.

– Ты почему не доложил о происшествии с Головским?

– А чего панику поднимать? Чтобы вся армейская верхушка узнала о том, какой зампотыла бестолочь? Ничего страшного. Поймет, что не туда помчался, и вернется. Не потеряется, пристроится к хвосту какого-нибудь полка.

– И с Лонгиновым ты погорячился, – упрекнул ротный.

– Забавно вышло и глупо. Случайно вылетело про этот бронник. Вырвалось. А слово не воробей.

– Вот-вот! Сколько раз тебе повторять: сначала думай, потом говори! – прорычал Сбитнев.

Я усмехнулся. Вовка прав, я сам виноват.

– Вырвалось про бронезилет непроизвольно. Постоянно стараюсь думать говорить, но не всегда получается...

– Дошутишься. Бронезилет тебе кое-что между ног нечаянно оторвет. Непроизвольно. Иди, прячься на БМП и не появляйся до окончания марша ему на глаза, – подтолкнул меня ротный. – Быстро исчезай!

Сбитнев коротко рассказал о недавнем штурме города, о больших потерях и вернулся к разозленному Лонгинову, чтобы сгладить конфликт.

Чертыхаясь и бурча проклятия, ругая себя, Лонгинова, Головского, войну и «духов», я подошел к своей машине.

– Механик!

Я громко забарабанил автоматом по крышке люка.

– Тут я! – высунул физиономию из люка Рахмонов, протирая глаза. Широкое, заспанное и серое от пыли лицо солдата пересекали полосы высохших подтеков пота. – Слюшаю вас, командыр.

– Какого лешего наша машина тарахтит? Заглуши движок!

Рахмонов растерянно улыбнулся.

– Аккумулятор сапсем плехой! Не заведется потом...

– Не заводится, не работает! Вечно что-нибудь не так! – раскричался я на водителя. – Так и будем газовать да Файзабада и жечь впустую топливо?

Механик вновь глупо улыбнулся широкой доброй улыбкой и исчез в люке. Машина продолжила тарахтеть. Я забрался на башню и вновь принялся орать, но теперь уже на дремлющих солдат:

– Эй, балбесы! Проснулись! Хватит храпеть! Спите вторые сутки напролет, словно бурые медведи! Вы бы еще лапу сосали и причмокивали. Быстро ополоснули физиономии! Попрыгать, отряхнуться, почесаться. Взбодриться!

Солдаты нехотя слезли с машины и принялись отмывать лица. Занятие, конечно, бесполезное, так как через полчаса движения к их влажным лицам прилипнет еще больше пыли. Просто очень захотелось увидеть их лица бодрыми, не хочу ехать один взбодренный посреди сонного царства. Сядут, вцепятся в стволы автоматов и будут дрыхнуть, наплевав на все! Ничто не заставит бодрствовать, даже угроза артобстрела. Удивительно!

– Проснулись? Хватит беспечно спать! В этих местах разведчиков из местного разведбата раздолбали! Наблюдать и быть готовыми к бою!

– Как так раздолбали? – удивленно переспросил недоучившийся студент и сын профессора рядовой Свекольников.

– Обыкновенно! Смертью храбрых! Даже комбат погиб! Убито пять офицеров и с десятков солдат. Надо же было придумать – выстроиться истуканами на открытом участке, развернув карты. Батальон перебросили недавно из Туркмении. Неопытные. Душманы из минометов и безоткатки накрыли квадрат – получилась кошмарная бойня.

Эта новость заметно встревожила бойцов, и они принялись перешептываться и озираясь. Поэтому, когда колонна вновь поехала, никто уже не спал – солдаты были настороже. Но со временем бдительность все равно притупляется, и когда через четыре часа внезапно раздались первые выстрелы, то оказалось, что почти все бойцы спали. И я тоже дремал...

...Бах! Бабах! Тр-рр-р!

Шедший впереди газик резко затормозил и встал поперек дороги, а наша бронемашина поддала ему в бампер. От удара задняя дверь «санитарки» распахнулась, и оттуда посыпались какие-то ящики и коробки.

– Ткаченко, разворачивай башню! Огонь из пушки пулемета! – заорал я наводчику, а сам, стреляя длинными очередями по зарослям, прыгнул с машины.

Солдаты высыпали, как горох, на дорогу и залегли между катков и в придорожной канаве. Я выглянул из-за брони и увидел суетящиеся в рощице фигуры нападавших душманов. Из зарослей летели густые трассы пуль, потом раздался выстрел из гранатомета, и граната, пролетев чуть выше кабины ехавшего сзади ЗИЛа, врезалась в дувал с противоположной стороны.

– Огонь! Всем огонь! – заорал я бойцам. – Стрелять! Не прятаться! Не трусить! Не ссать! Не быть пушечным мясом!

Магазин опустел за пять секунд, второй опустел за десять, третий уже пошел одиночными выстрелами. Между фальшбортом и броней лежал гранатомет. Я подтянул «муху» за ремешок поближе к себе, взвел гранатомет и прицелился в установленный в винограднике пулемет. ДШК не смолкал. Выстрел. Вроде попал, потому что огонь оттуда прекратился и раздался пронзительные вопли. Очереди из развернутой автоматической пушки резко ударили по ушам и кувалдами били по барабанным перепонкам, как будто на голову надели кастрюлю и стучали по ней огромным молотком. Я взглянул на бойцов – сердце радовалось! Снайпер Царегородцев лежал прямо у моих ног и, выбирая жертвы, посылал пулю за пулей в цель. Свекольников, лежа на спине, перезаряжал магазины и подавал их стреляющим, маленький Якубов тоже выцеливал мишени в прицел своей снайперки. Бойцы вели автоматный огонь короткими очередями, и лишь Гурбон поливал кустарник свинцом, не экономя патронов. Все идет отлично! Никто не прячется, никто не хнычет, не лежит мордой в землю и не паникует. Даже постоянно умиряющий в горах Тетрадзе в кого-то целится!

Но как же бьет по барабанным перепонкам эта пушка! «Духи», не ожидавшие дружного отпора, прекратили стрелять и теперь уносили раненых и убитых, а мы молотили по дувалам и винограднику.

Минут пятнадцать стрельбы, и наконец пушка и пулемет моей БМП замолчали. Механик Рахмонов, лежа на ребристом листе, пару раз выпустил гранату из «подствольника» в виноградник и успокоился. Пехота тоже прекратила стрельбу. Наступила относительная тишина, только слышны были чьи-то хрипы и стоны где-то рядом, и от разбитой «санитарки» раздавался мучительный, душераздирающий вопль.

Ткаченко высунулся из люка и прокричал:

– Одна укладка закончилась, лента в пулемете тоже. Надо прокачать...

– Ну так прокачивай! Перезаряжай ленту и переключайся на вторую укладку! Якубов! Перезаряжайте магазины, я пойду посмотрю, что там случилось у медиков.

Пригибаясь и прячась за бортом машины, я добрался до кабины газика.

Открылась жуткая картина: на асфальте лежал окровавленный сержант и скреб ногами по асфальту, держась за живот. Рваную рану пытался зажать, чтобы остановить кровь и перевязать, испуганный молодой санинструктор. Я заглянул в кабину – она была испещрена сквозными отверстиями, стекла разбиты, а на руле лицом вниз лежал водитель. Кровь! Всюду кровь! Кровь везде: на лице, на руках, на полу. И ужасная дырка в голове шофера, из которой уже не текла и не капала, а лишь чуть сочилась загустевшая к этому времени кровь. Явно мгновенная смерть! А у второго солдата раны не менее ужасны, но, может быть, вытянет, главное – быстрее его отсюда вывезти. Подбежавший прапорщик Сероиван принялся колоть промидол раненому, накладывая ему резиновые жгуты, быстро разрезал хэбэ на руках и ногах и перевязал его. Кашмар! Не тело, а сито! Грудь, живот, руки в осколках!

Я вернулся назад и, пригибаясь, направился к ехавшей сзади машине. Осторожно заглянул в открытые двери: пустая кабина, разбитая осколками гранаты. Подошел к следующей. Возле переднего колеса лежал бледный солдат, перевязанный белоснежными, но уже с кровавыми пятнами бинтами. Замотана бинтами голова, рука и нога. Эх, еще одному досталось...

– Другие раненые есть еще? – спросил я у незнакомого сержанта.

– Только Петьку зацепило! Нужно срочно вывозить его в госпиталь! – откликнулся сержант. – Но как это сделать? А?

– Сейчас по связи помощь вызову! А вы не высовывайтесь! Лежите тихо под своей машиной!

На дороге коптила подбитая бортовая машина. Я запросил замкомбата, сообщил о потерях во взводе обеспечения и услышал сплошной мат.

– Что орать! Я их убил? – рявкнул я в ответ. – У меня на БМП весь боекомплект закончился, пока отстреливались...

– Ладно, ладно, замполит, не кипятись! Чего орешь на старшего по званию? – и Лонгинов перешел на нормальный язык.

– А я и не ору, а докладываю! Нужно срочно вертолет вызывать! Раненых эвакуировать...

– Сейчас вызовем, – обрадовал меня капитан, и радиостанция умолкла. Вскоре действительно прилетели вертолеты огневой поддержки, «крокодилы» долбанули по кишлакам, и под их прикрытием один «Ми-8» сел на полянке у дороги, забрал раненых, убитых и умчался в сторону Кундуза...

Где-то вдалеке на шоссе еще что-то дымилось и горело, кое-где по-прежнему стреляли, но в основном все успокоилось. Клубы пыли над кишлачной зоной ветерком относило в сторону, и стали видны результаты и нашей работы. От трассирующих пуль загорелось несколько крыш и стогов сена, появились новые проломы в дувалах. Трудно понять, что в этих ветхих глиняных закоулках разрушилось от попадания снаряда, а что осыпалось от времени. Вскоре подъехали несколько грузовых автомобилей с афганскими солдатами, и командиры принялись организовывать прочесывание зеленой зоны. «Сарбосы» двигались неохотно, «зеленые» вообще не хотят воевать, они предпочитают посидеть у костра, сварить баранину, приготовить плов, помолиться. Эти вояки способны только идти вслед за нами и что-нибудь стащить по дороге.

Настоящая шайка анархистов или организованная банда мародеров и жуликов, да и как иначе, если местная армия набрана путем облав на мужчин призывного возраста от восемнадцати до шестидесяти лет. Некоторые солдаты на вид древние старики (на самом деле им было едва за сорок), но попадались и совсем мальчишки, прямо дети.

Тем временем колонна техники медленно двинулась дальше. За руль «санитарки» сел другой водитель, а разбитый ЗИЛ взяли на сцепку. Броня шла очень медленно, вела для профилактики шквальный огонь по всем кустам, развалинам и виноградникам. Через час неторопливого движения доехали до изгиба дороги, которая располагалась в глубоком ущелье. У обочины стояла и тархтела, не глуша двигатель, командирская машина, на пушке сидел ротный и махал рукой, делая знаки, чтобы мы остановились.

Я скомандовал команду механику «вперед» – «стоп», и мы пристроились в трех метрах от кормы БМП. Ротный и я одновременно спрыгнули и пошли друг другу навстречу.

– Ник! Как дела? Живой, чертяка! – улыбнулся, блеснув вставными зубами, Сбитнев.

– Жив я, Вовка! И здоров! Чего не скажешь о водилах взвода обеспечения.

– Эх, неудачно рейд складывается. Два труп в полковом тылу, у артиллеристов тоже труп и несколько раненых. И у нас в батальоне потери! Только что сообщили: погиб новый командир взвода ГПВ из второй роты. Я его даже в лицо не помню. Прапорщик приехал пару дней назад, земляк из Вологодской области. Первый рейд – и амба! Голову выстрелом гранатомета оторвало! Рядом несколько солдат ранено.

– А моих дружков Афоню и Луку не задело? – поинтересовался я, встревожившись такими грустными вестями.

– Нет! А что так за них переживаешь?

– Денег перед рейдом много им занял, а они их пропили. Не хочется без «бабок» в отпуск ехать.

– Ну-ну, один с твоими деньгами домой по замене сбежал, другие пропили, что-то ты чеками швыряешься. Лучше вообще не получай, пусть в кассе лежат или мне займи, – широко улыбнулся Володя.

– Ага, и потом переживай еще и за тебя: шандарахнет ротного второй раз по башке или нет.

Сбитнев громко расхохотался, так что стали видны его вставные зубы, которые у него появились после того злополучного ранения.

– Значит, если деньги в долг у тебя не возьму, то за здоровье командира роты ты не станешь переживать?

– Сильно переживать не буду – лишь слегка, для приличия. Был один, другой, третий, пришлют четвертого, – ответил я, с ехидной ухмылкой. – Нельзя сказать, что мне совсем на тебя наплевать, жалко будет, конечно, человек все же, да и привыкли уже, почти любим тебя.

Моя грубая шутка пришлась Сбитневу не по душе, и он сердито сплюнул на дорогу и выругался.

– Вот твоя замполитская сущность и проявилась. На людей наплевать, деньги дороже, да?

– Сказал же, чуть-чуть будет жалко, обещаю, честное слово, – ответил я, продолжая улыбаться. – А тебе меня будет жалко? Ты обо мне много печешься?

– Нет! Подрезать бы все ваше замполитовское племя под корень, легче стало б жить. Баба с возу – кобыле легче.

– Ну, тогда дохляков в горах сам будешь подгонять и выносить.

– Вынесем как-нибудь...

– А кто тебя газетами и книжками будет снабжать?

– Обойдусь.

– А в карты с тобой играть?

– Перебьемся.

– Коньяк-водку вместе пить?

– Другого собутыльника найду! И никогда больше пить с тобой не буду, отстань от меня! Ничего мне от тебя не надо. Отлучаю презренного и недостойного от самодержавного тела! Отправляйся-ка ты с третьим взводом на их задачу. Я тебя разжаловал, будешь в ссылке находиться, пока моя душа не оттает.

– Вот и поговорили по душам старые товарищи, – обиделся я в свою очередь. – Ну и хорошо, иду с Мандресовым. И очень этому рад! – и я хотел было уже уходить, но был схвачен за руку и остановлен.

– Ник, приемничек-то оставь! – нагло и широко улыбнулся Володя.

– Грабеж! Это мой транзистор!

– Нет, не твой – имущество роты. «Маяк» на балансе стоит, я за него отвечаю.

– Но я его на складе с боем доставал и носил на себе всю дорогу!

– Не ты. Его на БМП возили! Отставить разговорчики, у тебя собственный маленький транзистор есть! – прикрикнул Сбитнев и нагло заржал. – Хочу чемпионат мира по футболу услышать!

– Ты только что говорил, мол, ничего от меня не надо, а сам последнее отнимаешь. Крохобор!

– От крохобора и слышу. Собирай манатки и двигай в гору к третьему взводу. Видишь, вон там твой Мандресов со своими архаровцами по склону идет.

– Вижу...

– Вот с ними и выдвигайся. Сколько тут с тобой пехоты?

– Пятеро. А машину куда поставить?

– Всю технику забирает Лонгинов. Я сейчас должен получить у него последние указания и потом пойду на соседний хребет, а Вертишин сядет на сопку правее меня. Три задачи держим. Ну, валяй отсюда, бывший собутыльник, – ухмыльнулся Сбитнев и хлопнул меня по спине.

– Вовка, а может, ты мне сто чеков займешь? Тогда проверим, насколько ты за меня больше будешь переживать.

– Нет, не дам! Я не хочу беспокоиться о тебе. Иди с глаз моих долой, торопись, а то броня с твоим мешком уедет, – вновь засмеялся Сбитнев.

МЕСЯЦ КОПЧЕНИЯ НА СОЛНЦЕ

Моя группа с «Утесом» медленно потянулась вдогонку за взводом. Вначале крутой подъем метров пятьдесят, а затем более пологий, но кажущийся бесконечным склон. Мы двигались по песчано-каменистой осыпи, и из-под наших ног постоянно выскальзывали камни. Тяжело нагруженные бойцы брели, загребая обувью песок и камушки, поднимая пыль. Сбитнев немного подождал, прикрывая пушками наш выход, а потом умчался на машинах дальше по дороге в сторону Файзабада. Час перехода под палящим солнцем, и мы на месте. Сашка уже сидел на вершине, развернув карту, и пытался «привязываться» к местности.

– Уф-ф! – тяжело выдохнул я. Сбросив мешок, я вытер тыльной стороной ладони обильный пот со лба и присел рядом. – Саня, ты уже сориентировался?

– Да хрен его знает. Я в горах пока плохо ориентируюсь, для меня все тут одинаково. Черт поймешь, эту местность: горы, хребты – все как под копирку. Давай вместе мудрить...

– Давай. Начнем плясать от дороги. Давай сядем чуть повыше: оттуда лучше видно.

Через сорок минут споров мы пришли к общему согласию о нашем истинном местоположении, и после этого Мандресов доложил Сбитневу о наших координатах по кодировке на карте. Тем временем бойцы быстренько построили укрытия, а Якубов даже успел покашеварить.

– Товарищи офицеры! Скорее, пока еда не остыла, – громко крикнул мордатый сержант. Ах, Якубов! Золото, а не боец!

И тут к нам подбежал Свекольников с перепуганным лицом, протягивая радиостанцию Мандресову. Сашка тревожно вслушивался и параллельно комментировал мне услышанное и происходящее во внешнем мире.

– Ник! Во втором взводе подрыв! Трое ранено, двое – тяжело...

– Кого зацепило? – воскликнул я, встревожившись.

– Черт его знает, не говорят. О! Твою мать! Ветишина зацепило! Сбитнев говорит: старшего ранило! Сережку нашего ранило!

– Куда ранили?

– Не знает.

– Саня, дай я сам поговорю с командиром.

– Он и так тебя требует, – и Александр сунул мне в руки радиостанцию.

– Никифор! Как у вас дела? – спросил Сбитнев суровым тоном. – Почему не докладываете обстановку?

– Сориентировались и привязались к местности, окопались и закрепились. Хотели доложить о построении СПСов, но услышали про потери, теперь тревожимся, молчим и слушаем, – ответил я.

– Делай вот что, слушатель! Бери одного «карандаша» и следуй ко мне. Как говорится, с вещами на выход!

– «Карандашу» тоже с вещами?

– Да! Бери любого и побыстрее! – Я поглядел на Сашку.

– Слышал приказ?

Он грустно вздохнул и обреченно кивнул.

– Я думал, вдвоем хоть какое-нибудь время повоюем, а то боюсь, что-то не так сделаю. Я же в первый раз в рейде.

– Не переживай. Все будет нормально! Гурбон и Юревич подскажут, нормальные сержанты, хоть и молодые. Свекольников – хороший связист, взвод у тебя что надо, твой предшественник их отлично подготовил. Я у тебя, наверное, Уразбаева заберу. Проку от него ника-

кого, и большой потери не будет. А во втором сплошные узбеки – русскому бойцу тяжело будет. Наверняка Вовка меня вызывает командовать вторым взводом вместо Ветишина.

– Бери кого хочешь...

– Эй! Уразбаев!

– Я! Слушаю! – с тревогой в голосе откликнулся молодой солдат.

– Собирай манатки – идешь со мной к ротному.

– Чего собирать? – недопонял и переспросил солдат. – А пачаму я?

– Вещи! Шмотки собирай и быстрее! – воскликнул взводный. – Ничего не забудь, а то оставишь тут что-нибудь. Назад потом не вернешься!

– А почему я?

– Потому! Замполит тебя выбрал, очень ты умный и смелый.

Узбек опешил и растерялся.

– Какой умный, какой смелый? Я обыкновенный, не надо меня. Не хочу во второй взвод. Хочу с Якубовым...

– Испугался идти к своей «узбекской мафии»? – догадался я и самодовольно улыбнулся. – Ничего не поделаешь, придется!

Солдат продолжал скулить в полголоса и в то же время обреченно собирался в поход.

– Видишь, Саня, не хочет быть на побегушках у Алимова и Исакова. Те страшные бездельники, и ему придется подчиняться старшим землякам, все за них делать. Так, я говорю, солдат?

– Ага... – уныло соглашался Уразбаев.

– Ничего страшного, в обиду не дам! Пошли быстрее! Сашка, не грусти и не скучай! До встречи!

Мы крепко пожали друг другу руки на прощание, и я зашагал по еле заметной тропе в сопровождении молодого бойца.

Мы спустились в ложбину, поднялись на хребет, снова ложбина, снова хребет, еще спуск, и вот наконец подъем на высоту КП роты. Пришли мы оба взмокшие, хоть тельняшку выжимай и соль со спины соскребай. Нас встретили минометчик Радионов и врач двухгодичник, старший лейтенант.

– О! Привет медицине и «богу войны». Как вы тут? Где Володя? Что с Сережкой?

– Здорово! Ротный ждет тебя там, во взводе Ветишина. Топай к нему, не задерживайся, – ответил за всех минометчик. – Сереге лицо сильно посеколо и ранило осколком руку. Ничего страшного. Руку задело не сильно, а симпатичную морду лишь чуть-чуть попортило. Но ведь говорят, что шрамы украшают мужчин...

– А я переживал, думал случилось страшное – типа без глаз... Уф! Сейчас немного передохну, с вами язык почешу и пойду докладывать. Хорошо, что с Ветишей все более-менее нормально. Надо «дух перевести! Меня прямо качает. Силы на переходе оставил. Какой изнуряющий зной! Сил моих нет! Хочется упасть где-нибудь в тень, а ее, как всегда, нет...

– И еще долго не будет! Сегодня Ошуев поставил задачу ротам закрепляться как можно основательней и быть готовыми отражать атаки мятежников. Есть вероятность, что мы тут проторчим около месяца, – поддержал разговор медик, сверкнув солнечными зайчиками от квадратных очков.

Я задумчиво почесал голову. Прощай отпуск летом! Нечего сказать, хорошенькая перспектива.

– Мля! Пекло в этих краях похуже, чем в Кабуле! Одно радует – стоматолог с нами, и зубы подлечит, если что случится. А ты хирургом-то работать сможешь? – поинтересовался я на всякий случай.

Широколицый плотный доктор улыбнулся и протер запотевшие очки.

– А как же! Я все теперь могу, даже роды принять! Уже полтора года, как в Афгане. Меня когда из Союза направляли на должность хирурга, я криком кричал, что готов только зубы удалять. А мне ответили: «Ничего, две-три руки-ноги отрежешь, четвертую уже сможешь пришить – научишься! Практика – критерий истины». Поначалу что-то, может быть, и не получалось, но вроде бы пострадавших от моих медицинских опытов было мало и никто не жаловался.

– Наверное, они уже просто не могли жаловаться, – ухмыльнулся Радионов.

– Болтун! Я сейчас вернулся после штопанья ваших бойцов и ни одного мата в мой адрес не услышал.

– Ни один не сказал, что ты проклятый новоявленный «доктор Менгеле»? Продолжатель преступных экспериментаторов Бухенвальда и Освенцима? – подколот я врача вслед за минометчиком и, устало закрыв глаза, продолжил:

– Не дай бог к такому мастеру на все руки попасть! Зубы не вылечит, потому что разучился, а кишки зашить не сумеет – еще не научился. В прошлом году мне такой зубник из соседнего полка чуть челюсть не разворотил. Мастер-ломастер!

– А ты, как настоящий замполит, болтаешь даже с закрытыми глазами и во сне. Кишки твои я пришью к языку. У нас в полку под Читой уникальный случай был в моей практике. Из морга прибегает боец-санитар и кричит: «Я из морга, там труп ожил!» Боец бледный, трясется, орет благим матом. Иду с ним в мертвецкую, действительно: лежит покойник синий-синий, а язык высунулся изо рта и шевелится. Я солдатика успокаиваю: не переживай, ничего страшного, это же замполит! У них рефлекс – только на пятые сутки язык болтать перестанет. Настоящий был профессионал тот замполит!

Потный медик ехидно засмеялся и вновь протер очки.

– Да пошел ты куда-нибудь подальше! Мне не хочется врача нецензурщиной обижать. Вдруг когда пригодишься, но ты явно напрашиваешься... Однако ты, шприц-тюбик, старые анекдоты за быль не пытайся выдавать. Этот номер у тебя не пройдет, не прокатит. Слышали эти байки сто раз, твоя быль мхом поросла. Ладно, раз вы такие противные и неласковые, уйду я от вас. А что за ранения у солдат? Почему о них молчите?

– Бойцы тоже живы. Кстати, пока кто-то впустую языками чешет, я уже туда к раненым сбегал, перевязал всех, вертолета дождался и обратно вернулся, – сразу посерьезнев, ответил врач. – У бойцов положение гораздо хуже: Кайрымова ранило в шею, повезло, что осколок не задел артерию, но немного повредил гортань. Но думаю, жить будет! А Сомов, скорее всего, остался без глаза.

– Твою мать! Совсем?

– Совсем! У него такое месиво на лице: левая щека разодрана, глазницу разворотило! Смотреть страшно.

Доктор прикурил, сделал глубокую затяжку и выдохнул колечко дыма.

– Кстати, и у тебя видок что-то неважнецкий. Никифор, что с тобой? Заболел?

– Башка до сих пор гудит после теплового удара, а тут еще пушка контузила немного!

– Если хочешь в академию поступать, не свети в записях медкнижки ни тепловой удар, ни тем более контузию. Это ведь головной мозг, мои коллеги очень ревностно к этим травмам относятся, могут забраковать еще до экзаменов. Дураки, сам понимаешь, никому не нужны!

Доктор раскатисто заржал и минометчик расхохотался. Доктор продолжил:

– А вообще-то я серьезные вещи говорю о контузии. Подумай головой!

– Пока голова думает! – хмыкнул Радионов.

– Иди на задачу, тебе Сбитнев подробности на месте расскажет, – хлопнул доктор меня по плечу и полез обратно в укрытие от солнца, сделанное из двух накидок, растянутых как полог.

Он лег, высунул голову наружу, протер запотевшие очки и принялся отмахиваться от мух, липнувших к потному красному лицу. Доктор всем видом показывал, что желанья со мной разговаривать у него больше нет. Жирок на его животе медленно плавился и вытекал через

поры тела обильным потом, чувствовалось, офицер-медик переживает увиденное за сегодняшний день, но виду не подает, крепится. Трупы утром после боя на трассе, перевязка множества раненых, а теперь еще новые тяжело раненные на горе. Даже у врачей нервы не железные и стойкость не беспредельная.

Я хлопнул минометчика на прощание по плечу и попросил:

– Будь точнее с артакорректировкой! Смотри – не перепутай, как в рейде на Джелалобад, – «Кутузов»!

Ругая палящее солнце, я двинулся по высоте в поисках бойца (пора было двигаться вниз), а вслед услышал последнее слово, оставшееся за минометчиком:

– Да пошел ты, умник! Без тебя разберемся...

Не понравилось, что я не удержался и напомнил про обстрел нашей роты армейской артиллерией и «Градами», когда Радионов с нами был корректировщиком в Черных горах. Ничего, полезно освежить ему память. Может, лишний раз перестрашует, уточнит наше местонахождение.

– Уразбаев! Эй, У-раз-ба-ев! – закричал я, оглядываясь.

Этот хитрец уже куда-то спрятался. Видимо, лежит под навесом и молчит, делает вид, что не слышит, и что-нибудь жрет.

– Уразбаев! Ты где, проклятый гоблин! – рявкнул я гораздо громче. – Бубуин! Обещаю, будешь на посту бессменно стоять!

Из-за полога крайнего укрытия высунулась потная жующая физиономия.

– Товарищ лейтенант, иду сейчас, одына минута, чай очень горячая.

– Тридцать секунд, достаточно на два глотка.

– Опять шутите, да? – улыбнулся солдат.

– Нет, не шучу! Вылей эту бурду, нам через пятнадцать минут нужно быть на месте!

Солдат, обжигаясь, сделал один судорожный глоток, выпил темнокоричневую жидкость и засеменял следом.

Два распадка и два подъема. У-ф-ф! Взобрались! Кто только придумал эти проклятые горы? Черт бы побрал эту жару! Рухни небо на эту страну! Будь она проклята!

На краю каменной свежевостроенной стены сидел грустный командир роты и грыз зубами стебель сухой колючки, уныло глядя вдаль, где по ущелью шла группа из пяти человек.

– Вот и я! Еще раз привет! Кто это ушел? – спросил я, тяжело дыша, и рухнул рядом со стеной, завалившись на правый бок. Пот струился ручьями по всему телу, маскхалат вместе с тельняшкой прилипли к спине, даже кроссовки взмокли.

– Это был наш «друг» Бронежилет, тебе повезло, что с ним разминулся. В результате всю мощь своего гнева он обрушил на мою голову.

– Как все произошло? Как они подорвались?

– Да хрен его знает! В том месте ни старого окопа, ни СПСа не было. Место удобное, вот и решили оборудовать пулеметную точку. На два штыка лопаты даже не успели углубиться, как раздался взрыв. Серега стоял рядом и смотрел в бинокль на дорогу, ему посеколо осколками правую сторону симпатичной физиономии и в кисть попало несколько осколков. С рукой ничего страшного – стакан держать сможет! Бойцам досталось крепче. После взрыва через пять минут мы были уже здесь. Юрка-медик молодец, кровь, хлеставшую из горла Кайрымова, остановил; поначалу думали, Садык до вертолета не доживет. Но ничего, натыкали промидол, перетянули жгутами раны на руках. Это именно он задел что-то в земле лопатой и принял на себя большинство осколков. У Юрки золотые руки и стальные нервы. Кровищи вокруг – море,

а он что-то шьет, клеит, перевязывает. Мне даже дурно стало. А он же окурок изо рта не выпускает и только матерится сквозь зубы.

– У Сомова как дела? – поинтересовался я.

– Сомову меньше досталось. Но у клоуна не лицо, а сплошное месиво. Глаз – одни ошметки, щека – в клочья.

– Бедняга клоун. Теперь парню не до смеха. Как с таким лицом выступать на арене? Глаз левый или правый?

– Левый. А какая разница?

– Никакой. Просто так спросил. Лучше бы оба глаза сохранились. Куда ему еще попали осколки?

– Ноги обоим немного посекло до паха.

– Жизненно важные органы какие-нибудь не задеты?

– Какие-нибудь не задеты. Между ног у всех цело, если ты это имел в виду. И грустно, и смешно, но выглядит так, словно у них на яйцах были бронежилеты. Все задело, кроме этого хозяйства. Так что через неделю Сережка на медсестричках будет скакать, его ранения-то плевые. А бойцов жалко! Хорошие солдаты, и сомневаюсь, что они вернуться в роту...

– Были. Теперь они уже не солдаты, и вряд ли вернуться обратно, – согласился я и загрустил, подумав о смерти, веющей всюду вокруг нас.

– Хотя бывает, что и после ранения возвращаются, – такие дураки, как я! Пасть зашивают, зубы вставляют, и в строй, – с грустью улыбнулся Вовка.

– Тебе лучше знать – ходячий экспонат чудес советской стоматологической и челюстной хирургии.

– Поболтали, а теперь о деле. Занимай оборону, строй бойницы, рой окопы, готовь круговую оборону, командуй взводом. Лонгинов, уходя, пообещал, что нам предстоит загорать и плавиться на солнышке, пока техника колоннами будет внизу сновать туда-сюда. Курорт, мать твою!!! Командование приняло решение построить взлетную полосу на аэродроме в Файзабаде. Чтобы не только вертолеты и «кукурузники» садились, а большегрузные самолеты. Машины будут возить плиты, блоки, кирпич, щебенку, цемент примерно месяц. Возможны попытки прорыва «духов» к дороге. Наша задача – не допустить этого. Твой сектор стрельбы: от половины хребта с левой стороны и до четвертого хребта справа, дальше сидит разведзвод, и это уже его линия обороны. Поставь вокруг горы и на склонах сигнальные мины, их вертолетом завезли на всю роту, часть я сейчас заберу, за третьей частью бойцы Мандресова придут. Поделись по-братски, не жмись. Далекое не устанавливай, а то зверье будет бегать и цеплять.

– Техника снизу нас поддерживать не будет? – удивился я отсутствию БМП на дороге. – Почему не видно ни одной бронемашинки на шоссе?

– Все забрали – дальше к Файзабаду стоят. Помочь сможет только авиация и артиллерия, не дай бог, до этого дойдет. У тебя один ПК, другой у Мандресова, плюс «Утес», а у меня в кулаке АГС и миномет, если что, помогу вам обоим, чем смогу. Послезавтра вызову, придешь и доложишь о проделанной работе. Будь здоров, лейтенант, не кашляй!

– Постараюсь! Спасибо на добром слове.

Второй день в гарнизоне – и уже сижу за пультом – помощник дежурного по полку. Штаб опустел – после обеда в полку началось подведение итогов последней операции. Столь масштабные боевые действия были оценены высшим командованием положительно, потери были, но небольшие, и успехи тоже имелись. Теперь сыпались награды и поощрения на участников этой эпопеи. Жаль, я не присутствую на раздаче подарков...

Начальник штаба полка доложил о ходе операции, замполит полка оценил моральное состояние личного состава, зампотех внес ложку дегтя в бочку меда, констатируя факты разбитой техники, и, наконец, слово взял «кэп».

– Товарищи офицеры! Я получил подробный отчет и остался доволен ходом боевых действий. Командование удовлетворено результатами боевой работы полка. По итогам этой операции к орденам и медалям представляем более ста пятидесяти человек. И это хорошо. Не надо жалеть железо. Награждать! Иначе в полку создалась занятная ситуация: некого наградить высокой наградой! Нет выбора... Командир дивизии получил распоряжение представить одного офицера к званию Героя Советского Союза! Дивизия отдала эту награду нам, как лучшему полку соединения!

В зале раздались оживленные и одобрительные возгласы.

– Мы в управлении полка посоветовались и решили, что награду получит офицер из первого мотострелкового батальона. Пехота заслужила. Образцовый батальон, да и самый боевой. По разнарядке офицер должен быть из ротного звена – командир роты или его заместитель!

Сидящие рядом плечом к плечу Сбитнев, Жилин и Степушкин дружно переглянулись.

– Обязательно имеющий орден! – продолжил Иван Грозный.

Все посмотрели на Женьку Жилина и на дремавшего рядом с ним заместителя Луковкина, а по простонародному Луку. Старший лейтенант положил бедовую головушку на плечо командира и тихо всхрапывал. Заметив пристальное внимание к своей персоне, Женька разбудил Луку.

– Русский! Коммунист! И последнее условие: служба около года или чуть более в Афгане. То есть чтобы награду получил в Афгане и послужил еще год!

По залу прошел вздох разочарования. Такой кандидатуры не находилось.

– Год службы в Афгане – главнейшее условие! Чтобы успел еще повоевать...

– Таких нет. За исключением заменщиков: Жилина и Луковкина, – выкрикнул начальник штаба батальона Степанков.

Командир взглянул на кричавшего и поморщился.

– Встаньте товарищ майор! Вы, Степанков, как я погляжу, плохо изучили людей в батальоне. Положения дел не знаете! Не владеете ни хрена обстановкой! Я ничего не имею против Жилина и Луковкина, но ребята через неделю уже в Союзе! В батальоне есть два орденосца, которым осталось служить по году: Острогин и Ростовцев!

– А-а-а, – пронесся по клубу вздох разочарования. Многие штабные имели ордена и были не прочь получить золотую звездочку.

– Вот из Острогина и Ростовцева мы и определили кандидатуру! Увы, Острогин взводный. Можно, конечно, назначить заместителем командира роты, но нужно время, поэтому его кандидатура отпадает. Остается Ростовцев. Возражений нет? Мы вчера с заместителями обсуждали этот нелегкий выбор. Достойных – много! Начальник штаба и замполит полка его кандидатуру поддержали. Была кандидатура от разведки, но пусть они вначале со своими насильниками и мародерами разберутся! Кто и что возразит? За прошедший год Ростовцев участвовал во всех боевых операциях, ни одной не пропустил. Потерь в роте нет, трофеев захватили много. Награжден орденом. За замполита батальона неоднократно работал...

– Я хочу возразить, товарищ полковник, – начал возмущаться зампотыл полка Ломако, – очень он горяч и болтлив. Комиссия была перед боевыми, а он заявил проверяющим, что баня не работает и паек плохой...

– А разве баня до сей поры еще не работает? – взъярился Иван Грозный. – Твою мать! Сколько это безобразие будет продолжаться? Зайдите ко мне в кабинет после совещания.

По залу пронесся дружный хохот, и Ломако, густо покраснев, сел обратно на стул.

– Кто и какие еще имеет возражения? Высказываться только по существу, по делу. Лично мне он нравится, я его кандидатуру и предложил, – закончил выступление Филатов. – Дело

серьезное! Выводим человека на высокую орбиту, перед ним открываются большие перспективы!

Возражений не поступило, а наоборот. Дружно поддержали комбаты – танкист Ахматов, артиллеристы, саперы. Наши батальонные начальники, соглашаясь, кивали головами.

– И в последнем рейде не подкачал, умело действовал! Верно говорю? – утверждающе уточнил Филатов. – Значит, решено! Будем растить героев из своих рядов! Повторяю – награду отличившимся офицерам и прапорщикам, сержантам и солдатам не жалеть! Заслужили! Завалить наградными листами строевую часть, пусть работают! В боевых подразделениях у офицеров почти нет орденов – хр... знает что! В лучшем воюющем батальоне всего пять награжденных офицеров, включая комбата! Безобразие и свинство. Я и с себя свою долю вины не снимаю. Повторяю, железа не жалеть! Награждать, награждать, награждать. Строевик! Если своевременно представления оформляться и отправляться не будут, порублю твой конец на пятаки и по плацу разбросаю! – пообещал Иван Васильевич, завершив речь громким рыком.

– А что я, при чем тут строевая? – попытался возразить Бочонкин. – Они сами вовремя не пишут, задерживают, ошибки допускают, да и в наградном отделе каждый месяц новые требования. То им трофеи нужны, то спасение командира или подчиненного, то малое число боевых операций не устраивает, а то количество уничтоженных «духов». А порой, наоборот, никого не убивать, а оказывать помощь в восстановлении дорог и школ. Да сроки прохождения по времени ужесточили – на третий день после боевых отправить из полка на пятый из дивизии в армию, не успели – возврат! Дурдом! А я во всем виноват? Первая рота! Вы почему вовремя не оформили бумаги на отличившихся?

– Все сделано еще вчера и лежит у вас в папке на подпись! – возразил Сбитнев.

– Не видел, – ответил было Бочонкин, но был прерван командиром:

– Так глаза протри или протрезвей! Разберись в своем хозяйстве! Закончили пререкания!

Все свободны...

Я мужественно боролся с обволакивающей дремой. Душно! Время шло к смене наряда. В штабе стояла мертвая тишина, только часовой в теплом парадном мундире топтался из последних сил у Боевого знамени части. Солдат тяжело вздохнул и переминался с ноги на ногу. При плюсе пятьдесят два часа стоять с автоматом в парадке – тяжелейшая пытка.

– Привет, герой! – поздоровался со мной зашедший с совещания танкист Роман Романыч. – Бу-а-а! Ха-ха!

– Привет, – буркнул я сонно в ответ, – закончилось совещание?

– Закончилось-закончилось. Ты про ящичек коньяка не забудь. Долг – дело чести офицера! И еще одну бутылочку добавь по сегодняшнему событию!

Комбат хитро подмигнул мне и, улыбаясь, направился в строевую.

– Какое событие? Отпуск? – переспросил я, не поняв намека, но ответа не получил.

Следом вошли офицеры штаба и как-то странно посмотрели на меня. Проходя мимо дежурки, они улыбались и ухмылялись.

– Здорово, Никифор! Как жизнь? С тебя причитается! Герой! – ласково заворковал, появившийся в проеме Микола Мелещенко. Но, завидев подходящих к штабу Артюхина и Мусалиева, быстро скрылся за дверью пропагандиста – подальше от начальства.

– Поздравляю! Молодец! Повезло тебе, чертяка! – крепко пожал мне руку замполит батальона Артюхин.

– С чем повезло? С дежурством, что не сняли за компанию с Габуловым? С представлением ко второму ордену? Что тут особенного, половина батальона в списках. Да только получают ордена один или два человека – остальных кинут, как всегда. Со званием? Ну и что, не сегодня так завтра, рано или поздно, никуда не делось бы, – я лениво возразил и широко зевнул.

– Чудак-человек! Ты о чем говоришь-то? Кто все? Что получают? – и он покрутил указательным пальцем у виска.

– Что-что... Старлейские звездочки все лейтенанты получают... Просто мне первому, потому что училище окончил на неделю раньше.

– Тебе, балда, Героя дают! По крайней мере оформляют, – рявкнул возмущенный моим равнодушием к известию Артюхин и, чертыхаясь, пошел по коридору.

До меня начало доходить... От неожиданного известия я чуть не упал со стула. Предпринял попытку сообразить, о чем идет речь. Что за глупые шуточки! Но тут в окне дежурки нарисовался Сбитнев и громко заорал:

– Открывай дежурку, сейчас будем твою биографию описывать, придумывать несметные подвиги и восстанавливать в подробностях боевой ратный путь! Родина должна знать своих героев! А герои не забывать друзей-товарищей и полнее наливать!

– Вовка! О чем весь этот базар? Четвертый по счету несешь какую-то околесицу! Объясни толком, что мне дают? Куда и что посылают? Зачем?

– Как чего? Мы из тебя Героя делаем!

– Героя газетного репортажа? Книжки, статьи, телепередачи, фельетона?

– Советского Союза! Разрядка пала на тебя. Посудили, порадили, и вышло, что ты самая подходящая кандидатура, – хмыкнул Володя. – Давай рассказывай свою историю, биографию уточняй. Мороки теперь с тобой не оберешься до самого выхода на войну...

Немая сцена. Пауза. Мертвая тишина.

Вовка громко рассмеялся.

– Да, совсем запамятовал! Про отпуск забудь и пока не мечтай. Останешься до особого распоряжения командования! Сегодня материалы на тебя будут срочно печатать, а завтра их в штаб дивизии нарочным повезут! Посыльным Ветишина отправляю. А ты деньги экономь, а то не хватит на все мероприятия. Каждый день будешь поить, угощать, это ведь событие! В батальоне за всю его историю никому звание Героя не давали. Ох, погуляем!

– Меня Героем Советского Союза!!! – переспросил я недоверчиво.

– Тебя, тебя, – ухмыльнулся Володя.

– Какое покутим! Завтра разберутся, одумаются. Не бывало еще на этой войне, чтоб живому-здоровому замполиту роты звание Героя присваивали. Только посмертно! Для этого нужно гранатой себя вместе с «духами» подорвать! Посмертно двоих наградили! Но если понадобится третий случай, в моем лице, то я пас! Не хочу!

– Понадобись покойником – никто тебя и не спросит! Чудак, тебя живым хотят видеть и пропагандировать. Лично я думаю – начальство ошиблось. На партийную икону ты не тянешь. Оппортунист, одним словом! Святости в тебе мало. Посуди сам, ну какой ты к черту пример для подражания? Ты же должен будешь школьников воспитывать! Патриотов растить!

– А ты, значит, пример? – обиделся я на эти слова друга.

– Нет, но меня и не возвышают! Ты начальству, кстати, в Афгане еще не менее года нужен. Условие такое поставлено. Главное! Увеличивается шанс стать покойником. Хотели бы живого и здорового – награждали бы разведчика Суркова. Он не сегодня-завтра в Союз уедет. Гады! Опять хотят потенциального смертника!

Мы немного посмеялись над этой грустной шуткой, и Володя распорядился:

– Быстрее сдавай наряд и возвращайся в лоно коллектива, будем до утра писать о тебе роман!

По прошествии пары часов ночного допроса по биографии Сбитнев отправил меня отдыхать. В задумчивости я брел по ночному темному полку в свою комнату. Хотелось упасть на койку и привести в порядок перепутавшиеся мысли. Звезды, как всегда, подмигивали мне сверху. Что-то там, на небесах, перепуталось, и карта легла очень даже занимательно. Боги «бросили камни», и шанс выпал мне. Удача! Орден, звание, герой! Это даже не звездный дождик, а какой-то звездный ливень! Необходимо теперь, чтобы этот ливень не смыл меня! Глав-

ная задача остается прежней – постараться вернуться живым! Жизнь – важнейшая награда по итогам войны. И нужно добиться этой награды. Что ж, постараюсь!..

КАРАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Ночное небо простиралось над землей, словно гигантский черный шатер. На нем мерцали звезды, как всегда, холодные и далекие. Легкий ветерок шевелил волосы, освежал лицо. Я постепенно приходил в себя.

Да и как не разнервничаться, если из ста тысяч возможных претендентов выбрали меня, единственного. Один шанс из ста тысяч. А ну как, и правда, получится? Я – Герой Советского Союза!!! Москва, Кремль, академия...

Тьфу ты, черт! Совсем ум за разум зашел. Иду, куда ноги ведут, дороги совсем не вижу. Удивительно, что о бордюры не запинаясь и в колючки не забредаю. Шальные мысли надо гнать из головы, а то и до беды недалеко. Вознесешься в мечтах до самых небес – вот тут-то тебя пуля на земле и срежет. Не летай, не воспаряй. Будь проще! Живи, как раньше жил...

Рано утром стремительная постановка задач и сбор по тревоге. Батальон погрузился на технику и отправился на Баграмскую дорогу проводить карательную операцию. Отольются солдатские слезы тем, кто устроил фейерверк из «наливняков».

Шедший впереди колонны танк с тралом задавил несколько мин. В конце концов после подрыва мощного фугаса каток трала отлетел в виноградник. Пока танкисты навешивали новый и заменяли контуженого механика, батальон открыл по «джунглям» шквальный огонь из всех стволов. Ветви деревьев, виноградные лозы трещали и падали, скошенные пулями и осколками снарядов. После точных попаданий артиллерии крыши и стены нескольких строений завалились внутрь карточным домиком. В садах, как песчаные фонтаны или гейзеры, десятками взметались вверх взрывы, а затем оседали, барабанив вокруг комьями земли. Над кишлачной зоной нависла сплошная пелена из дыма и пыли, мешающая и дышать, и смотреть.

Я залез в башню на место наводчика и принялся посылать очередь за очередью по кромкам высоких дувалов. Сначала бил по развалинам, а потом переключился на самый огромный в кишлаке двухэтажный дом. Довольно занятное времяпрепровождение – высаживание ворот и вышибание остатков стекол. Чувствуешь себя первобытным варваром. Строения вокруг проселка рушились, осыпались, горели, но людей в них не было – ни одной живой души. Боеукладка в машине вскоре закончилась. Пока оператор занимался прокачкой второй ленты, чтобы продолжить стрельбу, я выбрался из башни. Канонада затихла, перестали свистеть пули и осколки, и можно оглядеться.

Вдоль проселочной дороги по арыку протекал поток мутной глинистой воды вперемешку с мусором. Вода – это жизнь. А плохая вода – плохая жизнь, и жизнь в округе соответствовала воде в сточной канаве. Отплеываясь от пыли и мошкары, я присел на глиняный край арыка. Сняв обувь и носки, я окунул ступни в эту жижу. Теплая киселеобразная жидкость освежила, но, разглядывая грязный поток, я содрогнулся от отвращения при мысли о зараженной гепатитом, тифом, дизентерией и холерой воде, которая протекает у меня под ногами. Вся эта нечисть только и мечтает, чтобы проникнуть в мой молодой здоровый организм.

А сколько заразы витает вокруг нас в воздухе! Бр-р-р! По-хорошему, взять бы территорию Афганистана да вымыть с хлоркой, чтоб обезвредить и обеззаразить. И боригенов хорошенько помыть не мешало бы в русской баньке, с парком и веничком. Правда, отмыв тело от грязи, они, возможно, сразу вымрут! С непривычки. Мы тоже постепенно привыкаем к местным условиям, но адаптируемся к антисанитарии плохо. Пьем воду из арыков, едим из грязных котелков немывыми ложками (в горах вода дороже золота) и часто по несколько недель не умываемся. Но вот что странно: я ни разу ничем не заболел! Мучаюсь только с гудящими от усталости ногами, ноющими коленями, да зубы крошатся от отсутствия фтора в воде и от твердокаменных сухарей. Правда, большинство наших бойцов не выдерживают. Медсанбаты и госпитали переполнены страдающими от инфекционных заболеваний.

Я плеснул водой на воображаемых микробов, стряхнул капли со ступней: «Кыш, проклятые!»

К моей БМП подошел озадаченный и хмурый Сбитнев, вернувшийся с совещания:

– Ник, хватит балдеть! Обувайся, сейчас твои ноги снова вспотеют! Задач нарежали, мать их! Слева от дороги кишлак – название не выговорить – прочесать! Одной нашей славной ротой! Справа будет действовать вторая, а развалины впереди штурмует третья. Минометчики и артиллеристы с Баграмки произведут огневой налет, потом авиация отбомбится, и ровно через полчаса начало движения.

– Охренели, что ли, начальники? Ротой – на большущий кишлак? – удивился я.

– Таких кишлаков тут вон сколько! Цепью тянутся на восемьдесят километров! Что-то разведбат на себя берет, что-то восемьдесят первый полк, что-то десантура, и многие сотни домов останутся непроверенными. Прочешем только окраину, вдоль дороги. Нам предстоит загнать банду Карима в кяризы и там дымами потравить. Будем забрасывать лабиринты дымовыми минами и гранатами, минировать выходы из колодцев и, если получится, подрывать.

– С кем идти прикажешь? Взводных – полный комплект, поэтому хочу с тобой вместе вползть в «зеленку». Не возражаешь? – спросил я.

– И какой будет наша задача дальше? – поинтересовался вклинившийся в разговор Острогин. – Что нам предстоит тут делать: осваивать виноградные плантации? Помочь дехканам собрать урожай?

– Сейчас не до шуток! Приказ: колодцы, которые мы обнаружим, травить. Пусть угорят к чертовой матери!

– Бедная чертова мама! Ей будет чрезвычайно тяжело унести мириады отравленных душ, – рассмеялся Острогин. – Доведите план действий, командир! Взвода работают вместе или поврозь? Куда идет мое войско из восьми человек?

– Выстраиваемся в линию и планомерно, не забегая вперед и не отставая, ползем по долине, сметая все на пути. С краю от дороги – первый взвод. Затем второй, дальше третий и ГПВ, – распорядился Сбитнев. – Я пойду с третьим взводом, замполит – с пулеметчиками. Мандресовов, после этой операции – раскрою секрет – уходит от нас, поэтому я пойду с ним. Оценю его работу.

Мы недоуменно переглянулись: куда?! Только прибыл! Опять теряем хорошего парня.

– Грабят! – возмутился я.

– Да, да! Уходит на повышение. На отдельный взвод. Будет вместо Арамова командовать гранатометчиками. Никто нас не грабит, – отмахнулся ротный.

– А Бохадыр куда? – удивился Острогин.

– Командир полка назначает Баху на место Габулова. Комбат приедет, согласуют с ним, и цепочка назначений двинется. Так что Мандресов как Юлий Цезарь: пришел, увидел, вырос! Карьерист!

– А почему не Острогин? – удивился я.

– Сержу светит должность ротного! Зачем ему взвод? А Мандресов новичок, еще нужно научиться действовать самостоятельно, для дальнейшей перспективы роста. Замполит, тебя же наш Муссолини расспрашивал о Мандресове вчера?

– Ну, спрашивал. Так, между делом интересовался, что за человек. Почему комсомолец, а не коммунист? Я сказал: хороший офицер, а что комсомолец – исправится, сделаем коммунистом. Долго ли при обоюдном желании и с хорошими товарищами. Если упаковку SiSi к тому же поставит и сверху коньяк!

– Поставишь? – посмотрел вопросительно Сбитнев.

– А надо ли? Может, я еще не созрел, сойду комсомольцем? – засмутился Мандресов.

– Тебе денег жалко или принципиальная позиция: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым?» – возмутился Сбитнев.

– Жалко! Тем более что я еще получку в глаза ни разу не видел.

– Увидишь! Ты, между прочим, и в коллектив не влился! После возвращения берешь чеки, вливаешься, а на следующий день – отвальная! Сдашь дела тому, кто тебя сменил, и шагай по ступеням карьерного роста. АГС – это кузница кадров нашего батальона. Оттуда двое роту получали и заместителями начальника штаба становились, и это только на моей памяти, – сказал Сбитнев.

– Он так вскоре нами командовать вернется! – усмехнулся Ветишин. – Санька, дай, пока можно, тебя в бок двину. Когда станешь большим начальником, не получится! – Сережка, смеясь, хлопнул Мандресова кулаком, и офицеры принялись весело мять бока Александру, радуясь возможности подурачиться перед боем. Мы заметно нервничали перед вхождением в «зеленку», таящую постоянную угрозу.

«Зеленка» не подавала признаков жизни. Она была похожа на матерого аллигатора, затаившегося в болотной тине, ожидающего неосторожную, зазевавшуюся антилопу или газель, чтобы схватить за горло и утащить на дно. Такой антилопой сегодня могли оказаться мы.

Тишина становилась гнетущей. Казалось, вот она, рядом, мирная жизнь: по шоссе торопливо снуют автомобили, стараясь быстрее проскочить в город, женщины спешат с многочисленными детьми по своим делам, птицы щебечут в листве деревьев, солнышко светит. Идиллия! Но спокойствие было обманчивым. Ведь барбухайки несутся так быстро, чтобы проскочить до начала стрельбы, а мирное население не просто торопится по своим делам, а спешит подальше уйти от опасной зоны. Скоро и беспечные птицы перестанут...

Действительно, все вокруг резко переменилось после первого же артиллерийского выстрела. И тут и там снаряды сплющили, словно гигантским молотом, нехитрые постройки, превратившиеся в пыль, вырвали с корнями вековые деревья, завалили метровой толщины дувалы. Ну, с богом! Удачи нам...

«Духи», как оказалось, не ушли и не спрятались. Стоило сделать несколько шагов по враждебной территории, как мы попали под шквальный огонь мятежников. Конечно, то, что техника двигалась не одной колонной, а была развернута в линию, помогло прорваться вглубь. Пушки и пулеметы стреляли непрерывно, пока не кончились боеприпасы в боеукладках. Стволы, перегреваясь, шипели. Вот и ближайшая цель – большой высокий дом за широкими стенами, посреди густых зарослей виноградника. Лоза трещала, извивалась и наматывалась на гусеницы, мешая продвижению техники.

– Эй, сапер Курбатов, проверь вход! – приказал солдату Сбитнев.

Этот парнишка мне был знаком еще по прошлому году, когда Острогина окружили «духи». Он и другой сапер, Аристархов, не бросили нашего взводного. Так втроем и отстреливались в течение двух часов от наседавших «духов». Аристархову повезло, и он уже уехал домой живой-здоровый, а Курбатову, бедолаге, еще служить и служить...

– Курбатов, ты аккуратнее ходи. Не пропусти растяжку! Ноги береги! – похлопал я его по плечу.

Солдат нервно улыбнулся в ответ на мою заботу, махнул рукой и принялся осторожно проверять шупом тропу и подступы к воротам. Те оказались незакрытыми. Да и зачем? Запертые либо ломаем, либо подорвем, а древесина ой как дорога в этой стране!

Второй взвод начал внимательно осматривать строения, а мы с Бодуновым переместились к следующей хибаре. Стены тут были ниже, тоньше, сам же домик совсем обветшал, и только виноградник был еще гуще, чем везде.

– Бодунов, выбирай позиции пулеметам, а я в окрестностях пошарю, – сказал я прапорщику. – Возьму с собой сапера, пулеметчиков, наберу дымовушек и поищу кяризы в зарослях. Нужно заранее обезопасить себя, а то скоро «духи», как тараканы, ползут оттуда на волю!

– Смотри на засаду не нарвись. Далеко не отходи! Если что, кричи о помощи! Услышу – прибегу, не услышу – не обессудь! Я тебя не посылал! – заржал прапорщик.

– Ты тоже кричи, не услышу – не помогу, а услышу – тоже не прибегу. Вас много, нас мало. Если уж тебе станет худо, то и от нашей помощи толку не будет, – рассмеялся я в ответ. – Обживайся, готовь обед, постреливай из «Утеса», но не перепутай меня с врагами!

– Не перепутаю! Сегодня у тебя физиономия без бороды, не ошибусь! Да и как же можно в Героя стрелять! Нельзя, пока живи!

В окрестностях за дувалом я обнаружил два колодца, а Зибоев отыскал еще один, прикрытый досками и засыпанный соломой. Десять дымовых мин улетели в глубокие жерла, туда же отправились осколочные гранаты, гулко громыхнувшие на глубине. Чтобы дым впустую не поднялся наверх, а задержался внутри и пошел бы гулять по горизонтальным ходам, мы закидали выходы ветками и какими-то лохмотьями. Еще один дымовой столб клубился из глубины двора. Это Игорь шалил, обнаружив очередной потайной лаз.

– Товарищ лейтенант, в кяризе какое-то странное шебуршение! Послушайте! – окликнул меня из зарослей Лебедков.

– Сержант, может быть, вода течет, это ведь своеобразная система водоснабжения. Но могут и «духи» перебежать к нам в тыл. Чего прислушиваться! Тащи две дымовые гранаты и РГО! Сначала гранату кинь, а потом дымы, – распорядился я. Не дожидаясь, пока он их принесет, и не заглядывая внутрь, я бросил во чрево колодца эфку. Граната, ударяясь о стенки, полетела вниз. Раздалось несколько шлепков по глине, а затем гулкий взрыв.

Лебедков повторил бросок, но более аккуратно. РГО взрывается сразу при ударе, поэтому сержант выпустил гранату из ладони точно над центром жерла кяриза. Мы отскочили за стену. Бух-бух! Гулко охнуло подземелье, и следом за эхом вверх взметнулись на излете осколки. Если их выбросило даже сюда, то и «духам» досталось. Не хочется смотреть вниз: есть шанс получить оттуда в лицо очередь. Я вообще не люблю разглядывать, что там, в глубине кяриза. Сооружения, конечно, занятно сделаны и строились многие века. В мирное время в иной ситуации я бы их исследовал, но только не сейчас.

Юрка проколот дырки в дымовой mine, вставил запал, дернул за шнур дымовую гранату и швырнул вниз. Через пару минут клубы черного и белого дымов поднялись до уровня края колодца, который напоминал проснувшийся вулкан.

– Юрик! Возьмите доски, вон ту рогожу и прикройте выход! А то мы задохнемся от этой дряни! – заорал на сержанта спустившийся с крыши Бодунов.

– Нам вонь мешает, а представляешь, какой кайф ловят в штольнях «духи»! – засмеялся я, похлопав по плечу прапорщика. – Даже вошки и блохи на них подохнут! Вместе с хозяевами! Игорек, все, что есть, дымовые гранаты – в подвал и в колодцы, может, вытравим их, как крыс. Оставим без воздуха. И над выходом растяжки надо поставить, а то ночью какая-нибудь сволочь полуживая вылезет и нас порежет.

Не торопясь, мы опять осмотрели окрестности. Добавили новых подарков для обитателей подземелья, да так много, что от стелящихся по виноградникам дымов и самим дышать стало нечем...

Четвертый день войска топтали поля и виноградники. С восхода до заката танки и БМП утюжили местность, превращая ее в лунный ландшафт.

Солдаты пилили и рубили яблони, груши, айву, орешник. Деревья в два обхвата подрывали пластидом, чтобы долго не мучиться. Подошедший на подмогу тягач заваливал массивные заборы-дувалы. Постепенно мы отвоевывали жизненное пространство для построения социализма в средневековом обществе. Дорога стала хорошо просматриваться через оставшийся реденький кустарник. Но работы еще оставалось непочатый край. Лоза цеплялась за гусеницы, наматывалась вокруг катков, скручивалась в длинный шлейф и тянулась толстыми кишками позади машин.

Бодунов и я по очереди садились на башню и командовали механиком, который укатывал кустарник. Пыль, гарь, мошकारа забивались в глаза и рот через накиннутый на лицо капю-

шон маскхалата. Природа сопротивлялась и боролась за свое существование, словно живой организм. Крупные грозди винограда с хлопанием разлетались в разные стороны, скрип лозы напоминал стоны. Жалко, но что делать. Отсюда «духи» ежедневно сеют смерть. Тут их неприступная крепость, убежище, дом родной.

Время от времени то под гусеницами танка, то под моей БМП раздавались громкие хлопки, и я инстинктивно вжимался в броню. Это взрывались противопехотные мины и гранаты на растяжках, не причиняя, к счастью, вреда. Главное – не наскочить на противотанковую мину. Но что ей делать в поле? Ее место на автомобильной дороге. Фугасы обычно закапывают вблизи асфальта. А тут только растяжки, нацеленные для уничтожения пехоты.

Солдаты день и ночь мучились больными животами. Причина простая: виноград на завтрак, на обед и на ужин. Да и ночью, стоя на посту, что можно пожевать от скуки? И грязными руками отправляли в рот пыльные немые плоды. А где их мыть? В мутном арыке? Там сплошь тиф и гепатит.

Народ обнаглел и заелся до такой степени, что отбирал лишь самые крупные и сочные виноградины, а остальные выбрасывал. Зеленая масса хлюпала под ногами. Кроссовки покрылись сладкой оболочкой, превратившись в приманку для пчел и ос. Бойцы порой даже руки мыли виноградом.

Нам – раздолье, а местным дехканам – горе и слезы. Урожай винограда, конопли и опиумного мака – единственные средства к существованию. На время сбора урожая «духи» даже прекращают вести боевые действия и провоцировать наши войска. Старейшины спешат многочисленными делегациями к командованию, умоляя не стрелять, не проводить крупномасштабные операции. Наступает негласное перемирие. На этот раз мы пришли раньше сбора урожая, и убирать после нас, скорее всего, будет нечего...

В «ЗЕЛЕНКЕ» ТАНКИ ГРОХОТАЛИ, ТАНКИСТЫ ШЛИ В ПОСЛЕДНИЙ БОЙ...

Полковая колонна застряла в узких улочках маленького кишлака. Знакомый кишлак, знакомый поворот налево – испытание судьбы в третий раз. А еще говорят, нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Но я в третий раз стою возле порога в зеленый ад. Задницей чувствую: будет жарковато. Головной танк опустил трал и медленно пополз вперед. И сразу взрывы! Один, другой, третий... Танк, шедший вторым, повернул пушку чуть влево и выстрелил. От точного попадания завалилась стена дувала. В ответ прилетела граната из РПГ. Второй выстрел из пушки – и гранатометчик затих. Но, как говорится, еще не вечер, а лишь хмурое осеннее утро...

В этот раз мы вышли из Кабула поздней ночью. Немного постояли возле полевого лагеря дивизии и в темноте выдвинулись на исходную позицию. И теперь второй час не можем сдвинуться с места. Земля усеяна минами, фугасами примерно через каждые десять метров. Я сидел на башне, примостившись на стволе пушки. Комбат, высунувшись из люка, кричал на командиров рот, злился и хмуро посматривал на меня, как будто я ему мешал. Чувствуя себя неудобно под его колючим взглядом, я прыгнул вниз, подошел к капитану Чухвастову и сказал:

– Вася, если Иваныч меня спросит, скажи, что я по ротам пошел.

Тот кивнул головой, не отрываясь от составления донесений, а я отправился к своим. Вот она, моя бывшая рота. Сбитнев хмуро поздоровался и отвернулся – я ведь теперь для него начальство! Жаль, что стал здесь посторонним. Перекинувшись парой ничего не значащих фраз с Ветишиным, я вернулся обратно. В это время разведчики пошли вперед пробивать брешь в «духовской» обороне. Через пять минут они скрылись в тумане, и там завязался бой.

Комбат вызывал Пыжа, но его радиостанция почему-то молчала. В нашем тылу начали рваться мины. Танки вновь двинулись вперед. В голове мелькнула глупая и шальная мысль. Поддавшись ей, я трижды поплевал через плечо, поцеловал на счастье свой личный номерок и, пригнувшись, побежал по арыку под прикрытием брони. Справа высокий дувал, слева танк. Наверняка должно получиться – доберусь до разведзвода – если на мину не наступлю. В танк вновь попали из гранатомета, а по мне ударили из кустов автоматчики. Ага! Промажнулись! Я плюхнулся мордой в жижу на дне неглубокой канавы, а когда выполз из скользкой, липкой грязи, то сразу же расстрелял два магазина по кустарнику. Танк по-прежнему стал рядом и тоже несколько раз выстрелил. Я вновь спрятался в арыке и перезарядил магазины. Нельзя в «зеленке» бегать лишь с двумя полными рожками патронов. Хватит только на пару минут боя. Осторожно высунувшись, я начал стрелять прицельно короткими очередями по вспышкам из виноградника. Танкисты бабахнули по зарослям еще несколько раз, а потом открылась крышка командирского люка, и из танка высунулся капитан Светлооков.

– Никифор! Привет! Что, в первом батальоне воевать больше некому, кроме замкомбата? Или ты заблудился? – ехидно поинтересовался мой вчерашний собутыльник.

– Выходит так! – рассмеялся я его колкой шутке. – А у танкистов обязательно начальник штаба впереди?

– Ну не впереди, а вторым иду, за взводным.

– И я не один, там разведзвод в тумане. Ползу к ним.

– Может, подвезти? – предложил Гена.

– Нет, спасибо, я пешком. Танкистом я был в прошлом. Хватит! Слишком много в тебя гранат летит!

– Как хочешь, – ответил Гена и начал управлять огнем обеих машин и палить в кусты из короткоствольного автомата.

Передний Т-62 мужественно принимал на себя удары. Ящики, покрышки, резина фальшбортов от прямых попаданий гранатометчиков отлетали в разные стороны. Ужас! Я взглянул на Светлоокова – в этот момент он странно дернулся, обмяк и бессильно повис на открытом люке.

– Генка! – крикнул я в отчаянии, но ответа не последовало.

Приподнялся над краем дороги и увидел пулевые отверстия в его груди. Чуть ниже шлемофона стекала тонкая струйка крови по лицу на броню. Вскоре экипаж затянул тело внутрь машины, и танк начал медленно сдавать назад. Оставшись на дороге в одиночестве, я пополз на четвереньках к разведке. Лишь бы они были живы, а то попаду в лапы к «духам»! Живы! Впереди кто-то стрелял из пулемета! В старой воронке от авиабомбы лежал Гостенков и молотил из ПК по развалинам. Молодец, землячок! Второй пулеметчик палил сквозь пролом в заросшее сорняками поле. В кустарнике сидели три бойца и сержант, заряжавшие ленты и магазины.

– Эй вы, разведка! Почему связь молчит? – завопил я на них.

– Связист убит! Еще двое ранены! Вон они в траве лежат, – сказал Шлыков с горечью.

В высокой полыни лежали окровавленные, перебинтованные тела. Двое стонали, третий молчал.

– Где Пыж? – продолжал я расспрашивать сержанта.

– Пыж с Тарчуком и Вакулой немного дальше, там впереди, сбоку от танка. – Сержант показал рукой место, где прятались невидимые мне остальные разведчики.

– Больше никого? – спросил я.

– Это весь взвод. На броне еще пятеро, но они отстали. Танк им мешают. Он ползет почему-то назад. И чего он уезжает? – удивился сержант.

– Танкист, начальник штаба, ранен. Надеюсь, что только ранен, – тяжело вздохнув, пояснил я.

Черт бы побрал этих полководцев! Опять идем одной колонной. Техника растянута в цепочку, машины мешают друг другу, а «духи» отовсюду расстреливают батальон. Неужели нельзя развернуть броню в линию и смести к чертовой бабушке эти хибары? Который раз на одни и те же грабли наступаем?! Меняются командармы и комдивы, сохраняется только бесполовая тактика. Каждые полгода пробиваемся к заставам у канала, раз за разом теряем людей и технику. Зачем тут посты? Какой к черту контроль над территорией? Блеф! Они и себя-то толком оборонять не в состоянии без помощи авиации и артиллерии. «Духи» ходят под самым боком, а наши и носа высунуть не могут: их там по двадцать-двадцать пять штыков. Сила? Смешно!

Если хотим взять власть в свои руки, то танки и БМП – в цепь и крушить все по пути. Сровнять с землей осиное гнездо. Жечь, взрывать, вырубать, расчищать, подрывать, разрушать. А если нет, то незачем сюда было и приходить! Вывести ребят – и делу конец. Мои размышления прервал раздавшийся совсем рядом противный визг и следом разрыв мины. Сейчас накроют!

– Эй вы, прячьтесь! – приказал я молодым солдатам. – Обороняйтесь и охраняйте раненых! Остальные вперед, к Пыжу!

Бойцы нехотя поползли вдоль канавы.

– Что делать с рацией? – спросил связист.

– Дай послушаю, – ответил я, надевая наушники.

Комбат в ярости рвал и метал. Взвод уже час как исчез из эфира. Молчал, будто полностью погиб.

– Я «Ударник-300», прием! – отозвался я в микрофон своим позывным.

– «Ударник-300», не встречай! Чего тебе надо?

– Я нахожусь с «Габоем». – Это был позывной Пыжа.

– Какого хрена? Как там очутился? Где вы находитесь?

– Ногами пришел! Так получилось!

– И что там происходит? Доложи обстановку. Почему они молчали? – продолжал распалываться комбат.

– «Карандаш» – связист ноль двадцать первый и еще пара двухсотых, – это означало, что солдат-связист убит и еще пара солдат ранены. – Дела плохи. Старший группы впереди. Ползу к нему, – доложил я.

– Пробирайся быстрее, и пусть он со мной поговорит. Я ему устрою игру в молчанку! – рывкнул Василий Иванович.

Я полз, извиваясь в густой траве и чихая от проникающей в нос пылицы полыни, на звуки выстрелов, а за мной – разведчики.

Пыж нашелся быстро. Он отстреливался из неглубокой ямки от наседавших мятежников рядом с подбитым танком. Рядом лежал снайпер, улыбающийся рваными губами. Эти раны обезобразили лицо солдата еще год назад, но он по-прежнему был переполнен жадой мести и страшен в своем воинственном бешенстве.

– Тарчук, много «духов» уложил? – поинтересовался я.

– Четыре – точно покойники, один, кажется, ранен, – отозвался снайпер.

– Неплохо, спецназ! Даже если ты и бывший, все равно спецназ! – усмехнулся я. – Коля, ответь Подорожнику, он тебя готов убить. Связи не было около часа.

– ... твою мать! Не может быть! – удивился взводный.

– Связиста убили, а остальные бойцы не отвечали. Ты почему к ним обратно не вернулся? – спросил я взводного.

– Бросить танкистов? Им давно была бы крышка. Я устал толпы «духов» от них отгонять.

– Бери рацию и объясняйся, – и я пополз мимо снайпера к узкому перекрестку.

– Гостенков, не отставай от замполита! – приказал Пыж солдату и взялся за микрофон.

Я присел на корточки, чтобы, пригибаясь на полусогнутых ногах, проскочить открытое пространство, и сразу попал под перекрестный огонь. Стреляли четверо «духов», выбежавших в этот момент из больших ворот огромного глиняного дома. Они хотели подкрасться к нам с правой стороны, но мое появление спутало их планы. Очередь навскидку в центр группы. Один упал. Но и мой автомат перестал стрелять. Дьявол! Патронов в магазине оставалось штук пять! Я упал на спину и перекатился в другой арык. Там, где кончалась канава, лежали «духи», и я был у них как на ладони. Пустой магазин отброшен в сторону, другой я тотчас достал из лифчика. Нет, не успеть перезарядить! В эту секунду у противоположной стены присел на колени выбежавший Гостенков и выстрелил по бородачам. Бах-бах! И его пулемет смолк. В пулеметной ленте оставалось лишь два-три патрона. Гостенков во весь свой огромный рост плашмя шлепнулся в глубокую лужу. Следом из кустов выпрыгнул Фикса, но и у него патроны кончились. Фикса сходу шлепнулся между нами. «Духи» очередями из автоматов прижимали нас к холодной земле. Третий бородач торопливо перезаряжал гранатомет.

Тр-р-р-р! Выскочивший из кустов Лямин длинной пулеметной очередью скошил гранатометчика и загнал остальных за ворота. Афганцы затащили трупы во двор и закрыли створки. Своих не оставили. Молодцы! Сволочи, но молодцы! За стеной раздался треск сучьев. Я швырнул эфку через высокий дувал. Бу-бух!!! Вторую надо бы оставить себе напоследок, но в такой мясорубке меня найдет и «духовская» пуля. Бросок – и другая граната гулко хлопнула, послышались истошные вопли. Не только мы несем потери. Это радует. Разведчики, словно затравленные охотниками волки, огрызались огнем во все стороны, будто серые хищники щелкали клыками. Мои патроны давно закончились, и боец через тропу бросал мне магазины, расстреляв, я возвратил их обратно пустыми.

– Товарищ старший лейтенант! Патроны в мешке кончились. Это последний магазин, – предупредил Гостенков, швыряя очередной полный рожок.

– Спасибо за информацию, – ответил я, досадуя.

Пыж перебежал через дорогу и упал рядом со мной. За ним последовали остальные солдаты. У Вакулы в мешке был запечатанный цинк патронов, но другого калибра. Для АКМа. Шлыков вскрыл металлическую коробку и принялся набивать магазины. Жаль, но к моему автомату они не подходили. Тогда бойцы выделили мне вместо патронов три гранаты. Разведчики повели огонь короткими очередями. За пятнадцать минут треть запаса улетела в сторону душманов.

На наше счастье, танки вновь двинулись вперед, а за ними пошла броня разведчиков. Огнем из нескольких автоматических пушек большинство очагов сопротивления подавили. Видя, что перевес на нашей стороне, банда снялась с позиций. Головной танк, поддержанный пехотой, пошел вперед гораздо быстрее. Поползли сбоку и мы. Вот он, долгожданный поворот к заставе! Сто метров до цели. Башня танка на моих глазах приняла на себя еще один выстрел из гранатомета. Вдобавок ко всем бедам под траками взорвалась очередная мина. Спустя секунды рядом с гусеницей разорвалась еще мина, выпущенная из миномета. Затем я увидел происходящее как в замедленной съемке: осколок на излете воткнулся в голову механика, и поток крови залил ему лицо. Солдат несколько секунд сидел неподвижно, а затем завалился назад. Машина заглохла. Второй танк объехал неподвижный Т-62 и, стреляя без остановок, двинулся к посту. Остальная колонна последовала за ним. Подбежавшие медики под огнем «духов» вытянули механика из танка и затащили к нам в арык. Сероиван грустно посмотрел сначала на меня, потом на Пыжа, немного помедлил и произнес:

– Готов! Отмучился. Когда вытаскивали, он еще хрипел, теперь не дышит.

Шальной осколок влетел в приоткрытый люк и нашел свою цель. Очередная жертва войны.

– Почему люк-то был не закрыт? – размышлял вслух медик.

– Да потому, что иначе механика от взрывов мин и фугасов под днищем танка, расплющит о закрытую крышку люка. Хотя и так смерть, и эдак, получается, тоже погибель, – вздохнув, пояснил Пыж.

Разведчики побежали дальше, а с ними и я. Вот и долгожданный пост. Солдаты с заставы стреляли за канал, не жалея патронов, обеспечивая нам прорыв. Но «духи» не собирались окончательно уходить, не сделав какую-нибудь пакость на прощание. Они продолжали обстрел из миномета, безоткатки, гранатометов. Но все в конце концов когда-нибудь заканчивается. Бой стих...

Я положил автомат на борт БМП, снял нагрудник и принялся чистить маскхалат от засохшей грязи и налипших колючек. Разведчики заряжали магазины, набирая горстями патроны из цинков, и наполняли опустевшие мешки россыпью. Им предстояло вновь идти вперед, к следующей заставе. Солдаты работали быстро, дело спорилось, но лица у них были хмурые и испуганные. Так бывает всегда, когда начинаются потери. А как иначе? Вчера вместе ели, вместе курили, шутили. А сегодня одного в морг, двоих в госпиталь. И кто будет следующий – неизвестно!

Пыж громко матерился, поторапливая бойцов.

– Начало движения запланировано через полчаса. Мартын, Фикса, Молдован, Шлыков, идете первыми. Гостенков, берешь радиостанцию, теперь ты основной связист, идешь рядом со мной! – распорядился взводный. – Тарчук, Лямин и Вакула в замыкании. – Солдаты, не прерывая работы, слушали и молча кивали головами.

– Замполит, с нами дальше пойдешь или как? – спросил Пыж.

– А я тебе нужен? – усмехнулся я.

– Лишний ствол никогда не помешает. Никифор Никифорыч, если можешь и хочешь, составь компанию! – предложил Николай.

– Сейчас встречусь с комбатом, узнаю его мнение. Сдается, что он будет нами сегодня крайне недоволен, – кивнул я в сторону Василия Ивановича, который с грозным видом надвигался на нас от командирской машины.

Так и получилось. Встреча началась с громкого мата.

– Пыж! Какого х... ты так долго не выходил на связь? Почему станция молчала? Почему Ростовцев за тебя работал?

– Связиста убили, а я был далеко впереди. Лежал под шквальным огнем, – пробормотал, слегка заикаясь, взводный.

– Я не спрашиваю, под кем ты лежал и сухие ли у тебя штаны! Все мы были под обстрелом, а не на пляже! Не надо выпячивать свое геройство. Меня интересует: почему не было связи?

– Солдаты растерялись. Рядом со станцией находились молодые ребята, только из учебки. Перепугались, балбесы, – объяснил Николай.

– Я не спрашиваю почему! Я требую ответа, отчего не была организована устойчивая связь! – рявкнул комбат. – Я хочу знать, почему на меня орут по очереди Филатов, комдив, командарм, а я не знаю обстановку, не могу доложить! Почему?

– Товарищ майор, я это и пытаюсь вам объяснить! Была такая ужасная бойня! Пекло! У замполита спросите! – оправдывался разведчик.

– Не у замполита, а у старшего лейтенанта Ростовцева! Иногда разрешаю обращаться по имени и отчеству! – оборвал взводного Чапай. – Пора научиться соблюдать дистанцию и субординацию.

– Виноват. Спросите у старшего лейтенанта Ростовцева!

– И спрошу! Ростовцев, за мной! – прорычал Василий Иванович и потянул меня за руку в сторону заставы. Мы отошли к капониру с пулеметной установкой и присели на поваленное дерево.

– Объясни, какого хрена ты оказался с разведвзводом? – понизив голос, спросил комбат, глядя на меня с нескрываемым удивлением и интересом.

Он достал сигарету, спички, но, сломав подрагивающими руками одну за другой три штуки подряд, бросил бестолковое занятие. Иваныч вынул из кармана зажигалку и жадно прикурил. Он глубоко затянулся, закашлялся, а затем привалился спиной к стене, пытаясь расслабиться и успокоиться.

– Рассказывай! Почему ты шатался по кишлаку с Пыжом?

– Так получилось! Постоял с управлением, побывал в первой роте, слышу: впереди стрельба. Я ведь и за разведвзвод теперь отвечаю. Связи с ним нет, вот и пробрался к разведчикам. Само собой получилось. Подошел к танку, а танк поехал. Я, прикрываясь броней, пошел рядом. Танк стрелял, я стрелял. Танк полз, и я полз. Смотрю – а вот уже и разведка. Связь восстановил и наладил управление, – пересказал я вкратце события прошедшего боя.

Комбат выпустил изо рта клубы дыма и прикрыл глаза. Казалось, он заснул. Сигарета тлела, столбик пепла увеличивался, Чапай молчал, будто задремал. Умолк и я.

– Ну чего затих, продолжай! – произнес он, не открывая глаз.

– А чего рассказывать... Стрельба, разрывы, обстрел со всех сторон. Бородатых – толпы, как тараканов ночью в солдатской столовой. Не счесть! Ужас! Еле отбились! Светлоокова зацепило насмерть или живой? На моих глазах его ранили.

– Когда повезли в медсанбат, еще дышал. А что будет дальше – неизвестно, – ответил Подорожник. Он стряхнул пепел в траву, затушил о стену окурков и задумчиво посмотрел в сторону афганского кишлака.

– Товарищ майор, мне с кем дальше идти? Разрешите с разведчиками? – спросил я осторожно.

Подорожник прервал свои размышления и удивленно посмотрел на меня:

– Ты это серьезно? Не шутишь? Никифор, тебя назначили на должность замкомбата, а ты хочешь быть замполитом разведвзвода!

– Ну почему же? В отдельных взводах надо работать? Вот я в них и работаю.

– Хорошо, тогда иди работай с обозом! Взвод обеспечения – самая большая клоака батальона. Три прапорщика командуют, еще зам по тылу Головской, а толку никакого, – хмуро произнес Подорожник.

Я замолчал, а комбат продолжил отчитывать меня:

– Ты мне свои анархистские штучки брось! Чтобы я в последний раз видел тебя в драном маскхалате, бегающего по кустам.

– Понятно. Переоденусь в новый...

– Опять двадцать пять! Издеваешься? Кстати, знаешь, что майора Степушкина ранило?

– Нет, не знаю. Как это случилось? Сильно зацепило? Опять мы без начальника штаба?

– Левое бедро осколком расплосовано. Я в люке сидел, командирском, а он за башней с радиостанцией примостился. Докладывал в дивизию обстановку и вдруг как заорет! Метрах в пятнадцати мина взорвалась, осколок отлетел, и мышцы, будто бритвой распорол. Ранило на броне только его одного. Тебе лично приказываю – надеть бронежилет, хватит строить из себя бессмертного!

– Товарищ майор! Проанализируйте, кого и куда сегодня ранило? Двоих бойцов в голову, разведчика в шею, Степушкина в бедро. Какой толк от бронежилета? Только бегать мешает. Башку чем защитить?

– Каску надень! – рявкнул Подорожник и демонстративно нахлобучил на себя обшитую масксетью каску. Как будто для примера.

– А Светлоокову в лоб попала пуля, – продолжал я отговариваться.

– Приделай к ней забрало или стальной козырек. Что хочешь делай, но ходи в каске и бронице. Будь образцом для других! Прекрати пререкаться!

– А ноги? Степушкину ногу распорол.

– Можешь и на ноги, и на яйца защиту прицепить, но приказываю воевать как положено! Выполнять требования командования! С тебя теперь пример должны брать, воспитатель батальона! А пока что ты – только непутевый образчик дурных привычек.

Я молча сопел и кивал, но выполнять дурацкие требования, конечно, не собирался. Хорошо, что в полусапожках пошел в рейд, не то за рваные кроссовки досталось бы еще больше.

– Так что, можно идти с Пыжом? – продолжал я осторожно гнуть свою линию.

– Черт! Я ему про Фому, а он мне про Ерему! Ступай хоть с самим чертом! Ладно, дойдем до следующей заставы и назад. Управление будет тут находиться. Должен же у меня быть хоть какой-то заместитель? Пусть и непутевый. НШ ранен, зам по технике в рембате застрял, зам по тылу в батальоне обеспечения что-то достает! А зам по строевой в полку бумажки партийной документации заполняет! Заменщика, видите ли, Лонгинов, ждет. Деятели! Одни деловые! А воевать кому? Мне?

– Я что, в штаб дивизии отпрашиваюсь уехать? – огрызнулся я. – Вперед иду, под пули!

– Вот я и говорю: бегом, туда и обратно! Хватит заниматься с пятью бойцами! Комиссар! В нашем батальоне пятьсот человек! Не забывай!

– Понял, товарищ майор! Буду работать со всеми. В следующий раз пойду со второй ротой.

– Вот-вот! Арамов только назначен, и Шкурдюк после болезни. Правильно, им и помогай. И перестань повторять «товарищ майор, товарищ майор»! Ты мой первый помощник! В неофициальной обстановке можно Василий Иванович. Да и вообще, я уже неделю как подполковник. Только еще не объявили полку об этом и погоны не вручили.

– Поздравляю, товарищ подполковник, – улыбнулся я и пожал руку комбату.

– Тьфу-тьфу! Я о чем говорил только что? В неофициальной обстановке – по имени-отчеству!

– Виноват, товарищ майор. То есть подполковник. Тьфу, Василий Иванович, – сплюнул я на землю от досады за свою неловкость в общении с комбатом. Всего месяц назад он меня топтал и постоянно дрючил. А полгода назад буквально изничтожал и по стенке размазывал. Теперь же – Василий Иванович! Чудно и непривычно. Если наш Василий Иванович – Чапай, то я что – Фурманов? Хорошо нет большой реки, а то пришлось бы книгу писать...

– Ну вот, вдобавок плюнул на меня, – усмехнулся Подорожник на мое произвольное «тьфу».

– Да не на вас, а в сторону. Это я от неловкости ситуации. Не привык к сокращению дистанции между нами и изменению своего статуса.

– Вот-вот! Быстрее привыкай. Надоело мне за всех работать, – нравоучительным тоном произнес комбат. Он встал и побрел, сильно сутулясь в сторону заставы. Дед! Как есть старый дед...

Сил у «духов» на дальнейшее сопротивление не хватило. Да и зачем драться до победы? Работала обычная их тактика: укусил – убежал. Укусить на этот раз удалось многих! Трое убитых, четверо раненых. Но они и сами, пожалуй, с десятков боевых штыков лишились.

До второй заставы мы прошли без проблем. Лишь у третьего поста из-за канала несколько раз выстрелил миномет и быстро замолчал, задавленный огнем наших орудий. Армейская и дивизионная артиллерия вновь яростно обрушилась своей мощью на кишлаки за большим каналом. Авиация несла смерть с воздуха несколькими волнами: вертолеты, штурмовики, бомбардировщики наших и дружественных нам афганских ВВС.

Не хотел бы я оказаться на месте бородатых, под бомбами!..

Три миномета били очередями по населенному пункту, расчищая дорогу пехоте. Хорошая штука этот «Василек»! Кассету мин выплевывает за несколько секунд, знай себе их меняй – перезаряжай. (Главное – по своим не лупануть!) Разрывы кучно ложились вблизи дороги, скашивая и вырубая виноградники. Земля и зелень поднимались в воздух, а там перемешивались и осыпались, стелясь ровным серым ковром.

«Духи» предпочли уклоняться от открытого боя. Возможно, что по разработанному плану они собрались в один мощный кулак и оказывали сопротивление лишь в первый день.

Рота вошла в «зеленку» двумя колоннами, выставила посты. Мимо нас, проревев моторами бронемашин, ушли к далекой заставе разведрота и танкисты. За ними поехали грузовики с продуктами, боеприпасами, а также молодыми солдатами. Эти юнцы отправились менять увольняемых в запас дембелей. Бедным парням предстояло просидеть два года безвылазно в зеленом аду, в окружении врагов. Если, конечно, не ранят или не подхватят какую-нибудь гнусную инфекцию. Госпиталь – единственное разнообразие в армейской жизни. Впереди у них два года «строгого режима». Бедолаги...

ИМИТАЦИЯ ВЫВОДА ВОЙСК

Ранним утром комбат включил греться электрический чайник, побрился, подстриг у зеркала торчащие усы, сделал зарядку. Эти действия сопровождалось украинскими народными песнями в его исполнении. Ох, достал, любитель самодеятельности! Шесть утра, и так хочется выспаться после рейда, а он о «калине», «вишне», «дивчине». Утомил своим песнопением, половой гигант...

– Комиссар, вставай! Чай готов! Утро восхитительное, воздух упоительный! Жизнь чудесна! Зарядку сделай, что ли! Я с утречка пробежку совершил после ночных физических упражнений. Подъем – и марш на кросс! Радуйся окружающему миру!

– Товарищ подполковник! Спать хочу, сил нет! – взмолился я, прося пощады.

– Ну, хорошо, просто вставай и пей чай. Составишь мне компанию, лентяй! – сжалился комбат.

Делать нечего, придется подниматься, определенно не отвяжется, черт усатый! Прощай сладкий сон.

– Никифор, в принципе я даже рад, что тебя назначили моим заместителем, – внезапно и без повода произнес Подорожник, разгрызая карамельку и прихлебывая чай из стакана. – Среди моих предыдущих убогих замполитов ты самый боевой. Одни сачки попадались, в рейд не выгонишь! Подумать только! Четвертого замполита за год получаю. Меняют вашего брата часто. Ты надолго?

– Надеюсь, до замены. Если не снимут с должности. Убить – не убьют, не дождетесь! Мне девяносто семь лет жизни предназначено, – вздохнул я.

– Ого! Однако срок ты себе отхватил. А почему не сто?

– Все задают этот вопрос. Даже я переспрашивал. Гадалка сказала, что в круглую цифру веры мало. Девяносто семь лет – срок более убедительный. В самый раз.

– Ну что ж, молодец, живи. Ты меня в «зеленке» удивил. Зачем-то полез в самое пекло. Не геройствуй! Все делать по моему разрешению! Не хочу менять тебя на пятого зама! Решил я сегодня собственноручно написать наградной, представить тебя за Баграмку к ордену Красной Звезды. Молодец! Растешь в моих глазах!

– Может, не надо? Разговоры пойдут нехорошие. Героя из меня делают, один орден уже есть, теперь второй хотите дать? – усмехнулся я.

– Плевать на мнения штабных! Пусть вначале влезут с разведкой в кишлак, побегают под шрапнелью, а потом шепчутся за спиной. Пройди по ротам, поторопи с наградными на сержантов, солдат. Да и командиры пусть себя не обделяют. Железа не жалеть! Ну, давай одевайся и шагай управлять батальоном. Я пока посплю. Не забудь разбудить к совещанию! А то с Наташкой умаялся, могу проспать...

Офицеры полка сидели в клубе, травили анекдоты и ожидали нашего Героя. В помещение ворвался подполковник Ошуев. Он недавно вернулся с окружной комсомольской конференции из Ташкента и был заметно посвежевшим. Султан Рустамович пребывал там в роли свадебного генерала, почетным делегатом. Мужик неплохо, видимо, развеялся. Погулял, отдохнул, получил погоны подполковника лично из рук главкома Ставки Южного направления, и теперь он с новыми силами и страстью взялся за полк. Народ аж взвыл. Мы так надеялись, что он не вернется из Союза, пойдет на повышение. Не вышло. Жаль...

– Товарищи офицеры, – махнул рукой начальник штаба, давая разрешение сесть. – Полку предстоит серьезное, чрезвычайно ответственное политическое задание. Партия и правительство выражают уверенность в успешном выполнении операции по частичному выводу войск из Афганистана. Задача: встать на блоки вдоль Баграмской зеленой зоны, провести огневую обработку окрестностей дороги, а затем выдвинуться на Саланг. Можно погибнуть, но опера-

ция по выводу полков не должна сорваться. Проверим подготовку первого батальона. Раскрыть карты с нанесенной кодировкой...

В этот же день в полк приехала делегация из дивизии проконтролировать, что мы сделали к прибытию высокой правительственной комиссии.

Командир дивизии Баринов (он же Барин) и его заместители перемещались из казармы в казарму, из модуля в модуль, от объекта к объекту. Вначале посетили казармы. Общий вывод: бардак и беспорядок. Полковник абсолютно всем был недоволен. Здания покрашены плохо, дорожки не подметены, порядка нет.

Наш батальон готовил две казармы, первой и второй рот. Подорожник и я встречали начальство у входа. Подорожник подал команду: «Смирно!» – и доложил. Комдив, махнув рукой, ответил: «Вольно!» – и двинулся по проходу. Свита семенила за ним. Замыкающими шли я, Сбитнев и старшина. Вдруг Барин наткнулся на дыру в линолеуме и простонал:

– О боже! Какой ужас! Что это?

– Дирка, маленький дирка, – пискнул, выглядывая из-за спины комбата, старшина роты Халитов.

– Старшина, бегом ко мне! – рявкнул Баринов. – Почему в полу дыра? Почему линолеум не поменяли?

Прапорщик принялся озираться по сторонам, а затем пролепетал:

– Как так, поменять? У меня нэт линолеум!

– А что у вас есть? – разозлился полковник. – Мозги у вас есть? Совесть есть? Чувство долга?

– У меня все это есть! – всхлипнул прапорщик. – Нэт только краска, обоев, линолеум, фанера и гвоздь. И в полку нэт ничего!

– Для каких целей вам гвоздь? Привязать веревку и повеситься? – вскипел командир дивизии.

– Нэт, я в смысле много гвозди. Прибивать стены.

– А что, они у вас в роте падают? Зачем их прибивать?

Халитов окончательно растерялся, пожал плечами и замолчал.

Комдив огляделся по сторонам, скovyрнул с балки подтек краски, взялся за уголок отклеившихся обоев и оторвал их. Оглядел нас презрительно и произнес:

– Деревенщина! В какой же зачуханной деревне вы все росли? Кто вас воспитывал? Э-эх!

Я отвел в сторонку старшину и укоризненно произнес:

– Резван! С тобой как в анекдоте: «Кацо! Пачэму у рюссских такой трудный язык? Нэ пойму! Вилька, тарелька – пишутся бэз мягкого знака, а сол и фасол с мягким?» – «Э-э, Гиви! Это нэльзя понять! Это надо запомнить!»

– Э, зачем обижаешь? Если по-азербайджански скажу, он поймет? А вы мой язык знаешь? Не знаешь, так не смейся!

– Все, больше не шучу, извини и не обижайся, – похлопал я по плечу возмущенного прапорщика, а сам отправился догонять начальство для получения очередной порции спесивого неудовольствия...

Более шестидесяти важных персон из правительства, ЦК КПСС, различных ведомств собрались в Кабуле для торжественного начала вывода войск.

Вывод был в принципе мифическим и символическим. В Советский Союз уходили три зенитно-ракетных полка, которые и ранее не воевали. Они никогда прежде не двигались, а стояли в гарнизонах, так как у мятежников авиация отсутствовала и сбивать было некого. Кроме того, были собраны еще три полка из строительных частей да увольняемых в запас солдат из различных подразделений, а также комиссованные по болезни. Для их перемещения была выделена списываемая техника из всех частей армии. Потешные полки...

Шум и треск для прессы, для советского народа и правительств западных стран. Мир с удовольствием наблюдал за этим военным балаганом. Ура! Ура! Ура! Войска уходят!.. Куда уходят? Кто? Сто тысяч ограниченного контингента?

Для выхода зенитчиков и трех полнокровных мотострелковых полков вдоль всей трассы выставлялись блоки и заставы. От Кабула и до Хайратона, от Шинданта и до Герата. Самая трудная задача – пересечение Баграмской «зеленки» и перевал Саланг. Ахмад Шах и Хекматияр сделали заявление, что не дадут выйти Советской Армии и оккупанты найдут свою смерть в Афганистане!

Это, конечно, серьезное и опасное заявление. Условия на Саланге тяжелые! Из Панджшера к перевалу выдвинулись десятки отрядов боевиков. В зеленой зоне сконцентрировалось множество боевых групп. Политики раструбили на весь мир об операции, а нам теперь хоть костью ложись! «Духи» даже между собой войну прекратили. Междоусобица велась между партиями, племенами, кишлаками и отдельными бандами постоянно – пока не пришла Советская Армия, афганцы люто воевали между собой. Теперь дружно бьются с нами. Зачем мы сюда явились?

Полку предстояла задача – встать от равнины до входа в высокогорный тоннель. Пехоту приказали поднять на высоты, вершины, необходимо занять хребты, а бронемашину, танки, САУ расставить вдоль дороги.

Я отпросился у комбата идти с разведвзводом. Людей у Пыжа было мало, а район обороны довольно большой. Николай с пехотой отправился в горы, а я с двумя БМП и «Васильком» должен был оборонять километр трассы. Сегодня мы закрепляемся, а завтра здесь пойдут уходящие. Если получится, как задумало командование, то операция пройдет успешно и быстро. А если нет?

Полковая колонна медленно поднималась по горному серпантину к перевалу Саланг. Двухполосное, узкое, петляющее шоссе блестело в лучах заходящего солнца. Впереди шли танки, затем разведка, мотострелковый батальон, артиллеристы. Пехота медленно занимала высоты вдоль трассы, а артиллерия выбиралась к тоннелю, чтобы оттуда обеспечивать выход на задачи и закрепление в районе. Проход колонны назначен на завтра.

Первая рота десятью машинами растянулась вдоль своей зоны ответственности. Предстояло оборонять участок длиной полтора километра и прилегающие к нему горные вершины.

Сбитнев сидел на башне и переговаривался с комбатом, командирами машин и группой технического замыкания. Рядом лежал солдат с переносной радиостанцией. По ней командир роты поддерживал связь с взводами, выдвигающимися в горы, и командованием полка. Полковой группой в этот раз руководил начальник штаба подполковник Ошуев. Почему-то с новым званием характер у Султана Рустамовича испортился еще больше. Он становился все злее и раздражительнее. Дело, наверное, было в том, что после академии он не получил полк, а витавшие в воздухе слухи о новом назначении никак не могли материализоваться. Вот и сейчас БТР Ошуева застрял где-то внизу, у подножия перевала, а сам он по связи раздраженно ругал командиров подразделений за мелкие недочеты.

Володя нервно курил и злился. На командиров взводов – за то, что очень уж медленно поднимались они в горы. На техника Федоровича – за то, что две БМПшки так и не вышли из автопарка в рейд. На Ошуева – за хамское обращение и высокомерие. На комбата – за мелкие придирки, закончившиеся вчера ссорой. На бывшего замполита роты Ростовцева – за то, что покинул роту и вырос в замполиты батальона. И даже на собственную голову – за то, что разламывалась с похмелья. Наконец, ко всем напастям заболела израненная в боях челюсть. Ныла она ночь напролет. Наверное, погода испортится: вот-вот начнутся осенние дожди.

Солнце клонилось к закату и ослепляло яркими лучами, мешая наблюдать. Откуда-то, громко сигналив, мчалась колонна пустых «наливняков». Впереди шел БТР, затем машина с зенитной установкой в кузове и десятка два топливозаправщиков. Проскочив Джабаль, они

собирались до захода солнца миновать тоннель и оказаться сегодня же на другой стороне хребта. Завтра через перевал пойдут выводимые полки. Вот машины и спешили...

Бронемашины маневрировали по краю дороги, выбирая места для создания огневых точек, танк с тралом утюжил обочину, обезвреживая фугасы. Все это создавало помехи для быстрого продвижения опаздывающей тыловой колонны. Лучше бы они заночевали у комендатуры...

Внезапно раздалось несколько хлопков, которые гулко отозвались эхом в горах, словно раскаты грома. Передний КамАЗ с цистерной в прицепе подпрыгнул, как на ухабе, и врезался в уступ скальной стены. Языки пламени охватили промасленные емкости, и раздался громкий взрыв. По лобовому стеклу второй машины полоснула длинная автоматная очередь, которая вспорола топливные баки в кузове и прицепе. Машина, вильнув, перегородила дорогу и замерла.

События происходили, будто в старом фильме про войну, который смотришь на большом экране кинотеатра. Только смерть была не киношной, а настоящей.

Володя сбросил секундное оцепенение и вышел из замешательства. Прижав ларингофоны к горлу, Сбитнев закричал:

– Бронелобые! Всем огонь, огонь! Пушки вверх! Шквал огня по высотам! Подавить гранатометчиков!

Шедшие минуту назад в горы тремя цепочками пехотинцы залегли и начали обстреливать вершину хребта, нависшую прямо над дорогой.

Володя вывел машину из-под стены и открыл огонь по каменным россыпям больших, нагроможденных друг на друга валунов. Мятежники продолжали расстреливать бензовозы, несмотря на потери в своих рядах. В небе появились две пары «Ми-24», которые осыпали «нурсами» весь хребет. Разрывы взметнулись на вершине, но «духи» не уходили. Они продолжали свое черное дело. Загорелся еще КамАЗ, затем еще один, еще и еще... В небе задымилась вертушка и, оставляя черный дымовой шлейф, камнем устремилась вниз. «Крокодил» упал далеко от дороги за горами, один из вертолетчиков сумел выброситься с парашютом. Над местом падения вертолета встала в карусель новая четверка вертолетов. Бой закручивался в тугую сложную спираль и становился все масштабнее и шире. В эфире стояла какофония команд начальников Генштаба, штаба армии, дивизии. Отдавались приказы, взаимоисключающие друг друга, слышалась ругань или просто громкий отборный мат.

Артиллерия десятками стволов обрабатывала квадрат за квадратом, штурмовики с высоты вспахивали склоны, минометы плевались минами. Вокруг дым, гарь, копоть и гул разрывов. Эхо десятикратно усиливало каждый взрыв по ущелью.

Бой то затихал, то разгорался с новой силой. Бензовозы спрессовались в плотную цепочку и мешали продвижению помощи. Первая рота выпустила вверх последние снаряды из автоматических пушек. Душманы выстрелом из РПГ попали в машину третьего взвода. Никого не зацепило. Граната прошла через десантное отделение, не задев осколками экипаж. Повезло – десант, как обычно, сидел сверху на броне!

Володя выпрыгнул из башни и подбежал к подбитой бронемашине. Из люка наводчика высунулся замполит роты Калиновский и выкрикнул, что снаряды закончились, а надо заряжать пушку и пулемет. Люди целы, не ранены. Володя и замполит роты, спрятавшись у фальшборта, закурили.

– Ох, Сашка! У меня душа оборвалась! – выдохнул сигаретный дым Володя. – Я думал, неужели только пришел новый замполит и в первом же бою его накрыло! Повезло тебе, в рубашке родился!

– Я и сам перепугался. Как кувалдой бухнуло по броне. Вокруг еще три мины упали перед этим попаданием. Яйца вмиг покрылись холодным потом, – улыбнулся старший лейтенант Калиновский.

– Откуда знаешь, что холодным? Ощупал?

И оба рассмеялись, сбрасывая нервное напряжение.

– Володя, сердце колотится, того и гляди, выскочит из груди! И часто такая бойня случается? – поинтересовался замполит роты.

– Случается. Не сказал бы, что часто, но бывает, – произнес задумчиво ротный, выпуская колечками сигаретный дым.

– Эх, говорила мэнэ мати: не ходи, сынку, на войну! Не послушал! А дома молодая жинка ждет, грустит, у окошка сидит, на дорогу глядит. Весточку от мужа ждет. Дурак я дурак.

– И я такой же балбес. Жена и дочка в Ташкенте, а я вместо того, чтобы в училище ротой командовать после первого ранения, под пулями ползаю, – сердито сплюнул Володя и резко бросил потухший окурок. В это время мимо проехали, коптя двигателями, командирский БТР с сопровождающим танком и затормозили метрах в тридцати. Из люка высунулся озлобленный Ошув и громко прокричал:

– Сбитнев! Бегом ко мне! – и скрылся в чреве бронетранспортера.

Володя выругался витиевато, не обращаясь в принципе ни к кому:

– Да пошли вы все на...

Сашка грустно рассмеялся:

– Хорошо, что джигит тебя не слышит. Сейчас он нам задаст перца. Пять машин на нашем участке горит. А мы без вины виноватые. У нас потерь нет, о проходе колонны не предупредили, а оттрахают роту!

– Ну ладно, я побежал на экзекуцию! – махнул рукой Володя и поспешил легкой трусцой к начальству. Полы незастегнутого бушлата развевались от встречного ветра. Володя засунул руки в карманы и запахнул бушлат, чтобы не продувало. Он сделал десять шагов – и вдруг, сильно дернувшись, упал навзничь, ударившись затылком об асфальт. Калиновский и механик-водитель подбежали к командиру и, подхватив его под руки, оттащили обратно к броне.

Возле глаза зияло небольшое отверстие. Струйка крови стекла на лицо и залила открытые глаза, рот. Пуля вышла через затылок ниже мозжечка. Лужица крови осталась на асфальте, и красная струйка тянулась к машине, куда отнесли Володю.

Замполит роты подложил шапку под голову командира и растерянно огляделся вокруг.

– Доктора! Врача скорей! – заорал он солдатам и посмотрел на свою окровавленную руку. Это была не его кровь, а Сбитнева.

Из-за пытящего БТРа выскочил майор Дормидович с медицинской сумкой на боку и быстро пересек простреливаемый участок. Начмед пощупал пульс, приложил ухо к груди, потрогал артерию на горле и тяжело вздохнул.

– Ну что? – испуганно спросил Калиновский.

– А ничего, старлей. Ничего! Мгновенная смерть! Не видишь, что ли? Ты видел живых людей с таким развороченным затылком?

– Я вообще никогда не видел людей с дыркой в голове! – с горечью ответил Александр. – Как же так? Как глупо получилось! Бой вроде уже закончился!

– А что, бывает умная смерть? Смерть всегда глупая! – сердито сказал Дормидович.

– Что случилось? Что со Сбитневым? Куда его ранило? – закричал, высунувшись по пояс из люка, Ошув. В тот же миг он охнул и, завалившись на правый бок, упал на броню и его быстро затянули вовнутрь. Начмед бросился к Ошуву. Машина развернулась и подъехала к БМП. Из нее выпрыгнули на асфальт комбат-танкист и еще пара офицеров. Через боковой люк быстро затащили тело Сбитнева, и бронетранспортер помчался к площадке в Джабале.

– Куда начальника штаба зацепило? – спросил Калиновский у комбата Ахматова.

– Пуля попала в грудь рядом с сердцем. Султан Русланович в сознании. Надеюсь, выживет, – вздохнул танкист и вытер запекшуюся кровь на хэбэ.

– Это его кровь, не моя, – ответил Роман Романович на вопросительный взгляд Калиновского.

– А на моих руках – Вовкина! – произнес Калиновский.

Ахматов махнул рукой и остановил проезжающий мимо танк.

– Пехота! Слушать всем меня! Принимаю командование маневренной группой на себя! Перезарядить оружие! Пополнить боеукладки пушек! Продолжать вести беспокоящий огонь! Может, случайной пулей завалим этого долбаного снайпера! – распорядился Роман и медленно поехал на танке дальше вверх к перевалу. Но командовал он лишь полчаса, потому что пуля снайпера попала ему в живот, чуть выше печени. Примчавшийся с заставы БТР местного полка подобрал его, а также убитых и раненых водителей и поспешил вниз к вертолетной площадке, чтобы успеть вернуться засветло.

Колонну возглавил капитан Скворцов. Вскоре он подъехал к стреляющей бронемашине и, выпрыгнув из башни танка, приказал Калиновскому:

– Замполит, убери БМП на двадцать метров вперед. Я сейчас начну танком сталкивать горящие машины в пропасть. Боюсь, что бензобаки и цистерны могут взорваться. Вас может зацепить!

– Есть, товарищ майор! – ответил Александр. Его машина продвинулась вперед и спряталась за выступом скалы.

Танк столкнул один за другим «наливняки» и прицепы с бочками в пропасть. Часть цистерн взорвалась на дороге от воспламенившихся паров топлива. Некоторые емкости взорвались в ущелье. Через пятнадцать минут дорога была свободна, и уцелевшая половина колонны помчалась дальше, навстречу своей неизвестной судьбе...

В горах в это же время разыгралась другая трагедия. Саперы проверили щупами грунт в старых «духовских» СПСах, и вторая рота в одном из них установила миномет. После первого же выстрела в земле сдетонировала глубоко закопанная старая мина-сюрприз. Минометчику Макатону вырвало обе ноги выше коленей, заодно покорежив мужское хозяйство. Молодому же солдату из второй роты, подававшему мины в укрытие, оторвало левую ногу...

Разведчики неторопливо выкладывали стену из булыжников. Броня стояла на обочине трассы, задрав вверх пушки, направленные на склон хребта. Внизу, далеко в глубине ущелья, протекала речушка. Через нее по камням переправлялся Пыж с разведзводом. Всего восемь штыков. Судя по маршруту, им предстояло топтать часа три до горной вершины. Где-то вдали раздавались приглушенные взрывы, в небе висели четыре «крокодила» и плевались «нурсами». Непонятно было: то ли бой ведут, то ли просто горы обрабатывают.

На моей бронемашине находились лишь два бойца, на другой – два солдата и сержант Шлыков. Сержанту дали передышку. После рейда он уже дембель, поэтому в горы не потянули, оставили командовать огневой точкой. Я тоже взялся за камни, помогая солдатам строить СПС. Чем выше возведем стену, тем надежнее будет защита от пуль и гранат. Если «духи» полезут именно в этом месте, мы, конечно, посопротивляемся, но долго не продержимся. До ближайшего поста около полутора километров, а другой пост еще дальше. За изгибами дороги, за нависшими каменными выступами ничего не видно и не слышно. Захотят нам помочь соседи – не пробьются. Разведка тоже закрепится далеко от нас. Ни мы им не помощники, ни они нам. Каждый за себя. Все будут выживать самостоятельно.

В шлемофоне стояли сплошные шумы. Радиостанция была на дежурном приеме, никто нас не вызывал, не ругал. Забыли – и ладно. Чего лезть с расспросами к начальству, еще попадешь под горячую руку. Стены толщиной в два камня подрастали на глазах – в высоту и длину. За таким бруствером можно стоять в полный рост. Только голову не высывай!

Шум за горами утих, лишь иногда тишину нарушали вертолеты и самолеты, они заходили на штурмовку и долбили ракетами горные вершины. Вечерело. Еще час, и наступит полная темнота. В горном ущелье темнеет мгновенно.

С ужасным треском из-за утеса показалась бронемашина технического замыкания. Майор Вересков, приветствуя, помахал мне рукой.

– Никифор, как у тебя дела? Спокойно? – спросил зампотех, спрыгнув на землю.

– Да, все хорошо! Тишина! Пыж на подходе к задаче, вон его взвод цепочкой растянулся по заснеженному плато. Мы тут от жары изнываем, а Коле сегодня в снегу ночевать предстоит. Парадоксы местного климата! – усмехнулся я.

– Знаешь, что Сбитнева убили? – спросил Вересков.

– Кого? Сбитнева! Как так, «убили»? – воскликнул я.

– Вот так! «Духовский» снайпер, прямо в лицо. Ошуева ранили. Вертолет с экипажем сгорел и пять водителей из бензовозов, – и Вересков пересказал все, что знал о происшедшем бое.

– Эх, Вовка, Вовка! Твою мать! Говорил тебе дядя: езжай домой! Навоевался, хватит! Нет, решил дальше судьбу испытать, со смертью играть, – горько вдохнул я.

– Никифор, давай за Володю по пятьдесят грамм. Помянем. У меня есть во фляжке немного спирта, – предложил Василий.

– Давайте, хороший был парень, Володька, настоящий русский офицер! У меня, товарищ майор, есть баночка огурчиков и тушенка, сейчас организую.

Я никак не мог перейти на «ты» с замами комбата. Все же они майоры, а я вчера был зеленым лейтенантом.

– Никифор, прекрати ко мне так обращаться. Я даже не первый зам. Ты, если судить по неофициальному ранжиру, выше меня и к комбату ближе.

– Я привыкаю, но с трудом, – ответил я, подставляя кружку под струю спирта.

По телу пробежала нервная дрожь. Я окончательно осознал, что погиб мой близкий друг, настоящий боевой товарищ. Еще вчера вместе балагурили, вместе воевали, выпивали... А сегодня погиб... Дома жена молодая, дочке три года. Единственный сын у матери. Ужасная трагедия.

Мы выпили, с хрустом разгрызли маринованные огурцы. Не пробрало. Майор взболтнул фляжку, определяя, сколько осталось, и решил добавить.

– Думал комбату оставить, но этим ему только мараться, губы смочить. – И зампотех разлил остатки спирта по кружкам.

Стоя выпили за погибших, закусили, помолчали. Вересков закурил, а я задумчиво глядел в свинцовое небо. Еще пять-десять минут – и наступит ночь. Василий поднялся с камня и сказал, что поедет дальше. Его пост будет в ста метрах выше, за поворотом.

Бронемашина скрылась за выступом горы, и вскоре наступила тишина. На глазах выступили слезы, горло сжало тисками безотчетного ужаса. Холодный ночной ветер принес сырость, от которой содрогалось все тело. Спирт не успокоил меня, а лишь немного смягчил горе.

Меня охватила тоска. Эх, Вовка, Вовка! Бедная твоя головушка! Всех жалко: и тебя, и Шипилова, и Быковского, и Турецкого! Всех, с кем приехал, дружил и служил. И солдат погибших жаль. Знакомых и незнакомых. И себя жалко, бедолагу. Гадание гаданием, а вдруг ворожея ошиблась? Хочется верить, что старая ведьма не обманула, что проживу я обещанные девяносто семь лет. Но уж больно зыбка надежда на это. Сидит себе «дух» в горах, целится в тебя из винтовки или гранатомета и не ведает, что тебе на роду написано почти век жить. Бахнет и оборвет линию жизни, предначертанную свыше. Верить предсказанию – это, конечно, самообман. Просто хочется надеяться, что смерть обойдет меня, не заденет острой косой.

В четыре часа утра комбат вышел на связь:

– Как обстановка?

– Спокойная, – ответил я, зевая и борясь со сном.

– Тормоши бойцов. Не спать. «Праздник начался!» Как понял, прием? – спросил Подорожник.

– Понял вас, понял! «Праздник начался!» – отозвался я.

Итак, свершилось. Первые выводимые машины и люди спустя несколько часов марша пересекут перевал и устремятся домой.

Вдали, постепенно приближаясь, грозно нарастал шум моторов. Несколько сотен автомобилей, тягачей, бронемашин, зенитных самоходных установок, пусковых машин «КУБ» и «ОСА», коптя воздух, ползли домой. Надрывно ревели моторы, штурмуя горный серпантин. Впереди шел БТР из комендантской роты, затем танк и БРДМ с развернутым знаменем. Проехала бронемашина с руководством по проведению операции и броня управления нашей дивизии. И пошли, пошли родимые полки...

Домой, скорее домой, на Родину! На каждой дверце у машин висят бронежилеты, водители и старшие машин в касках, лица нахмурены и сосредоточены. Некоторые, более невозмутимые, приветливо машут на прощание. Через час колонна скрылась за поворотом, и только несколько отставших неисправных машин медленно догоняли ушедших.

Счастливого пути!

Полк продолжал ломать строения в «зеленке» напротив Черикара. Деревья падали, словно стебли молодой травы, скошенные гигантской косилкой. Виноградники трещали под гусеницами нашей техники. Дувалы обрушивались, дома взлетали в воздух и осыпались. Дымы из колодцев поднимались, как из печных труб.

Барбухайки проносились по дороге на бешеной скорости, и афганцы испуганно глядели на наши действия под названием «зачистка местности». Вполне возможно, у кого-либо из них тут живут родственники. Вернее, жили...

– Василий Иванович, я почти здоров и готов к боевому употреблению. Пора в бой. Разрешите прогуляться к первой роте? – спросил я у комбата ранним утром после завтрака.

– Что ж, иди, если не лень. БМП не дам. Она у меня одна, но можешь взять связиста.

– Спасибо! Беру сержанта Шапкина. Посмотрю, что у них да как, вернусь к обеду.

– Валяй. Навязался на мою голову, вояка! Вместо того чтобы сидеть и оформлять докладные, прешься неизвестно зачем и непонятно куда.

– Почему непонятно? Работа с людьми, в массах...

– Смотри, в массах не задерживайся! Не затеряйся! У меня по плану сегодня после полудня обыграть тебя в картишки!

– Это мы еще посмотрим, кто кого...

– Комиссар! Не задавайся!..

При моем появлении офицеры роты построили кислые физиономии, но потом проявили радушие. У костра расположились новый командир первой роты Мандресов, Калиновский, молодой лейтенант Грищук (новый взводный вместо Ветишина). Старшина Халитов сидел в сторонке, надев каску, бронежилет, и грустил.

– О! Рома! Тебя выдернули в рейд! В наручниках привезли или добровольно пошел?

– Товарищ старший лейтенант! Командир роты сказала, что без боевых действий не получу медал! А мне медал нужен. Орден не дадут простому старшине, но медал нужен. «За отвагу» хочу! Очень красивый медал!

– Если проявишь себя, получишь! Видишь, Бодунов год в горах, а без ордена. Не все сразу. Заслужи!

– Будь уверен! Заработаю медал! Что я, зря в «зеленку» пришел? Думаю, один раз хватит для награды? Обязательно отлычусь!

Калиновский протянул мне кружку горячего чая, а Мандресов пообещал, что скоро будет плов.

– Как дела, Саша? Чем сейчас рота занимается? Где остальные взвода? – спросил я, видя, что тут только второй взвод.

– Острогин и ГПВ слева, в трехстах метрах. Чернышев (еще молодой взводный) справа, вместе с Федаровичем. Ох, и здоровенный детина пришел на взвод! АГС в полном сборе легко взгромождает на спину и несет. Илья Муромец! Не человек, а тягач!

Кругом было тихо. Солнце стояло высоко и сильно припекало. Клонило в сон. Отдых на природе. Покой, красота!

Вдалеке, ломая на бегу кустарник, к нам бежал какой-то солдат. Перепрыгивая через плеть виноградной лозы, он зацепился сапогом за ветку и, громко заматерившись, упал. Сидящие у костра солдаты засмеялись над неумехой.

– Товарищи офицеры! Помогите! – громко заверещал лежавший солдат, вызвав очередной приступ массового смеха.

– Иди сюда, поможем, – улыбнулся Калиновский. – Ты только выползи из кустов.

Солдат на четвереньках выбрался из зарослей и заголосил, размазывая по щекам слезы.

– Спасите! Спасите!!! Там наших всех убили! Взводный при смерти. Славка и Серега лежат, отстреливаются. Меня за подмогой послали. – Молодой, смертельно испуганный, солдат дрожал всем телом и готов был рухнуть замертво.

Мандресов дал бойцу пощечину, приводя в чувство. Плечи его сотрясались от беззвучного плача.

– Объясни толком! Ты кто? Откуда? Кто напал? Где остальные? – так и сыпал вопросами Мандресов.

– Я сапер, отдельный инженерно-саперный батальон. Наша группа прошла утром мимо вас вместе с «зелеными».

Мы, удивляясь, переглянулись, а солдат продолжил:

– «Царадоевцы» или сговорились с «духами», или сдались в плен, но душманы появились сразу отовсюду. Взводный в этот момент установил «охоту», оставалось два фугаса заложить. Бандиты вдруг вылезли из всех щелей и принялись стрелять. Четверых – наповал, в том числе и лейтенанта. Славка крикнул, чтобы я бежал за вами, а сам остался отстреливаться, прикрывая раненых. Это рядом, идти метров триста пятьдесят.

Мандресов поднял на меня глаза, в них – немой вопрос: «Бежим на помощь?» Я кивнул головой и надел лифчик-нагрудник.

– Сашка, давай заведем в джунгли БМП и лупанем прямой наводкой, – предложил я. – На ней раненых и убитых вывезем.

Ротный кивнул в знак согласия.

– Рота, подъем! Взять оружие и боеприпасы! За мной! – громко заорал Мандресов.

– Ни хрена себе! Банда совсем рядом! Могли и на нас выскочить! – ужаснулся Калиновский.

Я огляделся: сколько тут нас? Четыре офицера, старшина, двенадцать бойцов. Плюс двое – экипаж бронемшины. Теоретически еще три сапера, если они живы. Все равно мало. Кто знает, сколько человек в банде? Рота афганских союзников просто растворилась, как и не было ее. То ли их перебили, то ли они предали нас и переметнулись на сторону мятежников. При втором варианте сил у противника еще больше. Около сотни стволов. Плохо! Одна надежда на БМП.

– Саня, вызывай танкистов, пусть пару танков пришлют. И Острогина вызывай к нам, – подсказал я ротному. – Не справимся иначе. Слишком много «духов». Берите больше патронов! Каждому «муху», гранаты!

Я поплевал через левое плечо, поцеловал на счастье свой номерок и шагнул вперед навстречу неизвестной судьбе.

Сапер побежал обратно по тропинке, показывая дорогу в лабиринте дувалов и арыков.

«Черт! Черт! Черт!» – пульсировало в голове. Ну почему мне так не везет? Сидел бы себе на КП батальона, и все события прошли бы мимо меня стороной. А теперь снова угораздило лезть под пули. Подорожник скажет, что я специально лезу на рожон, подтверждая Героя.

Где-то недалеко шла интенсивная стрельба, слышались разрывы гранат. Значит, кто-то живой и отбивается. Пожухлая листва мешала разглядеть, что творится впереди в зарослях. Видимость никакая, даже в десяти метрах. Ужасно неприятная ситуация!

– Фадеев, брось гранату за угол, – приказал я сержанту.

Ба-бах! Граната, не перелетев стену, взорвалась метрах в семи в кустах, отскочив обратно от края дувала.

– Писарюга! Ты что, совсем очумел! Чуть осколками не зацепило! Хорошо, РГД кинул, от эфки кого-нибудь точно ранило бы. Опять хочешь орден?

Сержант оскалил зубы в улыбке, но не ответил. Свой орден он получил благодаря осколку от собственной гранаты – за ранение. Стоящий рядом Калиновский швырнул вторую гранату точно за угол. Никто там не застонал, не заорал, значит, путь свободен. Свернули за угол. Так и шли двумя цепочками: впереди сапер, за ним я, Калиновский, Шапкин, следом топали бойцы. Вдоль соседнего забора подбирался Мандресов со своей группой. БМП рычала двигателем где-то сзади, пробивая, словно бешеный носорог, дорогу в саманных стенах и зарослях. Перед глазами открылся широкий двор, а за ним улочка и опять высокая стена.

Мы наткнулись на сапера Славку, отстреливающегося от невидимого противника. Сбоку, метрах в десяти, лежал, прикрывая фланг другой солдат.

– Где «духи»? – спросил у бойцов Мандресов.

– На дальнем конце двора. Несколько бородатых за арыком и вон в тех трех разрушенных домах. Наши лежат в центре, возле кяриза.

Я осторожно выглянул и увидел двух солдат, прячущихся в неглубоком арыке и перевязывающих друг другу раны. Рядом лежали двое мертвых, у колодца среди травы и веток еще два тела.

– Кто валяется в кустах? – спросил я у сапера.

– Взводный, а с ним еще Хализаев.

– Сашка! – обратился я к Мандресову. – Давай сделаем так: я с Калиновским и четырьмя бойцами обойду двор с тыла. А ты, когда мы ударим по «духам», иди в атаку. Соединимся и вынесем тела, – предложил я.

Командир роты кивнул головой в знак согласия.

– Фадеев, Хаджиев, Муталибов, вперед с замполитом батальона! – скомандовал Мандресов. – Старшина, ты тоже с ними. Никифор Никифорович, сейчас броня подойдет, и мы под ее прикрытием атакуем.

Я пропустил вперед в дозор Шапкина с Фадеевым и пошел следом за ними. Пробравшись сквозь виноградник, мы уперлись в стену, в которой оказалась большая дыра. За ней открылась улочка, тянущаяся в глубину кишлака в обе стороны. Проскочив через эту дыру, можно было подкрасться к воротам во двор, где лежали саперы.

Мы осторожно выбрались на дорожку и направились к входу в дом. Тихо вошли в дом и огляделись. «Духи», уверенные в быстром захвате наших бойцов, свое внимание сконцентрировали на дворе, а про вход, казалось, забыли. Я перепрыгнул через небольшой арык и прислонился к дувалу. Такие солидные стены не пробьешь, наверное, и выстрелом из танко-

вой пушки. Глина сцементировалась и спрессовалась под обжигающим афганским солнцем. Выглядит глиняная стена сплошным монолитом.

Я передвигал ноги по узкой бровке с замиранием сердца: вдруг сейчас дойду до угла и получу очередь в грудь. Не хочется лежать с дырками в теле в этой осенней грязи. В принципе валяться убитым не хочется ни в снегу, ни в песке, ни в траве. Нигде! Сердце бешено стучало, вена лихорадочно пульсировала у виска, руки нервно подрагивали. Вот он, край, и за ним неизвестность. Я пригнулся, присел на колено и чуть подал корпус вперед, высунув ствол автомата. Громадное облегчение: впереди несколько деревьев и пустое поле, за углом никого нет. Параллельно мне, через дорогу, по глубокой канаве, втянув голову в плечи, шел Шапкин. Я ему махнул ладонью, показывая, чтоб не высовывался. За поворотом раздался сильный взрыв, и я слегка присел. В это же мгновение в стену ударила автоматная очередь, которая выщербила несколько кусков глины – над головой и на уровне плеча. Инстинктивно упав на спину, и затем, перевернувшись на бок, я увидел лежащего метрах в двадцати афганца и склонившегося над ним старшину.

– Замполит! Я тэбя спас! – заорал Рома.

– Резван! Дорогой ты мой! Откуда он взялся? – вскричал я.

– Из-за дувала спригнул и начал целиться. Я вистрелал, и он, гад, успэль очередь пустить. Но пуля више пошель.

– Старшина, не пуля, а длинная очередь! Но если бы не ты, лежать бы мне в арыке, вонять и разлагаться!

Я подошел на ватных, дрожащих ногах к телу врага и повернул носком ноги убитого в свою сторону. Мальчишка, совсем пацаненок, лет четырнадцати-пятнадцати. Рубашка до колен, шаровары, босые ноги в галошах, лифчик с магазинами и автомат. Грязный, чумазый, сопливый. Боевик хренов! Чуть не укокошил меня! В ушах звенело. Я потряс головой, но звон не прекратился.

– Товарищ старший лейтенант! Можно я ему уши атрэжу? – обратился ко мне Мурзаилов, доставая огромный тесак.

– Саид, тебе хотелось бы остаться без ушей?

– Нэт.

– Ну и он этого не хотел. Пусть таким к Аллаху отправляется. С ушами и яйцами. Не уродуй труп.

– Он вас мал-мал не убиль, а вы его жалель, – ухмыльнулся прапорщик Халитов.

– Черт с ним, Рома! Не будем уподобляться дикарям и вешать уши на веревочку, словно бусы. Понял?

Старшина кивнул, но полного согласия во взгляде не было.

Мандресов выбежал из двора, уставился на труп и трофейный АКМ.

– Ого! Кто его так? Вы, Никифор Никифорыч?

– Да нет, Александр Григорыч! Это твой доблестный старшина приложился, припечатал балбеса к земле. Очередь от шеи до жопы. Почти располовинил. Почаще его в рейд бери. Молодец, не растерялся, меня и Шапкина спас! Заработал-таки орден! – ответил я.

– Вах! Я же говорил, что нэ зря пошель на войну! – обрадовался прапорщик.

– Что там во дворе? «Духи» где? – спросил я у ротного.

– Ушли по кяризу. Мы их обложили с двух сторон, они и сбежали. Четыре сапера мертвы, двое ранены и контужены. Вовремя мы к ним добрались, у ребят патроны заканчивались.

– Саша, забрасывайте дыру в колодец дымами, пусть там сдохнут!

– Уже закидали.

– Трупы «духов» остались?

– Нет, они раненых и убитых унесли. Пакеты перевязочные, кровь, шприцы, бинты валяются. А тел нет.

- Молодцы, хоть и мерзавцы. Ну, да ладно. Еще рассчитаемся, сочтемся. Где БМП?
- Подошла с той стороны, за стеной стоит, – махнул рукой в сторону двора Мандресов.
- Пусть бьет вдоль поля, прикроет нас чуть-чуть! – громко крикнул я.
- Никифорыч, ты чего орешь? Тебя хорошо слышно.
- А я сам не слышу. Оглушило немного.
- Впереди в винограднике четверо «духов» валяются. Их из пушки срезал наводчик. Может, сходим за автоматами? – предложил Мандресов. – Трофеи как-никак.
- Сообщи комбату и спроси разрешения. Танк идет сюда или нет?
- Два танка уже подошли к КП роты, сейчас ползут сюда. Приказали обозначиться красными ракетами. У меня одна осталась. Есть еще?
- Держи! – Я протянул ему сигнальную ракету. – Только артиллерию не вызывай для поддержки. Промахнутся – разнесут нас на куски! Я присел на поваленное дерево, чтобы унять дрожь в ногах, и начал теревить большие уши.
- Мандресов отправил вперед, к следующему дому, трех бойцов с Грищуком. Едва ребята вошли в виноградник, как попали под обстрел.
- Саша! Прикрой! – крикнул я ротному, срываясь с места. – Муталибов, Шапкин, за мной!
- Мы перескочили через невысокую стену, и тотчас перед нами, метрах в десяти, разорвались две минометные мины. Виноградник вспороли автоматные очереди, а затем выстрелило безоткатное орудие. Я упал в кустарник, обдирая лицо и руки. Уф-ф, вроде бы осколки просвистели мимо. Ничего не болит. Не задело... Переползанием и перебежками, на четвереньках, мы добрались до развалин. В двухэтажном домике у лестницы стоял Тетрадзе и страховал вход.
- Кто наверху, Роин Александрович?
- Грузину очень нравилось, когда его называли по имени отчеству.
- Ташметов, Алимов, Зибоев. Впереди «духи», много «духи». Адын бандита Ташметов убил.
- Кто кого убил? Ташметов или Ташметова? Тебя сам черт не поймет! – разозлился я, испугавшись за хорошего солдата.
- Нэт! Ташметов жив! «Дух» мертва.
- Уже хорошо! Тетрадзе, стой тут и ни шагу в сторону. Чужих увидишь – сразу стреляй. Не нервничай, ты ведь старый воин, полтора года в армии! Шапкин, останься с ним.
- Всэ будэт харашо, камандыр! – заверил меня грузин.
- Я и Муталибов поднялись по пыльным ступеням на второй этаж. На полу, осторожно выглядывая в окно, лежали солдаты. Пули стучали по стене, осыпая глину и откалывая щепу от деревянных балок потолка. Сидящий на полу Зибоев заряжал пулеметную ленту, что-то напевая.
- Мирзо, о чем поешь? – спросил я солдата.
- Да мало-мало о девушках пою, успокаивает.
- «Духов» много?
- Очень. Там впереди окоп, блиндаж и штабел выстрелов к безоткатному орудю. В яма миномет стоит. Наверное, скоро сюда гранатой стрелнут. Плехо будет всем нам. Сапсем плеха.
- Подняв глаза на уровень края окна, я увидел бородатого главаря, руководящего бандитами. Они разворачивали безоткатное орудие в сторону Мандресова. Прицелившись, я выдал длинную очередь, выпустив половину магазина.
- Главарь упал, но безоткатка успела выстрелить. Зибоев высунул ствол ПК и скосил очередь оставшийся расчет. Из блиндажа выскочил гранатометчик и, не целясь, выстрелил в нашу сторону. Промахнулся, попал в стену. Пыль, куски глины и дерева посыпались на нас. Я осторожно посмотрел в проем, одновременно перезаряжая пустой магазин. Автоматчики засыпали нас очередями, из окопчика вылез еще один гранатометчик.

– Бойцы! Бегом вниз! Даем деру, сейчас накроют! – заорал я солдатам.

За три секунды мы спрыгнули на среднюю площадку лестницы и укрылись в какой-то нише. Бах-бах!!! Две гранаты завалили крышу и проем между двух окон. Во входную дверь забежал окровавленный сержант. Из открытого рта Ходжаева фонтанчиком брызгала кровь. Над гортанью зиял глубокий порез, а из подбородка торчал осколок.

– Хамзат! Что с тобой, брат? – вскричал Муталибов, подхватив на руки раненого земляка.

Раненый промычал что-то в ответ, вытаращив огромные глазища-маслины. Он открыл рот и выплюнул в нашу сторону ярко-красный фонтан, кроме того, из перебитой и разодранной руки тоже стекал ручеек крови.

– Гасан! На пакет, перевязывай! – скомандовал я Муталибову. – Быстрее, а то кровью истечет.

– Я не могу, у меня руки дрожат! Не смогу, я не люблю, я боюсь кровь! – громко прокричал Гасан. Он схватил за плечи раненого и заорал еще громче: – Брат, не умирай!

– Гасан, жгутом перетяни ему руку! – рявкнул я и приложил тампоны к горлу и подбородку. Это не помогло. Рана очень сложная. Как ее перетянуть? Не на горло же жгут накладывать. Чем дышать тогда будет?

– Медик! Где медик? Ташметов! Тащи сюда Авлеева!

В комнату заскочил санинструктор Авлеев и принялся перевязывать раненого, наматывая массу бинтов на голову. Сержант-медик бросал на меня испуганные взгляды, помня о своей подлости в рейде под Талуканом.

– Авлеев, Муталибов! Ведите его к броне. Быстрее. Остальные – прикрывать отход. Тетрадзе, чем его зацепило?

– Мина взорвался в кустах, осколка прилетел. Много осколков, – объяснил солдат.

– Тетрадзе, возьми автомат Хаджиева и иди за ними, – распорядился я.

Ребята зашли за дувал, оттуда внезапно прозвучало несколько взрывов.

– Быстро, уходим к нашим, пока нас не отсекли «духи», – скомандовал я оставшимся.

Три солдата побежали за мной, оглядываясь по сторонам и пригибаясь в ожидании пули в спину или осколков. Сильный взрыв ударил по ушам и мозгам, засыпав комьями земли воронку, куда мы успели упасть. Я выскочил из укрытия и наткнулся на лежащие тела и мечущихся раненых. Кровь, всюду кровь.

Выползающий через пролом в стене танк стрелял на ходу в сторону блиндажей и безоткатного орудия. БМП стояла кормой к нам, развернув пушку в сторону бородатых, и била короткими очередями.

В открытое десантное отделение Муталибов и Авлеев усаживали Хаджиева, а Мандресов вел под руку окровавленного лейтенанта Грищука.

– С-саня, как это с-случилось? Что б-было? – с трудом выговорил я.

– Никифорыч, какой-то кошмар! Мины прилетели и еще из безоткатки попали в борт БМП. Тех двух саперов, до этого чудом выживших, – наповал. И Грищу Грищука зацепило.

– А г-где К-Калиновский? – я начал испуганно озираться по сторонам, продолжая заикаться.

Из арыка торчали чьи-то ноги. Мы с Мандресовым бросились туда и вытянули Калиновского. Гимнастерка иссечена осколками, сплошные свисающие окровавленные обрывки ткани. Голова и тело залиты кровью, серо-зеленое лицо казалось совершенно безжизненным. Щеки и подбородок посечены осколками, а во лбу страшная рваная кровоточащая рана.

– Саня-я-я! – дико заорал Григорыч и обнял его, прижав к себе.

– М-мандресов, не ори, м-может, еще в-выживет! Я и не т-такие раны на г-голове видел! Надо б-быстрее в г-госпиталь! Уходим! К-к черту в-войну! Отходим!

Скворцов спрыгнул с танка и подскочил к нам.

– Парни! У меня осталось пять снарядов. Съеб...м! Иначе всем будет хана, – рявкнул капитан-танкист.

– Ж-женя, с-сейчас раненых г-грузим на м-машину и уходим! – ответил я ему, и мы вместе с Мандресовым начали подгонять солдат.

Четырех мертвых саперов забросили спереди на ребристый лист, Гришу посадили к Хаджиеву в левый десант. Калиновского, аккуратно поддерживая ему голову, затащили в правый отсек. Раненые Фадеев и два сапера, которым не нашлось места на этой колеснице смерти, поплелись следом за бронемашинной. Уцелевшие солдаты и офицеры расстреливали магазин за магазином по сторонам. В хвосте колонны полз танк, развернув назад башню и огрызаясь последними снарядами.

Скорее отсюда, из ада, из рассадника смерти.

ДЕСАНТ В ОГНЕННЫЙ КАПКАН

Колонна дивизии растянулась по узкому шоссе и медленно двигалась вдоль поселков и кишлаков. На горизонте виднелся Чарикар, оттуда предстояло десантироваться в Панджшерское ущелье. Все нервничали. В позапрошлом году там разгромили целый мотострелковый батальон. Прошлогодний июль тоже был тяжелым. Погиб экипаж БМП из нашей первой роты, бронемашина взорвалась и сгорела. Гиблое место. Горы, «духи», укрепрайоны, мины. Ничего хорошего мы не ожидали.

Я сидел сверху башни, расправив плечи, положив ноги на пушку, и подставлял лицо свежему ветерку. Охлаждался. Печет, как будто и не середина ноября, а август.

– Эй, комиссар, хватит гарцевать, словно на коне. Ты же не скульптура императора Николая Первого. Слезь, не будь мишенью. Слишком часто в тебя стреляют, – проговорив это, комбат машинально подкрутил усы. Переживает. Он в Панджшере уже бывал и еще раз туда попасть не хотел.

Я вздохнул, послушался совета и спустился вниз, разлегшись возле открытого люка старшего стрелка. На освободившееся место тотчас запрыгнул «комсомолец». Виктор был пониже меня ростом, и когда он сел, то не торчал над башней, как я. Внезапно раздавшаяся очередь сбила с прапорщика кепку-афганку, а сам он упал сверху прямо на меня. Впереди раздался взрыв, и загорелся грузовик.

Комбат скомандовал: «Стоп! Засада!» Мы спрыгнули и спрятались за броню. Наводчик развернул башню и расстрелял хибару, из которой выстрелил гранатометчик.

«Духов» не было видно, и пехота разрядила магазины наугад в виноградники. Казалось бы, откуда взялась новая зелень? Летом мы уничтожили на двести метров вокруг растительность и завалили дувалы. Но теперь из зарослей стреляют с трехсот метров. Нужно, наверное, сровнять с землей вправо и влево от дороги все кочки, растительность и превратить «зеленку» во взлетно-посадочную полосу. Но тогда начнут бить из минометов и безоткаток. Лишь расстояние чуть увеличится. А с каждым разрушенным домом, с каждым сожженным кишлаком плодим «духов» все больше и больше. Снами воюют от мала до велика. Что нам с ними делать?

– «Комсомол», возьми чепчик, – поднял из пыли головной убор Подорожник. – Витек, тебе повезло, пуля прошла в сантиметре от скальпа. Чуть-чуть – и ты покойник.

От этих слов прапорщика передернуло, руки задрожали, и Бугрим обронил кепочку. Виктор присел на асфальт, достал смятую пачку сигарет, вынул одну сигарету и прикурил. Я посмотрел в сторону «зеленки». Где же тот «дух», который мог меня убить? Не сгони меня Василий Иванович вниз, валялся бы я на дороге, прикрытый брезентом.

Подорожник улыбнулся многозначительно и произнес:

– Вот видишь, комиссар, я тебе жизнь спас! А мог бы сейчас лежать с дырками в башке! Скажи спасибо, что я предугадал опасность.

– Спасибо, Василий Иванович! Я ваш должник.

– Пожалуйста. Не за что. С тебя пузырь. И надень в конце концов бронежилет и каску!

– Обязательно! Только подберу по размеру, – отшутился я.

Медик вернулся от сгоревшего грузовика. Ребятам повезло. Граната разворотила кузов, но кабину не задела. Чуть контузило водителя. А Головской был, как всегда, в каске, ему хоть бы что. Правда, кабину покорежило, дверцу заклинило. Толстяк Головской с трудом выбрался через левую сторону, протискиваясь между рулем и сиденьем.

Начало операции не сулило ничего хорошего...

Вертолет, на котором я летел в район десантирования, бросало из стороны в сторону. Первым бортом высадили разведвзвод с Чухвастовым и Пыжом, вторым – взвод АГС и комбата. Третий борт вез меня, расчет миномета и взвод связи. Барражирующие в небе «крокодилы» расстреливали «нурсами» для профилактики горные вершины. Я прильнул к иллюминатору: сквозь легкий туман уже виднелась площадка десантирования. Борт медленно двигался к ней левым боком. В этот миг под ногами солдата, изготовившегося для прыжка, раздался звонкий шелчок и в днище сверкнул рикошет от пули.

– «Ленинград»! Ты почему не поставил автомат на предохранитель? – рассердился я на Коршунова и дал ему пинка.

– Но я не стрелял! Это не я! – ответил испуганный связист.

И правда, еще одна пуля пробила кабину, но теперь пулевое отверстие образовалось в боковой стенке, возле иллюминатора.

– Борtach! Давай быстрее, а то собьют! – заорал я летчику.

Тот и сам увидел пробоины и срочно связался с пилотом. Вертолет завис над самой землей, и мы вместе с бортехником быстренько вытолкнули бойцов вниз. Солдаты, кувыркаясь, с ругательствами и воплями упали на площадку. Громко матерясь, последним спрыгнул я. Десять секунд – и двенадцать человек на земле! Вот это скорость! Жить захочешь – поторопись!

Вертушка легла набок и, дымя, резко ушла вправо. Потом, заложив крутой вираж, вертолет взмыл в небо. Лежащие вокруг бойцы стреляли куда попало в направлении противоположного склона. Я тоже расстрелял два магазина. Рядом со мной прошла очередь, и несколько пуль зарылись в каменистую землю.

Следующий вертолет высадил взвод Шведова. В него тотчас ударили пулеметные очереди. И эта вертушка задымила, но удержала высоту и сумела улететь. Подорожник приказал усилить огонь по «духам». К площадке подлетела еще одна пара вертолетов. Первый борт быстро высадил людей и уступил место следующему. Второй завис над вершиной, опираясь на одно колесо, и начал высадку солдат. Выскочили один боец, второй... Вот выпрыгнул замполит роты Серега Шкурдюк, за ним пара солдат. И тут раздалась длинная громкая очередь из крупнокалиберного пулемета. Вертолет, дернувшись, начал медленно заваливаться в ущелье. Звук двигателя стал прерывистым, упали обороты, ему не хватало мощности. Из люка вывалились еще два человека, а затем борт, накренившись, закувыркался в пропасть. Взрыв и удар соединились в один громкий хлопок. Снизу полыхнуло пламя и поднялось облако дыма. Из ущелья послышался треск горящего дюралюминия.

«Крокодилы» обрушили на противоположный хребет море огня, но пулеметы и автоматы мятежников не смолкали. Я лежал рядом с комбатом, расстреливая магазин за магазином. Во время перезарядки рожка патронами мой взгляд упал на лежащую возле локтя пулю. Она сверкнула сбоку минуту назад, и теперь я ее мог разглядеть. Стальной сердечник длиной сантиметров пять пробил бруствер и застрял в камушках.

– Иваныч, взгляните, из чего по нам лупят! – показал я подполковнику пулю.

– От ДШК! Вот из него они и завалили «Ми-8». Комиссар! Надо доставать людей из ущелья. Может, кто живой на склоне остался.

– А почему опять я? В «зеленке» мне досталось и теперь подставлять задницу?

Василий Иваныч задумчиво поглядел на меня и хмыкнул.

– Согласен. Тогда, Василь, твоя очередь под пулями побегать, – сказал комбат Чухвастову. – Вперед, тезка!

Замначальника штаба медленно пополз к месту катастрофы. Он перекатился в ближайшую ложбинку, где его прижали пулеметными очередями. Минут пять мои мысли пребывали в полном смятении. «Жить хочется! К черту войну! Зачем мне это надо? Что я один-единственный, кто должен лезть во все дыры? Пусть Шкурдюк ползет, его рота! Но ведь внизу кто-то кричит и зовет, а эти балбесы почему-то залегли и не спускаются на помощь», – размышлял я, терзаемый угрызениями совести.

– Василий Иванович, я посмотрю, в чем там заминка. Возьму с собой Шапкина. – Комбат, не глядя на меня, кивнул головой и продолжил стрелять одиночными по зарослям кустарника на противоположном склоне.

– Сашка! Бери станцию и за мной! – скомандовал я связисту.

Сержант без лишних пререканий поспешил следом. Пули плотно ложились вокруг нас.

– Шапкин, прижми ниже задницу, а то отстрелят! В учебке ползать по-пластунски не учили? – негодовал я на Сашку, потому что тот, не желая пачкаться, не полз, а передвигался на четвереньках.

Раскаленный металл врезался в каменистый гребень горы и с отвратительным визгом рикошетил во все стороны. Хорошо, что стрельба идет только с левого склона. Если «духи» такой же пулемет поставят и справа – нам всем смерть!

Сержант Шапкин полз следом за мной и громко матерился после каждой очереди. Конечно, неприятно, когда ежеминутно отлетающие камушки секут по щекам.

Я добрался до глубокой ложбины, в которой сидел бледный и изможденный Шкурдюк. Рядом теснились Чухвастов и четверо растерянных солдат.

– Ну что там случилось, Серега? Не зацепило осколками? – забеспокоился я.

– Нет. Перелякался дюже, но штаны сухие. К счастью, не задело.

– Кто еще был в вертолете?

– Не знаю, выпрыгнул ли Арамов... Мы вместе с ним летели... Я выскочил, и почти сразу вертолет упал и взорвался... – ответил Сергей медленно, с большими усилиями, делая долгие паузы. Его колотила мелкая дрожь...

Солдаты лежали, прижавшись друг к другу, как испуганные воробьи. Они понимали, что сейчас офицеры станут всех поднимать и гнать вниз к раненым и убитым. Доставать тела из глубокого ущелья под обстрелом было страшно. Ни у кого не было желания в любую секунду превратиться в окровавленный труп и лежать на земле рядом с мертвым приятелем.

– Вася! Чего ждем-то? Внизу кто-то орет и стонет! Нужно ползти!

– Вот сам и ползи, умный какой! Пулеметы молотят без остановки, головы не поднять!

– А ты ее и не поднимай! По-пластунски, змейкой, мордой в землю! – предложил я капитану.

– Стар я ползать под обстрелами. Помоложе найдутся, – возразил Вася и нахмурился.

– На меня намекаешь? – усмехнулся я.

– Ни на кого не намекаю. Я простой замначальника штаба батальона. Мне по должности не положено водить в атаку людей, воодушевлять бойцов. Другие на это учились...

Я взглянул на Сережку, но того била сильная дрожь. После болезни не окреп, а тут еще такой шок! Черт! Опять мне в передрагу попадать! До чего не хочется подставлять башку! На какое-то время я закрыл глаза, размышляя о предстоящей вылазке, достал номерок из-под тельняшки и погладил его для удачи. Убьют, как пить дать, убьют! Если послать одних солдат, а самому остаться в этой спасительной ложбинке? Нет, они наверняка где-нибудь залягут и никого искать не станут.

– Что ж, миссию следопыта беру на себя, – сказал я Чухвастову. – Сейчас с Шапкиным спущусь метров на пятнадцать по склону, а вы прикрывайте меня. Огонь из всех стволов! Отвлекайте пулеметчиков!

В этот момент на наши ноги сверху рухнуло тело. Оно было довольно крупных размеров, в шлемофоне вертолетчика, с окровавленным лицом, и громко материлось.

– Ты кто? – удивился Чухвастов. – И откуда свалился?

– Я бортехник! Я же из этого вертолета! Как живой остался, не пойму! – торопливо принялся объяснять бортач. – Меня выбросило из люка вниз головой. Вот морду себе разбил при падении о камни.

– Сколько человек осталось в вертушке? – поинтересовался я.

– Ваших трое, кажется, и экипаж. Там кто-то стонет среди валунов.

– Шапкин, за мной! – рявкнул я, плюнул три раза через левое плечо и выполз из укрытия.

Сержант, чертыхаясь, выбрался следом. Пулеметная очередь взрыхлила землю метрах пяти от меня. Плохо! Пристрелялись гады! Справа кто-то громко стонал и звал на помощь. Я перекатился туда и увидел обгорелого, закопченного летуна.

– Эй, брат, ты кто? – крикнул я ему. – Идти или ползти можешь?

– Нет, не могу. Ноги обожжены. А-а-а-а! – громко, с надрывом в голосе прохрипел в ответ вертолетчик. – Я командир эскадрильи! Подполковник! Помогите кто-нибудь ради бога!

– Сейчас поможем. Держись! – обнадежил я летчика и взял у связиста радиостанцию. – «Багор», я «Багор-300», докладываю обстановку: найден живой член экипажа. Нужны «карандаши», чтоб выносили. Летчик ранен, обгорели ноги. Срочно сюда на помощь.

– Сейчас пришло. У тебя промедол есть? – спросил комбат.

– Кто на связи? Всем остальным молчать! Что видишь внизу? – перебил Подорожника голос какого-то начальника. – Это с вами говорит «Заря-1», докладывайте обстановку!

Ого! Это комдив вклинился в разговор. А что сказать? Ни хрена не видно: сплошная дымовая завеса. Вертушка коптит горящими колесами и топливом из баков. Дюралюминий с громким треском и шипением полыхает, время от времени стреляя искрами. Но это хорошо, что много копоти: «духовские» пулеметчики потеряли нас из виду.

– Нашли одного раненого! Это командир вертушки. Нужна срочная эвакуация. Других никого пока не вижу. Сейчас спущусь вниз, как только заберут раненого. Докладывает заместитель «Багра» «Багор-300».

– Давай, сынок, действуй! Удачи! – напутствовал полковник Баринов.

Ишь, папочка нашелся! Лучше огневые точки «духов» подавите артиллерией. Потому что ползти дальше – значит выбраться из дымового прикрытия. Будем прекрасной мишенью.

Сверху зашуршали камушки, и к нам подползли Шкурдюк, Чухвастов, Сероиван и солдаты.

– Ну вот и славно! Выносите подполковника, а я пробираюсь к пожарищу. Может, и там есть кто живой, – сказал я Чухвастову и, поплевав через левое плечо, направился дальше.

Шапкин, словно нитка за иголкой, передвигался за мной. Ползти стало совершенно невозможно. Едкий дым и гарь стелились по земле, вызывая жжение во рту и глазах. Запах разлившегося керосина затруднял дыхание. Вначале я поднялся на четвереньки, затем пошел чуть пригибаясь, а потом и в полный рост. Миновав дымовую завесу, мы с сержантом оказались возле горящей кабины. Внутри нее находился пилот. Это была в общем-то уже не кабина, а бесформенные, разбросанные повсюду куски обшивки, стекла, пластика, которые продолжали гореть. Летчик сидел в кресле, пристегнутый ремнем, а языки пламени лизали его руки, ноги и закрытый гермошлем. Тело полностью обгорело, оплавилось и пузырилось под действием огромной температуры. Обугленная головешка – а ведь полчаса назад он был человеком, живым, здоровым, уверенным в себе, молодым офицером.

– Наверное, это «правак». Не успел выпрыгнуть, потому что был пристегнут. Комэск сумел, а он – нет. Да и кабина на его сторону завалилась. Шансов не было никаких. Как подполковник умудрился выскочить? Непонятно! – рассуждал я вслух. Разговаривал, чтобы успо-

коить и себя, и молодого сержанта. Непривычно для нормального человека видеть обугленное человеческое мясо. На нас пахло кислым, противным запахом.

Шапкин вдохнул, согнулся пополам, и его вывернуло наизнанку прямо в пепелище.

– Прекрати так громко блевать, Сашка! А то и меня вырвет! Я уже и так еле сдерживаюсь! – крикнул я связисту, пытаюсь хоть как-то подбодрить его.

Отойдя чуть в сторону от рычащего, мучающегося бойца, я вышел в эфир и сообщил о своей страшной находке. В этот момент снизу раздался чей-то нечеловеческий вопль. Крик сопровождался проклятиями и многоэтажными ругательствами.

– Шапкин, хватит рычать на обломки вертолета и пугать горы! Внизу кто-то живой орет. Скорее за мной! – приказал я и послал длинную очередь по противоположному склону ущелья, для успокоения нервов. Вертолет развалился на множество кусков и фрагментов, которыми был усеян весь склон. Кабина пилотов лежала сверху, хвостовая балка – чуть в стороне, а винты и двигатели – далеко внизу в ущелье. Между тремя огромными валунами застряло перевернутое днище с уцелевшим колесом. Вот отсюда и раздавались крики. Лишь бы только не засада, устроенная «духами». Голос был с акцентом, и человек кричал что-то неразборчивое. Из клубов дыма появился сапер Фролов – пришел на наши голоса. Солдат сбился с пути.

– О! Витька! Пойдем с нами вниз. Вдруг там мины! Щуп у тебя с собой? – задал я вопрос саперу.

– Да, сейчас соберу, скручу, – затараторил боец.

Облегчивший желудок Шапкин приободрился. Он взобрался на самый большой камень и осторожно выглянул из-за груды мелких камней.

– Никого не видно: ни наших, ни «духов». Интересно, кто же тут орал? – недоумевал сержант.

Словно эхом откуда-то снизу раздался стон, опровергающий наблюдения Шапкина. Незвестный где-то мучился и боролся за жизнь. Сапер прокрался за камни, заглянул под дно вертолета и обрадованно сказал:

– Тут он лежит! Весь в крови. Какой-то солдат. Но я его не узнаю.

Мы спустились к телу и ужаснулись. В луже крови лежал боец, лицо которого опознать было просто невозможно. Как он выжил? Изодранное хэбэ, порванные штаны, одна нога в сапоге, а другая лишь обмотана в портянку. Сапог валялся чуть в стороне. Выходит, счастливчик долетел до самого дна ущелья! И живой! Я взглянул наверх. Н-да! Как же его вынести-то отсюда? Крутой спуск метров двести! Эвакуировать можно только ползком. Если положить на плащ-палатку, то всех несущих ее сразу расстреляют. Лучшей мишени не придумаешь – как пить дать, перестреляют! Словно в подтверждение этих мыслей вражеский пулеметчик вновь переключил свое внимание на нас. Очередь хлестнула по днищу, валунам и пересохшему руслу ручья.

«Не донести нам его, никак не спасти. Если только положить кому на загривок?» – рассуждал я про себя.

– Эй, Шапкин! Ты готов вытащить раненого? Кажется, это Алахвердыев. Сержант из второй роты. Не желаешь спасти товарища?

– Как я его спасу? – насутился сержант.

– Очень просто. Укладываем его тебе на спину, и ты не спеша ползешь по склону к вершине. Автомат и радиостанцию я возьму себе. Давай берись. Будешь медбратом-спасителем.

– Может быть, у Фролова лучше получится? Я после ранения.

– Дружище, тебя тогда осколками в щеку ранило. Да и было это почти год назад. Вот если б в спину или жопу, тогда другое дело. Хватит отлынивать. Сапер меньше ростом. В тебе здоровья поболее будет!

– Товарищ старший лейтенант! А может, вы сможете? Заодно он вам и спину прикроет, на себя пули примет в случае чего, – ухмыльнулся сержант.

– Во-во, Шапкин, он тебе сейчас спину и прикроет. Придумал ты ловко, молодец! Замкомбата ползет с раненым на спине, а вы вдвоем курите и в носу ковыряете!

Сашка, смирившись с неизбежным, лег на щебень, а мы аккуратно положили сверху раненого, скрестив его руки на шее Шапкина. Чтобы тело не свалилось, мы придерживали Алахвердыева с обеих сторон за плечи. Вершина, где сидел комбат, непрерывно изрыгала автоматный и пулеметный огонь. И мы с сапером для самоуспокоения выпускали очередь за очередью. Стреляли, не целясь в сторону противоположного склона, заросшего кустарником и деревьями. Где-то там хорошо замаскированные блиндажи и пулеметные гнезда врага. Надо же! Попали в центр укрепрайона! И какой идиот спланировал место десантирования? Прямо в лагерь Ахмад Шаха высадили!

Через полчаса Шапкин дополз до середины склона. Стрельба постепенно прекратилась. «Духи», скорее всего, выполнив план по вертолетам и трупам, ушли. Наступило затишье. Взяв тяжелораненого под руки и за ноги, мы стали торопливо ползти вверх. Возле дымящегося остова нам встретились два солдата. С их помощью дело пошло еще быстрее.

– «Багор», вызывайте «Птичку»! Нужна срочная эвакуация! – сообщил я комбату. – «Карандаш» почти наверху.

– «Багор-300»! Вытянуть и «ноль двадцать первого», а не только «двухсотых», потому что это будет единственный борт. Больше не прилетит ни одна вертушка. Выноси сгоревшего пилота!

Я задумчиво стоял возле пожарища, в центре которого продолжал гореть труп пилота. Как его достать из горящей кабины?

– Эй, Фролов, у тебя «кошка» есть с собой? – спросил я у солдата.

– Да, к мешку привязана... Принести? – откликнулся сапер.

– Беги скорей. Времени мало. Как его потом эвакуируем?

Солдат быстро вернулся. После третьего броска удалось зацепить кресло пилота и совместными усилиями вытянули погибшего в безопасное место.

А дальше? Солдаты расстелили на камнях плащ-палатку, тлеющее кресло наклонили, и труп пилота соскользнул на нее. С высоты спустились на помощь еще трое бойцов из взвода обеспечения. Они взяли брезент за углы, подняли и, сгорбившись под тяжестью, медленно понесли. Палатка пару раз ударилась о камни и расплзлась пополам. Тело погибшего летчика было таким горячим, что прожгло материал почти сразу.

– Бойцы! Еще палатки тащите и плащ от химзащиты. Хрен с ними, если и испортятся, после рейда имущество спишем.

Солдаты надели рукавицы, чтобы можно было взяться, не обжигаясь. Затем полили накидку водой из фляжек и перекатали на нее обгоревшее тело.

В моем желудке бушевал гейзер. Я прилагал титанические усилия, удерживая завтрак внутри, чтобы не пустить фонтан на глазах у солдат. Более страшной картины в своей жизни я не видел никогда. Разум протестовал против реальности всего происходящего.

Я вновь вышел на связь с комбатом и попросил отправить ко мне еще людей. Оставалось найти живого или мертвого Арамова. Да и должны были находиться где-то трупы еще двух солдат. К нам спустился Хмурцев и четверо связистов. Мы растянулись в цепь и пошли вправо по склону. Через тридцать метров ребята обнаружили сгоревший, с обугленным лицом, труп бойца. То, что было недавно военной формой, превратилось в кровавые лохмотья. Солдаты положили убитого на палатку и унесли наверх. Рядом нашелся второй почерневший от огня труп.

– Кажется, это Петров, а тот – Исламов, – задумчиво произнес Шкурдюк.

– Нужно проверить у них смертные патроны-жетончики, – распорядился я. – Если их нет, то вложить в карманы записки. В морге будет понятно, кто есть кто.

– Хорошо, сейчас пойду наверх, займусь этим, – ответил Шкурдюк.

Мой взгляд упал чуть в сторону: за камнями торчало что-то темное. Я толкнул в бок Сергея, и мы побежали к каменным навалам. За булыжником, раскинув руки и слегка подогнув ноги, лежал на спине старший лейтенант Арамов. Автомат и нагрудник без лямок отброшены в сторону, ключья хэбэ валялись разбросанные тут и там. Бахадыр полностью обгорел. Пустые глазницы смотрели в небо. Кончики пальцев обгорели, а половой орган превратился в маленькую головешку. Кожа выглядела так, словно какая-то сволочь по телу прошла гигантской паяльной лампой. Я в ужасе смотрел на мертвого приятеля. И вновь погладил на счастье номерок и поплевал в злых «духов».

– Баха! – вырвался пронзительный крик из груди Шкурдюка, и замполит роты громко зарыдал. – Как же так? Почему не выпрыгнул? Он мог выскочить! У двери же сидел. Видимо, выталкивал солдат наружу до последней секунды, а сам не сумел спастись! Но почему он раздетый? Кто с него сорвал одежду?

– Серега! Это от взрыва. Взрывная волна содрала даже лифчик, видишь, лямки порваны. На вершине появился комбат и громко скомандовал:

– Эй, вы там, внизу! Скорее поднимайте всех сюда. Сейчас появится вертушка – последняя. Не успеете – на себе понесете ребят к броне.

После этой угрозы вниз спустился Пыж и разведчики. Мы подхватили мертвого командира роты и быстро вынесли на пятачок для приземления вертолета. Только занесли наверх, как в небе показался «Ми-8», делающий сложный вираж против ветра. Машина камнем устремилась вниз и довольно жестко приземлилась. Во время выполнения маневра по ней откуда-то выпустили зенитную ракету и несколько пулеметных очередей. Промазали.

Очевидно, «духи» прекратили стрельбу, надеясь на крупную добычу. Ждали борт экспедиции спасения и на некоторое время затаились. Теперь они весь огонь сконцентрировали на вертолете. Решили, наверное, удвоить показатели по сбитым летательным аппаратам.

Я вспомнил про лежащий в камнях автомат Арамова и стремглав бросился вниз. Тем временем первыми осторожно погрузили раненых комэска и Алахвердыева, а потом тела убитых. Стояла невообразимая суета. Еще бы! Трудно проводить эвакуацию при работающем двигателе, под крутящимися винтами и под огнем противника.

Я успел вернуться и протянул автомат борттехнику. Тот схватил его за приклад и сразу захлопнул люк. Вертолет камнем устремился вниз в ущелье, наклонившись на правый бок, а затем резко выровнялся и, петляя по распадку, умчался на базу.

Пыж задумчиво почесал подбородок и спросил у меня:

– Никифорыч, тебе пистолет нужен?

– Какой пистолет? – удивился я.

– Да вот, командира эскадрильи. АПС – автоматический пистолет Стечкина. Я у него из рук забрал, чтоб в бессознательном состоянии не пальнул в кого-нибудь. А когда подполковника на борт подняли и увезли, вспомнил, что кобуру к своему ремню пристегнул. Забыл внутрь вертушки бросить.

– Ладно, сделаем так: спустимся к полку, я поеду в госпиталь к нашим бойцам и завезу пистолет. На броне мне отдашь, и все дела. А пока поноси. Пойдем, Коля, может, в обломках еще что-то найдется. Летчики просили отыскать черные ящики для комиссии по расследованию катастроф.

– Ну что ж, пойдём! – согласился разведчик.

Мы побрели по осыпям к еще дымящимся листам дюралю. Между камней валялись какие-то шестеренки, болты, осколки стекла и рваные куски металла. За нами следом пошли

Шкурдюк, Хмурцев, Шапкин и солдат-сапер. Среди дымящегося пепла Фролов разглядел искаженную оплавленную оранжевую шкатулку. Это и был один из черных ящиков.

Что-то блеснуло на дне ущелья. Туда отправились Фролов и Шапкин. Вскоре бойцы вернулись, неся гермошлем, большую сферу защитного цвета, с забралом из плекса. На шлеме белой краской выведен номер борта вертолета и еще какие-то обозначения.

– Наверное, это сфера комэска. «Правак» сгорел вместе с шлемаком. Видимо, когда летчик выбросился через свою форточку, шлем укатился вниз, – предположил я.

– Расстреляем или сожжем? – спросил Шапкин.

– Нет, Сашка, не расстреляем! Привязывай шлем к мешку, понесешь домой. Будет сувениром. Я его над койкой повешу.

– А почему я? – запротестовал сержант. – Может, сразу заберете?

– Сержант, ты постоянно свои проблемы пытаешься превратить в мои!

– Какие же это мои? Мне эта кастрюля даром не нужна. Лишний вес!

– Отставить разговорчики! – гаркнул я. – А ну, продолжай зарабатывать очки на орден!

– Ну, если дадут орден Красной Звезды, тогда другое дело! – пошутил невесело сержант.

К нам подошел огромный, как монумент, взводный минометчик Волчук. Для этого офицера Панджшер был первым рейдом. Он пока не освоился на войне, таращил глаза и всему удивлялся.

– Ребята, я с собой взял в горы фотоаппарат! Может, снимемся на память?

– Конечно! Если пленка имеется – фотографируй! – обрадовался Хмурцев. – Только не испортить кадры!

Офицеры принялись позировать на фоне огня и дыма, надевая по очереди гермошлем, то у разбитой кабины, то у перевернутого днища. Пленка закончилась быстро. «Духи» молчали, и наша наглость сошла нам с рук. Наверное, мы им порядком надоели, или, что скорее всего, они ожидали другую, более ценную добычу. Ведь за сбитый вертолет стрелок получит миллион афганей, а за наши жизни и сотни тысяч не дадут.

Комбат сидел с задумчивым видом в заново отстроенном СПСе. Он прихлебывал из большой алюминиевой кружки чай и о чем-то рассуждал с Сериованом.

– Ну, шо, замполит, проголодался? – встретил мое появление Подорожник. – Сидай, гостем будешь. Покуда ты по ущелью скакал, воевал, трофеи собирал, фотографировался, я нам крепость выстроил! О тебе позаботился, костерок развел, чаек сварганил. Гляди, земляк, – обратился он к Сериовану, – нахлебник явился! Вместо того чтобы быть комбату «ридной мамой», меня бросил и бегаем в войну играть!

– В смысле? – удивился я.

– В прямом! Я тебе шо казал? Сходить посмотреть, как там дела, отправить вниз людей на выручку. А ты шо сделал?

– Что я сделал?

– Сам поперся, героя из себя изображаешь.

– Я никого не изображал. Шкурдюк сидел еле живой, отходил от шока, а бойцы морды в землю и ни шагу в сторону. Это был тот самый пресловутый личный пример. Чтоб комбат не говорил: мол, у замполитов стиль работы «делай, как я сказал», а я не болтаю, а делаю.

– А в результате мы могли тебя потерять. Был шанс стать еще раз Героем Советского Союза. Но посмертно!

– Спасибо за ласку и комплименты, – усмехнулся я.

– Не за что. Вот тебе кружка, вот чайник, сахарок – пара кусков, угощайся. Сидай, не стесняйся.

– А я не стесняюсь, – ответил я и устроился с противоположной стороны, чтобы табачный дым не несло в лицо.

Желудок громко заурчал, напомнив, что с утра в него не попало ни грамма съестного. Я вынул из мешка суточную норму маленьких баночек, вскрыл, подогрел и принялся уплетать.

– Проглот! Ох, ты и жрать горазд, комиссар! – улыбнулся Подорожник.

– Василий Иванович! Я сегодня туда-сюда, на дно ущелья три раза спускался. Кроссовки полностью разбил. Сил нет совершенно. Ем впервые!

– Ешь, я шучу! А если бы обулся в сапоги, то и не сбивал бы кроссовки. Никак ты не расстанешься с анархией!

– Если бы у меня были такие же, как у вас, товарищ подполковник, австрийские ботинки, я бы в них бегал. А в отечественных говнодавах невозможно ходить. Ноги через час отвалятся или в кровь сотрутся.

Я быстро умял дневной рацион и задумался. Почесался, пошевелил пальцами ног, отдыхающих без обуви, шаркнул пятками по гладкому камню. Затем пару раз зевнул и решил покемарить.

– Эй! Эге-ге! Комиссар, а политинформация командиру? – прервал мой сон комбат. – Ты кто у нас по должности – рейнджер или замполит? Кто будет просвещать управление батальона?

– О чем говорить? О внутренней или внешней политике? Можно об армии. Докладываю: грядет очередная перетряска армейской верхушки. Язов производит смену старого руководства на новое. У меня в мешке свежая газета «Красная Звезда» с новыми назначениями генералов. Дать почитать?

– Хм-м... С новым министром, Никифор, я, можно сказать, лично знаком, – усмехнулся Подорожник. – Видел его, как тебя, и за ручку здоровался! В ту пору я служил в Среднеазиатском округе, в гнусной дыре возле озера Балхаш. Где только не побывал по молодости... Прошел все убогие гарнизоны, начиная от Эмбы! Как вспомнишь, так вздрогнешь. Я тогда командовал ротой. Приехал Дмитрий Тимофеевич проверять наш полк. Он тогда командовал округом. Ох, и матюжник! Настоящий фронтовик! Выстроили полк на смотр, генерал прохаживается вдоль строя, осматривает внешний вид офицеров. Рядом со мной в одной шеренге стоял капитан Порфирьев. Не офицер, а бесценный кадр! Древний, как помет мамонта. Каждый день за воротник поллитрушку закладывал. Подходит к нам командующий, я ему представился. Генерал поздоровался, пожал руку и поравнялся с Порфирьевым. Тот докладывает: «Капитан Порфирьев, помощник начальника штаба полка». Генерал улыбнулся, сочувственно похлопал капитана по плечу. Было от чего расчувствоваться: перед ним стоял офицер, седой как лунь, в выгоревшем кителе, с лицом землистого цвета, испещренным глубокими морщинами. Вояка! Службист! Язов взглянул на него и окончательно расчувствовался: «Ну что, дружище, давно, наверное, капитаном? Устал уже в этом звании?» Свои слова генерал произнес, машинально сняв с головы капитана фуражку и проверяя наличие ниток и иголок. А Петя Порфирьев в ответ прохрипел: «Никак нет! Недолго. Долго был майором!» (Петю месяц назад сняли с должности и разжаловали до капитана.) Язов посмотрел на Петра, плюнул в сердцах на плац и швырнул об асфальт выцветшую повседневную фуражку. Больше Язов ни с кем не разговаривал и никому не сочувствовал. Таково было мое знакомство с министром.

– Знакомство довольно шапочное. Вам, Василий Иванович, не досталось за компанию? Вашу фуражку не топтали? – съехидничал я.

– Ты посмотри, Сероиван, как осмелели молодые офицеры? Еще вчера Никифор и слова против сказать не смел! Бледнел при разговоре со мной, не перечил. А теперь он подшучивает над комбатом. Ладно, прощаю плоские шуточки, отпущенные в мой адрес. Но исключительно учитывая героические заслуги. Иди спи, вояка.

Итак, что мы имели в этом почти безнадежном положении? Вокруг как минимум на пятнадцать километров одни «духи». Первая и третья роты где-то гораздо ниже по руслу реки. До базы десантников в Анаве топать еще дальше. Моджахедов вокруг тьма. И как выбраться из этой ловушки? Западня какая-то. Впереди, справа и слева – огневые точки мятежников. Сзади бородатые пока не стреляют. Пока...

Но кто знает, что будет дальше? Людей для самостоятельного выхода из окружения мало! Десять офицеров, пара прапорщиков, тридцать сержантов и солдат.

Итого: сорок два ствола или штыка. Не густо...

ОГНЕННАЯ ЛОВУШКА

Четыре высотки, на которых мы разместились, запестрели демаскирующими бело-серыми флагами. Это бойцы сушили на солнышке портянки. Куски материи, прижатые по краям камешками, реяли, словно пробитые шрапнелью и обожженные порохом боевые штандарты. Дух, который они источали, мог сбить с ног даже скунса. Этот постмодернистский натюрморт вызывал ощущение надвигающейся катастрофы.

Обломки металла давно догорели, дым рассеялся, но по-прежнему оставался устойчивый запах пожарища, разлившегося керосина и паленого человеческого мяса. Время от времени мы спускались к месту падения борта, где лежали россыпи металлических кусков обшивки, пытаясь разыскать еще один черный ящик. Солдаты собирали на память о войне оплавленные куски стекла и заклепки. Я тоже подобрал пару стальных сердечников. Это были те самые пули из длинной очереди, прошившей насыпь, но не попавшей в мое брненное тело.

Три дня тревожного ожидания нашей дальнейшей участи тянулись ужасно медленно. Авиация бомбила окрестные горные вершины, артиллерия наносила удары по хребтам и ущельям. Днем солдаты дремали, а по ночам треть из них отдыхали, остальные дежурили, сменяя друг друга по очереди на постах. Офицеры ходили, проверяли часовых, будили, чтобы не проспали «духов» и чтобы вся наша группа не оказалась ночью вырезанной. Враг, как выяснилось, в этом районе был многочисленным, хорошо подготовленным и коварным. Интересно, какая сволочь сообщила бородатым район нашего десантирования, в результате чего мы оказались в ловушке. Засада, судя по всему, готовилась заранее и тщательно.

Пулеметы мятежников молчали, на нас не разменивались. Пехота им была не интересна. Затаились и ждали, когда прилетят винтокрылые «птицы», чтобы эвакуировать попавших в беду людей.

Новости поступали к нам одна хуже другой. Учитывая плотную противовоздушную оборону противника, командование приняло решение десантирование более не проводить, вертолеты за нами не присылать, а эвакуацию провести иным способом. Это означало: предстоит топать, топать и топать по горным тропам...

Продукты и вода были на исходе, а командиры в штабе армейской группировки продолжали обдумывать, как выводить батальон из окружения. Смешно сказать, батальон! И роты не наберется! А «духов» в районе Панджшера около десяти тысяч. Вокруг Анавы (кишлака, к которому нам нужно выбираться) несколько тысяч мятежников. Это по самым оптимистическим, приблизительным подсчетам. Вот влипли...

Наконец ранним утром на четвертые сутки раздумий командир дивизии Баринов отдал приказ об отходе. Филатов спланировал с Подорожником маршрут движения. Совместно в деталях согласовали переход по гребню хребта, пересечение одного ущелья. Далее, двигаясь по второй горной гряде, мы должны были выйти на соединение с остальными ротами батальона. В то время, когда все было подготовлено и согласовано, кто-то на самом верху поменял замысел в корне. Руководители сообщили: в кишлаке, что располагался в трех километрах от нашей площадки, действует афганский полк. Он на подходе. Мы соединяемся с афганцами, прочесываем ущелье и затем возвращаемся к дивизии.

– Как так, спуститься с гор? – удивился комбат, разговаривая по связи с начальством из штаба. – А кто будет прикрывать нас сверху? У меня мало людей, мы нагружены оружием! Необходимо два взвода сажать на вершины, господствующие над ущельем. Это человек двадцать. А у «духов» несколько ДШК замаскированы. Попробуй-ка забраться на противоположный склон! В бинокль никого не видно, мятежники не показываются, но то, что они не ушли, ясно как день! Выжидают.

– Не обсуждать приказ! Идите на помощь «зеленым»! – последовал начальственный рык.

– Я не пойду в западню! Какой полк у афганцев? Спецназ госбезопасности?

– Пехотный полк. Хороший. Боевые ребята, – успокоил начальник.

– Вы сами видели этих боевых ребят? Сколько штыков? Пятьдесят? Сто пятьдесят? Двести? Какое-нибудь стадо баранов! Разбегутся при первых же выстрелах! – продолжал протестовать Василий Иванович.

– Отставить разговорчики! Начало движения в девять утра. Осмотрите развалины, что находятся вдоль дороги, на пути следования батальона! – рявкнул штабной офицер и прекратил пререкания, уйдя из эфира.

– Сука штабная! Тварь! Запустить бы подлую крысу в ту дыру, куда он нас хочет загнать. Просто мечтаю увидеть бегающими под пулями всех этих теоретиков-педиков! Планируют, мудрят, не выходя из кабинетов, а мы потом башку в пекло суем, – громко возмутился комбат.

Чапай закурил сигарету, несколько раз зло сплюнул на камни, продолжая бурчать под нос ругательства. Пальцы рук, держащие окурок, заметно подрагивали. Комбат много нервничал в последнее время. Я тоже не радовался навязанному нам маршруту. Чтобы успокоиться, я вдыхал полной грудью свежий горный воздух, пытаюсь расслабиться, и разминал пальцы босых ног. Внутренне, конечно, я содрогался от предстоящего рискованного путешествия, но отгонял дурные мысли и надеялся на счастье и удачу.

Никакой душман не принесет большего вреда, чем родной советский болван. Наша армия всегда славится дураками. Но дуболом в мирное время не так опасен. Война – это все-таки война. Не прав тот, кто придумал поговорку: «Чем больше в армии дубов – тем крепче оборона». Дубы почему-то поголовно пролезли в руководство. И как они только с небольшим набором извилин (и те натертые фуражкой) умудряются пробиваться на самый верх?

– Хватит расслабляться, политрук! Обувайся! Сейчас проверяемся, и в путь. Командиры взводов! Пересчитать солдат, проверить наличие оружия. В голове колонны разведвзвод! – громко скомандовал Иваныч. Людская масса на вершине закопошилась и пришла в движение. Мой зад и желудок почуяли неприятности...

У подножия горы теснились три домика, выложенных из серого речного булыжника. Невысокие узкие террасы одна за другой спускались к речушке. Во время таяния снегов она, может быть, и превращалась в реку, но сейчас это был тихий журчащий ручеек.

Разведчики пробежались по «избушкам», быстренько осмотрели помещения. Вроде бы все в порядке – никого нет.

Бойцы залегли за каменными дувалами, переводя дыхание. Подорожник вновь вышел на связь со штабом дивизии.

– Где «крокодил»? Мы заняли окраину населенного пункта. Здесь полнейшая тишина. Ни души! Местных жителей нет, «духов» пока не видно, но и афганского полка тоже.

– Неувязочка получилась, – ответил по связи кто-то из управления дивизии сонным голосом. – Армейское командование что-то переиграло. Афганцы до вас не дошли километров десять. Идите по руслу речки к ним на соединение. Они будут ждать.

– Вот козлы! Десять километров по руслу! Черт знает что! А если зажмут? Ловушка! Западня! – воскликнул Иваныч и распорядился: – Разглагольствовать некогда. Бегом к реке и как можно быстрее из этого каменного мешка. Разведвзвод, вперед! Затем идут связисты, миномет и вторая рота. В замыкании гранатометчики. Ветишин, не отставай, не задерживайся!

Сережка пребывал в задумчивом состоянии. В принципе он вполне мог и не оказаться в Панджшере. Перед рейдом лейтенант собирался жениться и должен был ехать в посольство расписываться. Но в последний момент передумал. Из-за чего-то поругались с невестой, и он сказал, что свадьбы не будет. Мол, иду в рейд, а после рейда посмотрим. Невеста всплила и

разбила в гнев четыре литровые бутылки водки, приготовленные для мероприятия, одна об другую. Разговор едва не закончился дракой. Ночью батальон отправился на боевые действия, а утром Золотарев из центра боевого управления вызвал Ветишина обратно в полк. Девушка умоляла его вернуться.

На вопрос Сергея, что ему делать, Подорожник, хитро глядя на вновь назначенного командира взвода АГС Ветишина, сказал:

– Наломал дров, набедокурил, а теперь не знаешь, как поступить? Делай так, как совесть подскажет. Вернешься в Кабул – Бог тебе судья. Может, там твое счастье. Но взвод останется брошен на сержанта Якубова. Гурбон – только набирающийся опыта, молодой сержант. Справится ли? Не наломал бы дров! У меня лишних офицеров, чтобы тебя заменить, нет.

– Наверное, останусь. Не поеду. Вот отвоюем, а потом, может, помиримся. Подумаем еще раз. Что скажешь, Никифор Никифорыч? – спросил Серега, ища поддержки.

– Пошли с нами. В горах будет много свободного времени, там спокойно обмозгуешь. Оставайся, Сережка! – предложил я.

– Решено! Никуда не возвращаюсь! В Панджшер! – махнул рукой Ветишин.

Наверное, это судьба. При десантировании пара пулеметных очередей попала в борт, на котором он летел. Уцелел. Теперь ему выпало выход из этого кошмарного ущелья прикрывать.

Я приветливо помахал Сергею. Он в ответ грустно улыбнулся. Управление торопливо двинулось вслед разведзводу. Мы спешили покинуть неприветливые, таящие постоянную угрозу места.

Разведчики спустились с террас и по ручью быстрым шагом пересекли кишлак. Теперь наш черед испытать удачу. Едва на краю последней террасы показались связисты и минометчики, как горы ожили. Со всех сторон ударили автоматы, пулеметы, заработал миномет, и среди камней разорвалось несколько минных фонтанчиков. Взрывы бросили нас наземь. Осколки с противнейшим визгом пролетели над моей головой и застучали по камням. В этот раз пронесло. Кусочек металла сбил с головы Подорожника кепку, едва чиркнув по макушке, а большой острый камень рассек лоб. Я прижался затылком и спиной к огромному валуну, а ноги и задница остались без прикрытия. По ним забарабанили камни и земля. Черт! Только минометов не хватало!

Быстро спрыгнули с террасы и прильнули к выложенной из камней шершавой стене. Пока что было не понятно, откуда конкретно стреляют. Казалось, огонь велся отовсюду. Мы действительно оказались в огненном мешке. Четыре вросших в землю домика с противоположной стороны были переоборудованы в блиндажи и доты. Узенькие, подслеповатые окошки-бойницы изрыгали из своих недр огневой шквал. Откуда-то с гребня горы, из кустарника, включились в бой крупнокалиберные пулеметы. Издали плевался минами миномет. Цепочка из нашей пехоты, вжимаясь в грязь, поползла от стены в ручей к массивным валунам. Я оглянулся назад и понял, что обратной дороги нет. Из тех домов, что проверили разведчики, тоже стреляли автоматчики и гранатометчики. Пovyлезали из укрытий! Гады! Ловушка захлопнулась...

Позади на тропе валялся АГС, рядом вверх ножками – станок, а вокруг раненые солдаты. Гурбон Якубов подтаскивал кого-то в укрытие, а остальные, кто был в сознании и мог стрелять, вели огонь. Кто не мог, бессильно лежали на земле. Их стоны доносились сквозь автоматный треск.

Я отстрелял «муху» в одно из строений. То же самое сделал Вадик Хмурцев. На минуту помогло, я надеялся: кто-то из «духов» умолк навеки.

Комбат, сидя за камнями, вызывал артиллерию на себя. Минометчики воткнули в землю «трубу» и с руки принялись посылать мину за миной в дальний кустарник. Скорее всего, миномет «духов» работал оттуда. А может, если повезет, Волчук зацепит кого-то из вражеских пулеметчиков.

Бойцы лежа передавали мины, которых было немного, штук тридцать. Этого хватило продержаться до открытия огня артиллеристами. Самоходные гаубицы из-за гор взялись обрабатывать склоны. Снаряды ложились к нам ближе и ближе. От точных попаданий сложились, словно карточные домики, пара хибарок. Но даже из развалин, из полуподвальных помещений кто-то упорно продолжал стрелять. Хорошую встречу нам тут приготовили. Горячую!

Накрытые артиллерией пулеметы и миномет мятежников замолчали, но «духовские» автоматчики только усилили стрельбу.

Гурбон дотащил к нам первого раненого. Это был Ветишин! Надо же, как глупо вышло! Вместо свадьбы получить пулю! Серега лежал перепачканный кровью, которая сочилась сквозь бинты. Глаза закрыты, лицо землистого цвета, он уже не стонал. Без сознания...

– Гурбон! – крикнул я сержанту. – Куда его задело? Он весь в крови!

– Две пули в животе и осколками перебита нога, – объяснил Якубов, растирая по лицу кровь, пот и грязь.

– Тебя задело?

– Нет, это кровь лейтенанта Ветишина.

– Кто еще ранен?

– Почти весь взвод. Вагриса убили, а еще четверо перевязываются. Абдулаев отстреливается, а остальные уже не стрелки. Я поползу Сидорова выносить, ему в грудь попали.

Сержант вернулся обратно, а мы усилили огонь для прикрытия. И скорее выбрались трое легкораненых, тянувшие за собой бездыханное тело друга. Гурбон вытащил еще одного тяжело раненого. Абдулаев притянул за ляжки АГС в чехле, громко крича что-то на родном языке и ругаясь по-русски. Из всех фраз я узнал узбекское «джаляп» и услышал множество родных выражений. Могуч русский язык! Мощнее и сочнее его ругательств не сыщешь! Сейчас даже афганцы по-русски матерятся...

– Василий Иванович! Станок от гранатомета забирать будем? – спросил я у комбата, продолжавшего вместе с капитаном-минометчиком корректировать артиллеристов.

– На хрен он сдался! Пусть валяется. Не поползем за ним: он под прицелом. Можем еще кого-то потерять. Оставим «духам» трофей для отчетности. Их очередь на себе станок тягать по горам.

В небе появилась четверка штурмовых вертолетов. «Крокодилы» встали в карусель и принялись осыпать «нурсами» ущелье. Металл засвистел осколками повсюду. Рассыпалась еще одна «избушка», загорелся сарай, вспыхнули стожки сена, в которых прятались мятежники. Отпрятались! Комбат отдал приказ на прорыв. Разведвзвод, оседлав господствующую вершину, отбивался от наседавших на них «духов», обеспечивая проход. Бородатые опоздали буквально на считанные минуты и не успели опередить Пыжа. Комбат, связисты и ходячие раненые, низко пригибаясь, побежали по ручью, то и дело падая в воду. Переползая, перекачываясь, прыгая с места на место, передовая группа добралась до поворота реки. Затем унесли Ветишина и еще двоих тяжело раненных бойцов.

– Гурбон, бери убитого и уползай! – скомандовал я Якубову.

– Понял! Ухожу! – ответил сержант и заторопился.

Он взвалил на себя труп и, низко пригибаясь, побрел между валунов. Вместе с ним ушел и Чухвастов с Сероиваном. Остались только минометчики и второй взвод.

– У тебя мины есть? – поинтересовался я у Волчука.

– Ни одной. Теперь это труба от самовара. Пользы никакой, только еще одна обуза на нашу голову.

– Ну тогда, Сашка, уходи к комбату, – предложил я.

– Никифорыч, а с АГСом что делать будем? Три ленты есть, а гранатомет лежит без толку! – проорал мне в лицо оглушенный офицер-минометчик.

– А что делать без станка? Как стрелять из него? Не удержишь в руках! – воскликнул я, досадуя.

– Это нормальный человек не удержит! Посмотри, как я с ним ловко управляюсь!

Волчук снял чехол, взгромоздил гранатомет на большущий камень, нажал на спуск и не отпустил его, пока не расстрелял ленту. Тут же бросил АГС на землю и запрыгал, дуя на пальцы.

– У-у-у! Отбил пальчики! Дергается, зараза! Еле удержал. Прыгает, словно мячик. Отдача сильная, неустойчив! Я сейчас его вон на тот высокий пенек положу и оттуда постреляю!

Старший лейтенант перебросил через плечи обе ленты с гранатами, повесил на шею автомат и с гранатометом в руках перебрался к поваленному дереву. Через пару минут Александр принялся молотить по кишлаку. Когда выстрелы прекратились, минометчик заорал:

– Амба! Гранаты кончились! Более прикрывать отход нечем. Надо быстрее отсюда выбираться!

– Сашка, возвращайся! – крикнул я ему в ответ. – Окружат!

– Нет, замполит! Твоя очередь, ты как-никак замкомбата! Иди вперед, мои минометчики следом, а вторая рота прикроет!

«Рота... Восемь человек... Сильное прикрытие!» – подумал я.

– Серега! – обратился я к стреляющему по развалинам Шкурдюку. – Я побежал, а вы по очереди за мной!

Замполит роты кивнул в знак согласия и перезарядил автомат. Пятьдесят метров открытого пространства. Полсотни метров смертельного риска, ожидания пули в спину... На занятиях по физподготовке при беге в сапогах с низкого старта это семь-восемь секунд. С мешком на плечах и автоматом в руках – секунд пятнадцать-двадцать. Но здесь ускорение придают свистящие вражеские пули.

– Вперед! – скомандовал я сам себе и, пригнувшись, помчался вперед.

Обувь чавкала по воде. Холодные брызги разлетались в стороны. С неба на землю в эти секунды летели ракеты, выпущенные кружащимися «крокодилами». Они веером врезались в землю, истребляя противника на своем пути. Под этот фейерверк я бежал, петляя, к спасительному выступу холмика. Что-то сбило с моей головы кепочку, но поднимать ее и даже оглянуться было некогда. Мимо, с правой стороны, вспенив воду, прошла трасса автоматной очереди. Я увеличил длину и частоту прыжков, а с последним прыжком ласточкой метнулся за валун. Дыхание никак не удавалось восстановить. Ноги и руки тряслись от пережитого страха. Повезло. А ведь это была пуля снайпера! Для меня предназначалась! Душман промахнулся совсем чуть-чуть, сбил только головной убор. Возьми он чуть ниже, в голове у меня на пару дырок стало бы больше. И не было бы больше на свете старлея Ростовцева.

Уф-ф-ф... Опять повезло!

Я осторожно пробрался между камней и выполз на тропу, где комбат у поваленного дерева переговаривался по радиосвязи.

– Василий Иванович! «Духи» вторую роту зажали в ручье! Сам еле-еле проскочил! Пулей кепку сбили, гады! Что делать будем дальше? – крикнул я возбужденно.

– Тише, комиссар! Без паники! Не гони волну! Чего орешь? «Духи» стреляют? Бери автомат и стреляй в ответ, – Комбат дымил торчащим в зубах замусоленным окурком.левой рукой он поминутно поправлял сползающую на глаза повязку. Сероиван намотал бинтов на голову Чапая, наверное, на три осколочных ранения. От души.

– Василий Иванович, я не только бегаю, но и стреляю. Зачем такие обвинения? Паники нет. Просто немного страшновато, – обиделся я. – А где наша разведка?

– На этой горке должны сидеть, – Подорожник показал пальцем на вершину. – Пыж в своем репертуаре! Опять радиостанция молчит!

– А за поворотом есть кто или там «духи»?

– Не знаю! Чего привязался! Сходи проверь, только возьми кого-нибудь с собой. А то еще, чего доброго, пропадешь.

Я огляделся – и вновь на глаза попался Шапкин. Сержант слышал разговор и, улыбнувшись, отвел глаза в сторону.

– Сашка! Чего физиономию воротил? – насмешливо спросил я.

– Так вы опять на меня свой взгляд кидаете. Что, кроме меня, никого нет, чтобы в дозор сходить?

– Ты мне, сержант, нравишься. Не лежишь мордой в землю, закрыв глаза от страха, а воюешь. Пошли.

Сержант вздохнул и взглянул на Хмурцева. Командир взвода связи начал возмущаться для порядка:

– Почему меня никто не спрашивает? Это ведь мой сержант! Заберите его из взвода, товарищ старший лейтенант, и водите за собой. Будет заместителем замполита.

– Старший лейтенант Хмурцев! Выделите мне одного бойца! Быстро!

– Вот это другое дело. Шапкин! Марш за замполитом батальона! Умереть, но защитить его персону от врагов! – улыбнулся Вадик.

Мы звонко хлопнули с Вадимом ладонью об ладонь, и я зашагал по мокрому рыхлому песку. Впереди виднелась овечья кошара, выложенная из плоских камней. В этом сарае вполне могли устроить очередную засаду для отходящего батальона. Если строение займут «духи», мы опять в мешке.

– Шапкин! Стрельни «мухой» в сарай!

Идти напролом не хотелось: вдруг там кто-то ждет – недобрый и неласковый... Сержант прицелился и выпустил гранату в закрытую дверь. Взрыв! Часть стены и крыши завалилась. Ну вот, теперь можно смело шагать дальше. Заглянув вовнутрь, никого не обнаружили. Береженого Бог бережет!

Дальше открывалась зеленая поляна между двух высоких хребтов. Вдали у следующего поворота росли несколько елей, и опять торчал одинокий домик. Но до него далеко, метров пятьсот. Туда мы попадем нескоро. Главное, чтоб дорога к нему была чиста, чтобы не оказалось на нашем пути засад и минных полей. Крутые горные склоны явно без блиндажей и огневых точек. Вот и отлично. Отступление вполне возможно, да и артиллерия хорошо бьет по противнику. Наверное, сумеем выбраться!

Я устало присел за камень и вытянул избитые о камни, натруженные ноги. Только я почувствовал близость спасения, как сразу охватила какая-то необъяснимая усталость. Ступни стали ватными, руки тряслись. Мелкая дрожь прошла по всему телу. Нервы! Паника начинается. Не вовремя нервишки шалят! Дрожь усилием воли удалось унять. Глаза безвольно закрылись, и я впал в минутное забытие, которое продолжалось всего минуту, может, пять. Сознание отключилось само собой. Как будто перегорел в мозгу предохранитель или щелкнули невидимым тумблером. В памяти всплыли картины недавнего прошлого: бой, горящий вертолет, дым пожарища...

К реальности меня вернул одиночный выстрел. Кто-то невидимый издали прицелился, выбрав меня своей мишенью. «Хороший выбор у стрелка – замкомбата», – мелькнула в голове невеселая мысль.

В той же позе я как сидел, так и упал на бок, а затем скатился в небольшой арык. Пусть стрелок думает, что попал, второй раз целиться не станет. По арыку, прикрываясь каменным бруствером, я отполз метров на пятнадцать и укрылся за краем террасы.

– Шапкин! Сашка! Ты живой? – заорал я что есть мочи.

– Живой! – отозвался издали сержант.

– Ты не видел, откуда зараза, снайпер, стреляет?

– Нет. А что, это в вас целились? Я думал, рикошет.

– Ты где залег?

– Я за бревном маскируюсь. Что мне делать дальше?

– Переползай сюда к канаве, только быстрее. Вернемся к комбату, надо торопиться с отходом, а не то «духи» подойдут поближе, пристреляются, и не выскочим.

Через несколько секунд Шапкин рухнул сверху мне на шею.

– Черт слеподырый! Не видишь, куда прыгаешь? – возмутился я.

– Какое видишь, он опять чуть не попал в меня! Пуля шлепнулась куда-то правее, – тяжело дыша, оправдывался связист. – А вы если не позвали бы, то я и не свалился бы. Мне и там было удобно.

Точно, надо торопиться, а то отрежут отход! Все же, если проскочим этот узенький перешеек, дальше нас будет гораздо труднее прижать и догнать.

Пригибаясь, мы побежали обратно...

– Василий Иванович! «Духи» начинают постреливать в тылу! Надо быстрее сниматься и уходить! – крикнул я в лицо комбату, когда вернулся на полянку.

– Чего орешь? Понял, не глухой! – осерчал Подорожник.

– Это я оттого, что торопился сообщить.

– Тупые недоделки в штабах не могут никак определить, где «царандой» и как мы с ним соединимся. Сейчас снова буду требовать разрешения на отход. Ох, не вытащить нам всех раненых! Людей не хватит! – вздохнул комбат. – Нужно бросать лишнее барахло.

Василий Иванович вновь принялся объясняться с командованием, а я перебрался на пяточок, откуда три бойца вели огонь по «духовским» блиндажам. Пули щелкали о камни, сшибали ветки, с визгом рикошетили. Казалось, нет от них спасения. Кто-то выбежал из-за камней и упал впереди укрытия. Это был Волчук. Он оглянулся и, увидев меня, задорно крикнул:

– Никифорыч! Ты в рубашке родился! Везучий! Мы за тобой сразу проскочить так и не сумели. Полчаса лежали, пока вертушки бородатых не отогнали. Пули прошли за твоими ногами. Если бы у «духа» патроны в магазине не кончились, то следующие пули вошли бы тебе в ногу и задницу.

– Вот мерзавец! Чуть-чуть меня не достал! Но я живучий, увернулся! Пулей только кепку сбили, в ручье осталась, – сказал я минометчику.

– Видели. Мы подождали, когда артиллерия ударит по домам, и поползли следом. Шкурдюк твой чепчик подобрал, смотрит, а в нем дырки. Будет дополнительная вентиляция волосам, не облысеешь.

– Хорошо, что не получилась вентиляция в мозгах, – горько усмехнулся я. – Значит, опять повезло...

– Шкурдюк то же самое сказал. Еще он заметил, что надо от тебя держаться подальше. В комиссара, говорит, не попадают, а рядом находящихся приятелей-сослуживцев цепляют. Поэтому можно попросить тебя, Никифорыч, отползти чуть подальше в сторону от меня? – улыбнулся Волчук.

– Ха! Испугался! Опасайся меня! – засмеялся я. – Бойся!

Мое обычное бодрое состояние духа постепенно возвращалось. После второго расстрелянного магазина я почувствовал себя еще лучше. Бросив солдату, заряжавшему патронами рожки, свои пустые и получив наполненные, я вновь принялся посылать короткие очереди по окнам покосившейся хибары.

В перерывах ведения огня мы с Волчуком продолжали перекрикиваться.

– Сашка! А чего из АГСa прекратил стрелять?

– Ленты кончились! Ни одного выстрела не осталось. Теперь эта железяка рядом валяется. Когда патронов не будет и «духи» попытаются взять меня в плен, начну отмахиваться гранатометом. Если кого им зацеплю – убью наверняка!

– Александр, с твоим ростом и силушкой можно в одну руку трубу миномета взять, а в другую АГС.

– Раньше, года два назад, да! Мог гирей креститься! А сейчас здоровье уже не то!

В этот момент, озираясь по сторонам, из кустов выскочили Шкурдюк и шуплый солдат. Они упали возле нас, надрывно хрипя. Едва отдышавшись, Сергей доложил:

– Сзади наших – никого! Только «духи»! Я даже их топот слышал и тяжелое дыхание. Сейчас вот-вот появятся среди камней и кустарника. Действительно, один из мятежников высунулся вдали из густой травы и сразу послал веером несколько неприцельных очередей. «Духи» напролом не пошли. Они поставили 60-мм минометы и принялись забрасывать минами нашу поляну.

Осознав, что тут больше делать нечего: вот-вот перебьют, мы перебежали к комбату. Я грохнулся на землю возле Василия Ивановича. Комбат покосился на меня и заворчал:

– Ты чего такой грязный? Все ползаешь и бегаешь? Детство в жопе играет, никак не успокоишься? Сиди рядом со мной! Уймись!

– Надо отходить! «Духи» минометы притащили. Мы еле ноги унесли. Они скоро огонь сюда, в глубину, перенесут.

– Хорошо, я тебя понял. Все вышли? Ты проверил? Никого не оставили среди камней? Раненых точно вынесли? – забросал меня вопросами Чапай.

– Шкурдюк последний отходил. Говорит, сзади только «духи». А где «крокодил»? Идут к нам на помощь?

– Хрен на нос! Идут, да только не туда! Они где-то по другому ущелью шарахаются. К нам сейчас два взвода первой роты на помощь спустятся. Но для этого нужно проскочить пару километров по этому руслу. Комдив приказал оставить все лишнее! Разрешаю бросить каски, бронежилеты, мешки. Собрать в одну кучу, а саперу заминировать вещи! – отдал приказ Подорожник. – Раненых – на плащ-палатки. Убитого тоже!

Итак, шестеро раненых и погибший. Трое подстреленных дойдут своими ногами, троих надо нести. Убитого тоже уносим. Никогда не бросаем погибших! Ветишина положили на палатку и понесли первым. Куртка хэбэ и штаны были разрезаны на куски при перевязке. Надо же, до чего Сережке не везет! До этого в лицо и руки был ранен, теперь – в живот и ногу! Весь в отметинах будет, если... Никаких если! Доживет до свадьбы! Не до этой, так до следующей! Видно было, что он замерзал, тело сотрясала мелкая дрожь. Слишком много крови потерял! Бедный летеха. Я снял привязанный к моему мешку бушлат и накрыл Сергея. Шкурдюк накинул свой бушлат на другого тяжело раненного солдата. Бойцы потащили импровизированные носилки, взявшись вчетвером за углы плащей. Трех легкораненых вели под руки. Они пока окончательно не обессилели и могли потихоньку шагать самостоятельно.

Ватные спальные мешки мы изодрали и подожгли. Часть касок разбросали по кустам (теперь, возможно, аборигены станут в них плов варить). Остальные вместе с бронежилетами бросили в кучу. Сапер подложил под них тротилловые шашки, Ф-1 с вынутой из запала чекой (еще сюрприз). Пусть попробуют взять добычу...

Первое поле в лучах заходящего солнца миновали быстро. Кто-то несколько раз издали выстрелил по нам. Офицеры и те сержанты, кто не нес раненых, отвечали беспорядочной, беспокоряющей стрельбой по склонам хребтов.

– Братцы! Быстрее! Бегом! Ребята, из последних сил, но бегом! – кричал, подбадривая носильщиков, комбат. – Хлопцы! Не выскочим за уступ горы, все поляжем! Окружат и перестреляют, как воробьев!

Солдаты пыхтели, хрипели, пот лил ручьями, а дружный мат не стихал ни на секунду. Мы проскочили узкую горловину ручья, и перед нами показалась другая долина, гораздо более широкая и длинная. Артиллеристы сопровождали прицельным фланговым огнем отступление. Главное, чтоб не было отрыва снаряда. Для нас хватит одного случайного попадания.

Две артиллерийские батареи мешали мятежникам преследовать нас, а вертолеты с большой высоты накрывали местность квадрат за квадратом там, где находился противник. Если бы не их помощь, то нас давно бы взяли в клещи. Отход превращался в бегство. Мы действительно бежали. Не позорно, конечно, ведь враг превосходил нас значительно, но все же бежали, потому что мятежники, несмотря на огневую поддержку наших артиллеристов, продолжали свои попытки обойти нас по склону и отрезать путь к отступлению.

Наконец-то к нам присоединился разведзвод. Среди разведчиков потерь не было, только один легкораненый солдат и Пыж с перевязанной рукой.

– Коля! Что случилось? – спросил я у взводного.

– Резануло чуть по мышцам, но кровищи было много. Однако кость не задело, цела.

– Ну и хорошо! – похлопал я по плечу Николая. – Быть тебе начальником ГРУ!

– Эй, Пыж! Смените своими солдатами носильщиков, а то ребята совсем выбились из сил! – распорядился Подорожник. Солдаты начали нехотя менять уставших товарищей. Скорость движения отряда заметно увеличилась.

Наконец-то вырвались! Я уверен: проскочили и спаслись! Большинство бойцов выбились из сил, хрипели, как загнанные лошади, еле-еле передвигая ноги, шли на последнем издыхании. Но стрельба постепенно стихала, бородатые заметно отстали. Теперь не догонят. Наверное, довольны тем, что сегодня нас серьезно потрепали.

Комбат принял сообщение по связи и распорядился:

– Стоп! Перекур. Носилки положить! Сейчас прибудет борт. Вывезут раненых в Баграм, а мы пойдем дальше. Никифор! Бери Шкурдюка, Пыжа и разведчиков, прикройте эвакуацию! Рассредоточиться по периметру! Быстрее!

Десять солдат и три офицера растянулись цепью в густой траве, вглядываясь в надвигающиеся сумерки, и ждали вертолета. Машина внезапно появилась из-за горы и резко пошла на снижение к площадке, обозначенной дымами. Пять минут – и дело сделано. Ах! Как было бы здорово улететь в вертолете! Запрыгнуть в него и умчаться подальше! А как потом смотреть в глаза своим? Ладно, это секундная слабость... Теперь мы налегке и наверняка оторвемся от преследователей.

Навстречу комбату с холма спустились начальник артиллерии Потапов и лейтенант Куликовский. Начальник артиллерии обнял Подорожника за плечи, да так, что послышался хруст костей. Потапов был огромный, как медведь гризли. Силища в руках невероятная. Только благодаря снайперской стрельбе артиллеристов, корректируемых этими двумя офицерами, мы выскочили из огненного мешка.

Из раненых с нами остался только Пыж. Комбат приказал улетать и ему, но Николай из принципа остался. Проявил характер.

– Куда теперь? – спросил я у комбата. – Темнеет, не уйти бы в сторону от своих. А то заблудимся и нарвемся на засаду.

– А мы и не пойдем дальше. Занимаем круговую оборону и ждем взвод Острогина. С ним поднимемся в горы, – распорядился Подорожник.

Наша оставшаяся группа залегла за камнями, напряженно всматриваясь вдаль, и через несколько минут сверху зашуршали камни. Острогин негромко окликнул нас, вскоре он и еще небольшая группа бойцов оказались рядом. Серега бросился ко мне обниматься, был крайне возбужден и обрадован нашему спасению. Серж рассказал, что утром афганцы, громко галдя, на самом деле вошли в ущелье и скрылись за поворотом. Но либо свернули к другому кишлаку, либо перешли на сторону «духов». Обратно весь этот табор не возвратился.

– Подъем! – командовал Василий Иванович. – Минута времени: проверить людей, оружие – и в путь. Разведка в замыкании.

Комбат с широкой марлевой повязкой на лбу и рукой на перевязи шел налегке с одним автоматом. Вылитый Щорс! Шагал он быстро, невзирая на ранение, и еще постоянно подгонял остальных.

Действительно, идти нужно было еще быстрее, потому что на вершине нас дожидался только взвод Бодунова. Больше нет никого, остальные роты снялись и ушли к броне. Полки и бригады с утра сменили позиции. Армия выходила к технике, в сторону крепости. Громко звучит: армия, полки и бригады... А на самом деле в горах и тысячи штыков нет.

ГЛУПОСТЬ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?

Прошло полгода. В конце апреля Подорожнику наконец-то прибыл сменщик из Львова, майор Махошин. Он сразу мне не понравился. Круглолицый, гладенький, ухоженный майор излучал самоуверенность и самовлюбленность. С его лица не сходила глупая снисходительная улыбка. Но хуже всего было то, что он совершенно не умел разговаривать с людьми. Речь звучала обрывисто и бессвязно. Подорожник накрыл стол в нашей комнате и устроил прощальный фуршет. Он с грустью смотрел на собравшихся, натужно шутил, но мыслями был уже в Ташкенте.

– Прощай, комиссар! Не обижайся на мои шуточки в твой адрес. Извини за то, что мучил своим пьянством. Надеюсь, в остальном я был неплохим отцом-командиром. Береги себя, осталось три месяца. Не лезь на рожон! – напутствовал меня Иваныч. – С моим сменщиком держи ухо востро. Он парень неопытный, комбатом был лишь полгода. Служил только в кадрированной части. Солдат не видел, не знает, как ими руководить. Его специально назначили на должность, чтоб в Афган отправить. Махошину придется полгода учиться, а эта учеба будет окроплена кровью. Никифор! Постарайся, чтоб оказалась не твоя кровь!..

Первый рейд с новым комбатом пришлось совершить в Баграмскую «зеленку». На словах командование дивизии обещало превратить операцию в легкую прогулку. В полк поступил приказ – срочно выдвинуться к штабу дивизии. Экстренно! Два пехотных батальона и дивизионная артиллерия прибыли быстро, как могли. Но затем что-то не сложилось. Начальство, чтобы занять бойцов делом, начало проводить строевые смотры, занятия, совещания.

Постепенно выяснилось, что руководство дивизии вело переговоры с «духами». Разведчики, контрразведчики, полководцы беседовали со старейшинами, с вождями мятежных племен, с какими-то авторитетными бандитами. Тема разговоров: доставка продуктов и воды на осажденные заставы без боев и стрельбы. Наконец договорились. Уговор такой: мы не ломаем дома, не рушим дувалы, не топчем сады и виноградники, не минуем местность. За это нас беспрепятственно пропускают на осажденные посты в зеленой зоне. Вот спасибо! Но верилось в это счастье с трудом!

Командир дивизии на совещании приказал: оставить большинство солдат тут, на базе в полевом лагере. Роты передвигаются в составе экипажей БМП. На каждой машине, помимо экипажа, только сержант или офицер. Пехоту не брать. Вечно с нею проблемы! Солдаты или ногами растяжки собирают, или сожгут что-нибудь, или всю живность в округе съедят.

Офицеры роптали, возмущались, но перечить начальству не стали. Барин авторитетно заверил, что все будет хорошо. Никаких проблем не возникнет, операция пройдет по намеченному плану. Надо быстро войти и так же быстро выйти. Метлюк, Чухвастов и я заставили комбата взять для подкрепления пулеметчиков и расчеты АГСов. На всякий случай.

Комбат уговорил меня пойти к первой заставе с двумя ротами. Воодушевлять. Настоял на своем: мол, Никифор, замена еще не скоро!

Отсидеться в тылах опять не получилось. Жаль, ведь я почти заменщик. В результате сам Махошин остался на КП полка рядом с нервничающим Ошуевым. А командовать пехотой в кишлаке отправились мы с новым замкомбата майором Метлюком.

Иллюзия перемирия исчезла на первых метрах дороги. Отовсюду началась активная стрельба из автоматов и пулеметов. Откуда-то из-за канала ударил миномет, и разорвавшаяся вблизи БМП мина зацепила плечо наводчика. Еще один сержант упал, сраженный очередью, а уже вблизи заставы снайпер попал в грудь прапорщику.

Системы залпового огня и пушки принялись перемалывать кишлаки, а наши разукомплектованные роты с трудом отбивались от наседавших «духов». Идиоты! Нашли с кем договариваться – с отъявленными бандитами! А нам теперь страдать...

БМП двигалась по проселку, а я переползал от кочки к кочке, из арыка в арык. На спину валились сбитые шальными пулями листья и ветки. Рядом с шипением упал небольшой осколок от мины. Повезло, что не в голову и не в спину. Пыль забивалась в нос. Сухая пыль трещала подо мной, в горле сильно першило от ее пылицы. Маскхалат цеплялся за ветки, сучья и постепенно облепился гроздьями колючек и репейников. Пули с шипением ложились рядом, впиваясь в почву. Вот очередь вонзилась в стену, к которой я пробирался. Кто-то целенаправленно пытался меня убить. Я поплевал три раза по три через левое плечо, отгоняя беду. Негодяй, отстань! Мне домой пора! Осталось чуть-чуть. Вспомнились слова Кавуна, что убивают в основном молодых зеленых сопляков, отпускников и заменчиков. Зеленым не убили, перед отпуском выжил, теперь хотят угробить в конце второго года службы, перед отъездом. Я выпустил одну, другую, третью очередь по густому кустарнику и быстро перекатился по открытому месту в ямку. Укрытие хилое и ненадежное, но другого не было.

Впереди показался полуразрушенный дувал да старое ореховое дерево, прикрывавшее меня ветками и листвой. Кто-то методично стрелял по его зеленой кроне и нервировал укрывшуюся под ней штурмовую группу. В кустарнике лежали офицеры: Кирпич, Мандресов и Дибажа. Чуть в стороне сержант Муталибов и два бойца. Зибоев из пулемета прореживал листву в винограднике напротив. Бородатые были и справа и слева. Повсюду! Их было во много раз больше, чем нас. Хорошо, что с тыла пока не стреляли. Наверное, и оттуда скоро начнут...

Артиллеристы принялись уютить ближайшие подступы к посту. Спустя полтора часа после огневого налета банда рассеялась, не выдержала нашего напора и, унося раненых, ушла по кяризам.

– Ну как, Саня, пойдём вперед или еще полежим? – спросил я у ротного, вглядываясь в кустарник.

Мандресов непрерывно докладывал обстановку в штаб и получал указания.

– Никифорыч! Ошуев гонит вперед. Требуется быстрее прорыва на заставу, – ответил ротный.

– Не думаю, что это получится легко. Может, пусть авиация поработает? Где вертолеты? – возмутился я.

– Штаб сообщил, что боятся зацепить нас. Большая вероятность того, что летуны попутают цели, «духи» слишком близко, – объяснил Мандресов.

– Ну что ж, тогда рискнем. Проси танкистов тралить дорогу, а мы побежим за ними, – предложил я без всякого энтузиазма.

Рядом упал Метлюк и раскричался:

– Мандресов! Хватит прохлаждаться! Ждете, когда вас за ручку переведут через дорогу? Вперед! Быстрее! Во главе первая рота, затем «обоз» и третья в замыкании. Выходим в обратном порядке! Начало движения через пятнадцать минут.

Мы с Мандресовым влезли на БМП и, распластавшись за башней, расстреливали по сторонам короткими очередями рожок за рожком. Вот они наконец-то стены долгожданной заставы!

В осажденной крепости нас встретил взводный, он радостно обнимался и пожимал нам руки:

– Мужики! Спасители! Еще неделя – и голодать бы начали! Шагу не ступить за забор! Четырех солдат ранили за месяц вблизи колодца. Когда тяжелораненого вертушкой вывозили, так с воздуха четыре «крокодила» «духов» распугивали от поста. Боеприпасы на исходе, воды мало, консервы кончились. Из съестного остались только пшенка и сухари.

– Ну что ж, бедолаги, теперь будет легче, – улыбнулся Мандресов.

– Ага, месяц-другой. А затем вновь пояса затянем, – нахмурился лейтенант. – Когда мой взвод отсюда выведут, не слышно?

– Нет, не говорят, – пожал я плечами.

– Пойдемте наверх, посмотрим работу авиации.

Штурмовики пара за парой проносились над виноградниками и перемалывали свинцом и раскаленным металлом растительность. Серии взрывов сметали дувалы и глиняные дома, валили фруктовые деревья.

Сашка наклонился к моему уху и что-то прокричал, за гулом разрывов фразу я не разобрал.

– Чего орешь? Говори чуть медленнее, не понял!

В это мгновение за каналом разорвалась мощная авиабомба. Мы оба взглянули в сторону взрыва, резко повернув головы. Рядом с нами в землю вонзился большой осколок. Я потрогал его пальцем и обжегся. Горячий, зараза! Вот она, смерть, совсем рядышком. Пронесло. Посмотрим, какая ты...

Вынув из лифчика финку, выковырял металл из земли и подбросил на ладони. Острые, как бритва, рваные края рассекли кожу на пальце. Черт! Огрызается, падла. Обидно железке, что летела впустую, никого не покалечив.

Саня посмотрел на осколок и попросил:

– Никифорыч, отдай мне. Увезу домой на память.

– Саша! Я и сам хочу его сохранить. Смерть пролетела в считанных миллиметрах от нас! Представляешь, эта зараза попала бы в твой греческий нос или в мой римский профиль. Моя физиономия треснула бы вмиг и распалась на фрагменты, – задумчиво произнес я и положил сувенир в карман нагрудника...

Бой закончился. Поздно вечером Ошуев построил офицеров батальона, разведчиков, саперов и хмуро поинтересовался:

– Кто был у второго и третьего поста? Кто когда-нибудь входил в Баграмку с этой стороны?

Я поднял руку, вытянув вверх указательный палец, и огляделся по сторонам. Все молчали, переминаясь с ноги на ногу в нерешительности.

– Я тоже там был, но до поста не дошел, – подал голос Афоня.

И только! Остальные – или совсем молодые офицеры, или те, кому не довелось воевать в этом месте. Ну дела!

– Н-да, ситуация, – растерялся новый командир полка Головлев.

– Выдвигаемся колонной. Впереди танк с тралом, затем еще танк. Далее вторая рота и разведка, – принялся ставить задачи Ошуев. – Пройдете полкилометра и закрепляйтесь. У входа в кишлак размещается минометная батарея. «Васильки» задействовать на полную катушку! Ваш участок – первые сто пятьдесят метров. Следующие сто пятьдесят метров – оборона танковой роты. Дальше сто метров за ней – гранатометный взвод АГС. За АГСом выстраивается вторая рота и разведвзвод. Разведчики сопровождают автоколонну до поста. Входим, разгружаемся – и быстро обратно! Не задерживаться. «Духи» наплевали на наш дурацкий договор о перемирии и стянули сюда школу гранатометчиков. Они где-то на подходе. Завтра утром, может, прорвемся, а через день точно не пропустят.

– Ростовцев, ты идешь старшим от батальона? – спросил командир полка.

– Нет, Чухвастов! – откликнулся я. – Я заменщик. Вообще туда идти и не собирался.

На самом деле, что я там забыл? Чего там не видал? Сколько раз уже бывал, виноградники топтал. Я почесал смущенно переносицу и пригладил взъерошенные пыльные вихры.

– Ростовцев! Ты говоришь, заменщик, да? А я тогда кто? – рявкнул Герой. – После ранения воюю и не выступаю. Я дважды заменщик, потому что второй срок отвоевал! Иду и не отлыниваю!

– Да я и не выступаю, просто напоминаю о замене, – смутился я, устыдившись.

Действительно, этот сумасшедший подполковник отвоевал четыре года и никак не мог успокоиться. Даже после тяжелейшего ранения. Если бы на его месте был кто-то другой, коман-

дир полка или замполит, я еще бы поспорил. А с Ошуевым действительно спорить бесполезно. Герой! Придется топтать в джунгли.

– Я командую взводом АГС. Батальон ведет Чухвастов.

– А почему замкомбата руководит взводом? – удивился Ошуев.

– Ветишин по-прежнему числится на должности. Уедет после госпиталя в Союз, вот тогда и пришлют смену. У меня на сто метров обороны лишь одна машина. Маловато!

– Хорошо, возьми еще одну из второй роты. Разбирайтесь сами. Я вам что, еще броню буду делить и расставлять? – возмутился начальник штаба полка.

Ага! Герой тоже нервничает! Беспокоится! И он домой хочет вернуться без цинкового бушлата, как и мы, простые смертные. Ну-ну...

Я вернулся к взводу и начал набирать гранаты и магазины в лифчик. Гурбон Якубов вскрыл цинки с патронами. Надо готовиться сейчас, потом будет поздно открывать и суетиться под огнем...

Ночь прошла спокойно. А с рассветом, когда мы начали собираться в путь, в ужасе я обнаружил отсутствие амулета-номерка. «Убьют! Как пить дать, сегодня убьют!» – подумал я обреченно. Может, не пойти, сказаться больным? Два года номерок с шеи не снимал, а тут забыл и оставил в комнате на тумбочке. Проклятье!

На мое удивление колонна БМП вошла в кишлак легко и без стрельбы. Одну машину я поставил наблюдать за тем, что творится за каналом, а пушку другой направил на развалины в глубине виноградника. Через дорогу, чуть правее, встал со своей броней Шкурдюк. Он приветливо помахал мне, высунувшись из башни, и вновь нырнул внутрь.

Якубов разжег костер, насыпал в пустой цинк гороховую смесь, налил воды и принялся варить суп. Молодчина сержант. Его ничто не проймет. Наверное, на пути к гильотине будет думать об оставленной на плите кастрюле. Повар – он и есть повар, даже в Афгане!

– Гурбон, пострелять не желаешь? – усмехнулся я, проходя мимо импровизированной столовой.

Сержант разложил на пустых перевернутых снарядных ящиках крупы, соль, приправы, прокоптившийся чайник, кастрюльки, консервные банки, плоские тарелки. Чайхана, да и только! Якубов улыбнулся широкой добродушной улыбкой. Толстые мясистые щеки растянулись и сморщились, а хитрые глаза превратились в щелочки.

– Нет, товарищ старший лейтенант. Какой-токой война? Дембель через неделю-другую! Хватит, навоевался! Вот сейчас шурпу буду делать. Где-нибудь мясо найду, пальчики оближете! Вах, какой будет шурпа! Обьедење. А стрелять... Вон молодые сейчас гранатомет наведут на кишлак, теперь их очередь. Война – молодым.

– Ну ладно, пойду воевать один, но берегись, если суп будет невкусным. Пуцу твою задницу на барабан! – только я это произнес, как откуда-то из дальних кустов раздалась автоматная очередь. Из-за канала принялись палить многочисленные мятежники.

– Гурбон! Хватит кашеварить! К гранатомету! – рявкнул я и побежал, низко пригибаясь к земле.

Похоже, жратва отменяется. «Духи» открыли стрельбу со всех сторон. Количество их стрелков с каждой минутой увеличивалось. Шкурдюк влупил очередь из пушки в виноградник, и один «дух», кажется, прекратил огонь. Я расстрелял пару магазинов по другому автоматчику и вроде бы тоже зацепил. Но вместо выбывших подтягивались все новые и новые силы. Мятежники стреляли так плотно, что мне уже и головы было не поднять. Еще чуть-чуть – и грохнут. Я перекатился от кочки, за которой прятался, поближе к гусеницам БМП. Теперь с одной стороны меня прикрывали траки и колеса. Хорошее укрытие. Но с другой стороны лежу как на блюдечке. Из башни высунулся Серега, что-то крикнул, махнул рукой и вновь скрылся из вида. Я расстрелял последние два магазина и пополз к ящику за патронами. Едва я скрылся в канаве, как на том месте, откуда я вел бой несколько секунд назад, разорвались две

мины. Легли кучно. Хорошо пристрелялись, бородатые. Повезло!!! Словно почувствовал или внутренний голос подсказал – пора уйти. Вот, сволочи, решили убить такого хорошего парня! Негодяи! А мне домой пора. Жить хочу!!! Бача, не стреляй в меня!

Метрах в десяти разорвалась граната, выпущенная из гранатомета.

– Мерзавец! Не хочешь по-хорошему, сейчас заряджу магазины и пристрелю какую-нибудь сволочь! – громко прокричал я, обращаясь неизвестно к кому. «Может быть, если попаду...» – добавил я уже мысленно.

Гурбонище молотил из автоматического гранатомета, а из кустов трещали ответные очереди. Хорошо, что в нашем тылу нет гранатометчиков. Хотя какой к черту тыл? Тут со всех сторон фронт. Наши пушки и пулеметы стреляли без умолку. Но и «духи» не снижали интенсивности огня. Одна граната прожгла фальшборт Серегиной машины, еще одна попала в привязанный к башне пустой ящик. Прошла бы чуть левее или правее – и отскребай останки экипажа от башни.

Я вернулся обратно и залег в маленькой воронке, выбитой разрывом мины. Осколки металла кололи тело сквозь маскхалат. Но, как известно, два раза снаряд в одну воронку не падает. Перетерпим временные неудобства. Итак, спереди – «духи», сзади – «духи». Что творится слева за дувалом, неизвестно. Там лейтенант Ермохин тоже непрерывно молотит из пушки. Значит, и ему нелегко. Ну что ж, будем снова стрелять, благо патронов много. Я захватил с собой в мешочке треть цинка патронной россыпи. Пальцы сбились и ныли от непрерывного заряжания магазинов. Жаль, что нет заряжающего.

Крышка люка приоткрылась, в ней вновь показался Шкурдюк. Он издал вопль радости и восхищения:

– Ник! Живой! Начальник мой дорогой! А я думал, что тебя разнесло на куски. В клочья.

– Вот спасибо! Значит, ты мне и смерти пожелал, любезный! Скажешь тоже, в клочья! – обиделся я.

– Так ведь мины упали туда, откуда ты стрелял! – объяснил Сергей.

– Ага. Но только я тремя секундами раньше откатился в канаву. Уполз магазины заряжать. Представляешь, как удачно закончились патроны! Если бы последнюю очередь выпустил чуть позднее, то мы бы уже не смогли разговаривать сейчас! – возбужденно крикнул я в ответ.

– Не чаял увидеть. Чудеса! Я уже доложил по связи, что ты погиб! Сейчас сообщу, что ошибся. Или не надо? А то вдруг опять, второй раз, докладывать придется? – пошутил Серега.

– Не придется. Не надейся. Мое место еще рано тебе занимать. Потерпи пару месяцев.

– Договорились! – рассмеялся Шкурдюк.

Мы продолжили бой. Перестрелка не прекращалась и без нашего участия. Но ведь мы – два офицера – были четвертью всех штыков на плацдарме. Проклятый договор с «духами»! Чертовы бестолочи, удумавшие послать нас сюда с техникой, но без солдат. Даже оборону по всему периметру не занять. Твою мать! Быть может, это – преднамеренное предательство?

Внезапно со страшным грохотом и лязгом из-за высокого дувала выскочила горящая бронемашина. Она зацепила фальшбортом край глиняного забора, завалив его. Задние люки были открыты и болтались туда-сюда в такт движению. В правом отсеке лежало тело: одна нога без сапога торчала из проема, а вторая была подогнута. Другой десант дымил, и оттуда вырывались языки пламени. Огонь, кроме того, пылал на ящиках, разбросанных сверху. За рычагами почему-то сидел Хмурцев. Лицо взводного было такого же цвета, как и ярко-рыжая шевелюра. Вадик что-то прокричал мне и, не останавливаясь, помчался дальше к выходу из «зеленки». Я на секунду растерялся. Что ж там произошло, раз командир взвода управляет машиной вместо механика и несется как ужаленный. И кто, черт подери, лежал мертвый в десанте?!!

Через пару минут в проеме появились два связиста, которые бежали во весь дух, догоняя взводного. Один из них на мгновение обернулся, послал куда-то вдаль очередь и помчался дальше за бронемашинной.

– Стойте! – заорал я. – Куда бежите? Ко мне! Стоять, дятлы! Что за паника?

– Там «духи»! Нас чуть не убили. Стреляют со всех сторон, окружают, – принялся объяснять солдат. – Разведку зажали, они не прорвались.

– Какие «духи»? Позади дувала экипаж БМП вел бой! – изумился я.

– Она сожжена. Возле нее бородатые. Бронемашина горит, наших никого вокруг. Четверо проскочить не смогли, лежат на поляне.

– Убитые, что ли?

– Вроде бы, – всхлипнул молодой солдатик и размазал слезы по грязным щекам.

– Нужно выносить тела! – громко зарычал я на него.

Солдат в панике шархнулся от меня в кусты. Черт возьми, он сейчас не помощник! Повезло парнишке, но теперь он очумел от ужаса и не верит, что остался жив, вырвался из ловушки. Обратно его не загнать. Я постучал по башне прикладом автомата, вызывая Шкурдюка. Сергей спрыгнул на землю.

– Что случилось?

– Не знаю, но что-то страшное. Там, где был Ермохин, лежат раненые и убитые. Его БМП сгорела. Я сейчас сгоняю туда, разведую и попробую вытащить бойцов. Усиль огонь за канал. Если минут через пятнадцать не вернусь – выручай.

– Понял, – кивнул Сергей и нахмурился.

Я побежал к своей машине, окликнул Якубова и приказал механику заводить машину.

– Гурбон, сейчас заскочим вон в тот проем, подберем раненых и, возможно, трупы, затем выскакиваем обратно, если повезет. Я за пушкой, а ты садись на место командира, управляй механиком.

Я подошел к механику и скомандовал:

– Едем к машине, что за дувалом. Понял меня?

– Так точно! – отозвался испуганный солдат. – А потом куда?

– Потом будет видно! Далее по обстановке. Я еще сам не знаю, доберемся ли до цели.

Быстро по местам!

Машина развернулась и резко рванула с места, круша на пути виноградник. Едва мы миновали пролом, как я увидел силуэты «духов» в кустарнике. Поворачиваю пушку влево – огонь! Пушку вправо – и вновь огонь! Разворачиваю башню назад! Огонь! Я стоял на сиденье, высунувшись из люка (так обзор лучше), и крутил головой по сторонам, стреляя туда, где появлялись бородатые, откуда раздавались выстрелы. Вон она, наша машина, впереди дымит! До нее метров пятьдесят. Кусты на мою бешеную стрельбу откликались стонами и воплями раненых врагов. Механик гнал машину, не разбирая дороги, на предельной скорости. Минута – и мы возле пожарища. Всего несколько мгновений, а кажется, целая вечность. Пару раз я боковым зрением замечал, что гранаты врезались в землю, не попав по гусеницам. Одна пролетела впереди машины, разминувшись с ней на доли секунды.

Мы остановились возле горящей брони. Разбитые ящики, порванные чехлы, вещевые мешки, стреляные гильзы и прочий мусор валялись вокруг. Ни души. Гурбон заглянул в люки. Ни раненых, ни убитых. Ладно, разберемся позже, где экипаж. Тут из-за дувала выбежал окровавленный и перепуганный солдат.

– Помогите! – завопил раненый и бросился к нам.

Механик погнал машину к нему поближе. Якубов протянул бойцу руки и втащил его на броню.

– Что там в развалинах происходит? – спросил я.

– Там засада. Я проскочил, а Ваську убили, – с тоской в голосе сказал огненно-рыжий вихрастый солдатик.

– И чего ты бежишь? Где твой автомат? – продолжал я расспрашивать рыжего.

Спасенный растерянно оглянулся по сторонам, посмотрел на свои руки и ничего не ответил.

– Солдат, ты чей? Откуда? – тормозил я его. Парнишка, плохо соображая, с трудом выдал:

– Я из Подмосковья. Феклистов моя фамилия.

– На хрен мне твоя фамилия! Из какой ты роты? – рявкнул я на него.

– А-а-а! Сапер я, инженерно-саперная рота. Взводный нас прикрывал и приказал прорываться. Он где-то там, за виноградником.

– Механик, – гаркнул я, – гони что есть духу к винограднику! Увидишь лежащих бойцов – тормози! Мы с Якубовым будем подбирать тела. Вперед!

Я продолжил стрельбу из пушки и пулемета, от моего огня крошились кромки стен и прореживались заросли кустарника. Попадал ли я по мятежникам – неизвестно, главное, что мы заставили некоторых из них замолчать. Кто-то затаился, кто-то умер, кто-то отполз раненым. Когда БМП миновала высокий глиняный дувал, взору открылась страшная картина. На пыльной дороге вдоль колеи лежали три окровавленных тела. Механик остановился возле первого трупа.

Сердце, казалось, колотилось с частотой ударов двести в минуту. Я нажал на спуск в очередной раз, чтобы подавить огневые точки, но вначале услышал щелчок – это кончились выстрелы к пушке, а затем второй щелчок – больше нет патронов и в пулеметной ленте.

– Наводчик! Лента есть еще? – крикнул я, заглянув внутрь башни.

– Патронов нет, остались снаряды в левой ленте. Но пушку нужно прокачать, – ответил мокрый от пота солдат.

– Ну, так прокачивай эту долбаную ленту! А то нам «духи» в задницу что-нибудь накачают! – рявкнул я.

Я расстрелял оставшиеся патроны последнего магазина по густой траве за каналом и повесил автомат на люк. Теперь это была бесполезная железяка. Годится только для рукопашного боя. Но кто ж пойдет махаться автоматами? Они нас расстреляют – и все дела.

– Гурбон, у тебя патроны есть? – с надеждой задал я вопрос сержанту.

– Магазины пустые, только гранаты остались.

– А у наводчика?

– Его патроны я тоже расстрелял, – виновато сказал сержант. – Я даже «мухи» все выстрелил.

– Черт! Плохо! Механик! Прикрой нас. У тебя-то патроны остались? Солдат кивнул в ответ, достал изнутри АКСУ и принялся палить по зарослям кустарника. Эх, из этой пукалки только ворон пугать на огороде. Ну да ладно, что есть, то и есть.

Последние здравые мысли покинули мою голову. Остался только всеобъемлющий липкий страх. И все-таки мозг продолжал работать в одном направлении: собрать трупы и мчаться отсюда, как можно быстрее и дальше.

Мы с сержантом спрыгнули с машины и подскочили к ближайшему телу. Это был сержант Орловский из взвода связи. Машинально я отметил пулевое отверстие возле горла, рану в боку и перебитые ноги. Серый, пепельный цвет лица указывал на наступление агонии. Вернее, быструю смерть. Я схватил его за руки, Якубов за ноги, и мы бегом понесли его тело. Затолкнули труп в правый десант и захлопнули люк. А вот чуть дальше – второй. Та же операция – и бегом к люку. В этот момент из кустов бросился к машине оборванный окровавленный солдатик. Пули визжали и свистели вокруг. Они ударялись о камни, падали в пыль, но не задевали никого из нас.

– Быстрее, братан! Запрыгивай! – скомандовал ему Гурбон, а я подтолкнул его в спину, потянул за воротник и штанину, чтобы солдат оказался внутри десантного отделения.

– На дороге еще убитый лежит, – всхлипнул солдат, обернувшись.

Черт! Я спрыгнул обратно, а боец захлопнул люк изнутри. С левого борта на броню карабкался раненый офицер, которому помогал наводчик-оператор. Я заставил себя броситься вновь навстречу опасности, метнувшись в колючую траву. Действительно, вот он, еще один солдат в окровавленном маскхалате. Я упал рядом. Боец не двигается, не дышит. Значит, мертв.

Меня охватило бешенство. Столько погибших! Как глупо! Проклятые полководцы, страсти хреновы! Войти в этот ад практически без солдат! Я оглянулся: внутри все похолодело. Машина отъезжала. Гурбон влезал в башню, а механик торопливо разворачивал БМП, сдавая кормой вправо. Вокруг не оставалось никого из своих. Только мертвое остывающее тело незнакомого солдата. Живые, конечно, рядом были. Но это были враги – «духи», которые принялись дружно и интенсивно поливать нас свинцом. Нас – меня и погибшего бойца. «Духи» бесились. Почему-то они никак не могли попасть. Несколько пуль впились в покойного. Убили еще раз... Эх, превратиться бы сейчас в хамелеона и слиться с цветом почвы, чтобы стать незаметнее! Я распластался на дороге и вжался в густую пыль. Лифчик оказался подо мной. Теперь даже гранату не метнешь. Мое лицо упиралось в плечо и голову трупа, но сам я, к счастью, пока был жив. Судорожно дышал и соображал, каким образом выпутаться из хреновой ситуации. Надо как-то выбираться...

«Духи» продолжали бесноваться из-за того, что не могли никак меня достать. Одна очередь вновь прошила лежащего бойца, другая – пыльными фонтанчиками вонзилась в обочину. Следующий веер из пуль сшиб ветки и листву с наклоненной яблони. Стреляли трое или четверо с обеих сторон широкой поляны. Возможно, их было больше.

Мне стало по-настоящему страшно. Я клял себя последними словами. На кой черт я поехал на эту войну? На кой ... я полез в трижды проклятую «зеленку»? На кой ... я оказался на убийственной поляне-ловушке и теперь жду пулю в голову?

Видимо, несколько человек, подъезжая сюда, я скосил из пушки и пулемета, раз они так вцепились в меня. Кровно обидел аборигенов. А может, и не попал ни в кого, только нашумел и разворошил осиное гнездо...

Долго лежать и выжидать было нельзя. Рано или поздно достанут. Добьют. Не будут же постоянно попадать в мертвого парня. Пристреляются. Маскхалат, конечно, немного спасает, но приглядятся и грохнут.

Я сделал над собой усилие воли и совершил кувырок и перекат в ближайшую колею. О чудо, там, где я лежал секунду назад, прошла длинная, прицельная, злобная очередь. Стрелявший, видимо, сильно горячился – целый магазин патронов расстрелял впустую. «Духи» перенесли огонь по моему новому укрытию. Очередь, очередь, пара одиночных выстрелов. Твою мать! Я выкрикнул в сторону зарослей несколько ругательств, сдобренных крепкими матами, и сиганул в небольшую воронку. «Духи» прямо озверели. Свист пуль усиливался. Неужели, кроме меня, стрельнуть не в кого? Я что, одна цель во всем кишлаке?! Хотя если б знали «духи», что мишень дважды к Герою представляли, то, наверное, собралось бы еще человек двадцать желающих пострелять. Оркестр из автоматчиков играл блюз, переходящий в какофонию...

Все это произошло за минуту, которая тогда казалась мне вечностью. К моей гордости, я не обделался. Возможно, просто не успел.

БМП уже мчалась к выходу из этой западни, и расстояние до нее увеличивалось. Лежа в воронке, я достал гранату из нагрудника и швырнул подальше, в сторону стреляющих из кустарника. «А теперь беги, беги, черт тебя побери!» – скомандовал я сам себе. Заставить себя это сделать было непросто. Вскочить, подняться, мчаться из последних сил. Ямка казалась такой спасительной и надежной! Если бы не выбрался тогда из нее – наверняка бы погиб! Не из автомата, так из гранатомета бы добились.

Я прыгал словно дикий зверь. Бросался то резко вперед, то вправо, то влево, несколько раз падал и перекачивался. Зеленый маскхалат сделался серым, грязным, порвался и лопнул

в нескольких местах. Пулей устремился в погоню за машиной и в несколько прыжков догнал. Догнать-то догнал, но оба задних люка были закрыты! Даже у стоящей бронемашины его открыть – проблема! Дверь обычно удается отпереть ударом ноги по ручке. Рукой и на ходу – нереально. Но ужас и стремление к жизни делали свое дело. О чудо! Резкий рывок за ручку – и тяжелая дверца распахнулась, едва не сбив меня с ног. Она застопорилась в открытом положении, бултыхаясь и покачиваясь в такт движения по ухабам. Я судорожно схватился за края люка и забросил себя внутрь. О боже! Я упал на труп Орловского, что лежал в этом десанте. Уф-ф-ф! Мое лицо касалось его лица, а живая щека терлась о его щеку, мертвую и холодную. По броне барабанили пули, и некоторые, будто злобные шмели, залетали в открытый люк, застревая где-то в глубине машины. Броню подбрасывало на ямах и кочках, но механик гнал, не разбирая дороги, к спасительному повороту за дувал. Там было относительно спокойно. Там были две бронемашины и главное – боеприпасы. Тяжело воевать при полном отсутствии патронов! И без бойцов.

Мы за минуту домчались до Шкурдюка и наконец затормозили. Я выбрался из люка, чихая и кашляя в клубках поднятой пыли.

– Никифорыч! Жив?! Что с тобой? Ты весь в крови! Куда тебя ранили? – встревожился Серега, подбегая ко мне.

Я машинально попробовал стереть кровь с одежды, но сумел ее только размазать. Лифчик и маскхалат от головы до пят были перепачканы кровью.

– Это не моя. Это Орловский, я на нем лежал в десанте. Сережка, в моей машине нет боеприпасов, давай гони на своей машине в сторону кишлака! Там убитый солдат на дороге, а где-то рядом, может быть, еще кто-нибудь умирает! – скомандовал я. – Жми быстрее, но будь осторожнее! Лупят, гады, с двух сторон. Пушка и пулемет пусть не смолкают. Ну, валяй, с богом!

Машина скрылась в клубках пыли, и чуть позже до нас доносились только отголоски стрельбы. Минут через десять Серега вернулся. Когда Шкурдюк соскочил с брони, взъерошенный как черт, я метнулся к нему с расспросами:

– Ну как, добрался до солдата?

– Да, в десанте лежит, весь изрешеченный. В него, по-моему, кто-то целый рожок в упор выпустил. Наверное, после того, как вы уехали. Не тело – решето! Сволочи! Там подальше был еще труп, но его сумели подобрать танкисты. Танк сзади нас едет.

Из-за дувала показался танк, тащивший на буксире подорванный КамАЗ. Следом появился еще один, на тросах у него был дымящийся тягач. Я бросился навстречу танкисту, зампотеху Штрейгеру:

– Виктор, зацепи сгоревшую БМП. Как потом спишем машину?

– Как-нибудь да спишете. Чего ее зацеплять? Решето! В броне дырок от гранат штук двадцать. Дуршлаг. Через нее макароны хорошо промывать! – ответил мне майор невеселой шуткой.

Он махнул рукой, и колонна поползла дальше к дороге. За танкистами выехали колесные машины и броня. В это время из зарослей выбрался Ермохин с перевязанной рукой и за ним два солдата.

– Лейтенант! Сволочь! Ты почему машину бросил? У твоих позиций человек пять погибли, а может, и больше. Шлепнуть бы тебя самого за это! – набросился я на него.

– Меня ранило! Машину подбили, боеприпасы кончились. Я не мог не отступить. Повезло, что мой экипаж выжил. Еле-еле выбрались! – начал оправдываться взводный.

– Там, где был твой рубеж обороны, пятнадцать минут назад было братское кладбище. Постараюсь отправить тебя под трибунал! За трусость.

Лейтенант шмыгнул носом и вновь показал мне на перевязанную руку:

– А что сейчас с этим-то делать? Мне бы перевязаться.

– Топай за танками вместе с экипажем. На бетонке найдешь медиков. Уйди подальше с глаз долой! – махнул я рукой и пошел к своей машине.

Якубов забрасывал станину от гранатомета на корму. АГС уже лежал на броне.

– Ничего не забыл? Барахлишко упаковал? – Я хмуро посмотрел на сержанта.

– Так точно! Вещи и оружие собраны! Можно двигаться. Ребят, убитых, так и повезут в десанте или перенесем их на грузовики?

– Сами вывезем! – отрезал я и поинтересовался, пристально глядя ему в глаза: – Гурбонище! Ты пошто меня в «зеленке» одного бросил, на произвол судьбы? Неужто не видел, что я за третьим трупом помчался? Меня как зайца на охоте по кочкам гоняли!

– Виноват! Товарищ старший лейтенант, виноват! Я сильно испугался, запаниковал, не заметил, что вы остались! Честное слово, разве б я уехал, если б видел? Думал, вы уже в десанте сидите.

– Я лег в него, только значительно позже! С тебя в Бухаре при встрече шикарный банкет! Заказываешь персонально для меня главный зал твоего ресторана!

– Хоть два банкета, но после дембеля! Главное, нам живыми вернуться! – вздохнул Якубов.

– Вернемся! Обязательно вернемся живыми! По теории вероятности не может на одних и тех же людей сваливаться неисчислимо множество несчастий! Думаю, свою порцию мы съели полностью. Оставим и другим чуть-чуть!

– Халва, халва, халва! Сколько ни говори, сладко не становится. Но буду рад, если гарантируете, что вернемся. Обязуюсь дома устроить той в вашу честь! Пир по-нашему!

– Ловлю на слове! – усмехнулся я и похлопал сержанта по широкой спине, а потом поддал ему коленом под зад (за переживания под перекрестным обстрелом)...

Последний «Урал» проехал мимо, и далее поползли БМП с повернутыми вправо пушками, в сторону канала. Интенсивный пушечно-пулеметный огонь не давал бороатым обнаглеть окончательно и не подпускал их к дороге.

«Действительно! Отсутствие на шее номерка-амулета едва не привело меня к гибели», – мелькнула в голове неприятная мысль.

Скорей отсюда! Прочь! Надеюсь, что в Баграмке я был последний раз!

Позже напыщенные начальники представят эту трагедию как яркий пример героизма и самопожертвования наших бойцов. Очень удобная позиция: собственные просчеты и бесптолковость объявлять всенародным подвигом. Бить в барабаны, трубить в трубы, петь гимны, клясться памятью погибших товарищей. Мертвым и их родителям от этого не легче...

ПРОЩАНИЕ С ТОВАРИЩАМИ

Колонна бойцов выстроилась на трассе, и командование начало подводить итоги боя, подсчитывать потери. Результаты подсчета оказались трагичными: погибло десять человек. Еще двух не нашли: Юрку Колотова и Азаматова. Двадцать раненых. Вот такая получилась мясорубка. Выходит, каждый второй из попавших в кишлак ранен или убит.

Я пытался отряхнуть маскхалат. Чего на нем только не было! Пыль, грязь, кровь, колючки...

– Никифор, кто будет командовать батальоном? – спросил Вересков. – Начальника штаба майора Чухвастова увезли в медсанбат. Ему руку в двух местах осколком раздробило.

– Черт! Как же так? Ну, нелепость! Бедняга Вовка! – огорчился я. – Руку сильно покалечило? Какую руку и в каком месте?

– Правую. Возле запястья. На нее было страшно смотреть. Месиво из сухожилий, костей и мяса, – вздохнул зампотех. – Опять остались без начальника штаба.

– Ты старший по званию, вот и возглавляй колонну. Нехорошо, если старший лейтенант будет майором руководить. Я, кажется, после сегодняшнего дня отвоевался. А где был наш новый комбат?

– Хрен его знает. Где-то при штабе отирался. А Метлюк за каналом остался с третьей ротой, с другой стороны «зеленки». Если командиры отыщутся, тогда будут они рулить. А не найдутся – ладно, сам поведу батальон домой, – согласился со мной зампотех.

К нам подошел Хмурцев и сообщил, что Ошуев приказал съездить в морг, в Баграм, опознать трупы.

– Но погибшие все из разных подразделений. Кто поедет? Не собирать же команду из пяти офицеров! – поинтересовался Вадик.

Вересков посмотрел на меня вопросительно:

– Никифор! Поедешь? Ты практически всех солдат батальона в лицо знаешь. А я только механиков. Может, сгоняешь?

«Вот черт! Еще одно испытание на прочность и крепость нервной системы!» – подумал я и внутренне содрогнулся, представив то, что увижу... В морге опознать десяток изувеченных солдат!

– Да я там сам останусь при виде жуткой картины, лягу рядом! – вскричал я в полном отчаянии.

– Ну и какие предложения? Собрать толпу офицеров и пусть отправляются узнавать своих подчиненных?

– Ладно, хрен с вами! А на чем ехать? – вздохнул я.

– Спроси у Героя или у командира полка, – ответил Хмурцев. – Это они распорядились. На мой вопрос о транспорте, «кэп» указал на два БТРа полковых связистов:

– Бери эти коробочки и езжай быстрее!

Я подозвал попавшихся на глаза сержантов:

– Якубов, Муталибов! Парни, поедете со мной. Живо!

– Куда, товарищ старший лейтенант? – с опаской спросил Гурбон.

– В баграмский морг.

– О, шайтан! – взвизгнул Гасан Муталибов. – Я не могу! Я боюсь мертвецов.

– Эти мертвецы – твои вчерашние приятели, папуас!

– Ну чего вы сразу обзываетесь? Я ведь действительно боюсь крови и мертвых! Вы же помните прошлый год...

– Хорошо, постоишь возле дверей, позову, если кого-то не узнаю или понадобится твоя помощь! – махнул я раздраженно рукой. – Поехали! Кто-то должен меня охранять перед заменой, в конце-то концов!

Психовали не только сержанты, но и я. Тело била сильная нервная дрожь, и неприятно сосало под ложечкой. Не вырвало бы при виде крови. Очень этого не хотелось...

На окраине медсанбата стояли два ангара. Это и был морг. У ворот на цинковых ящиках сидели и курили три солдата-дембеля, с выбритыми до блеска головами. Чувствовался посторонний подозрительный запах (наверное, анаша). Выглядели они вызывающе нагло: голые по пояс, с толстыми серебристыми цепочками на шеях, с огромными наколками на теле. На плечах и груди красовались броские надписи и рисунки: «ОКСВА» (ограниченный контингент советских войск в Афганистане), «2 года под прицелом», «Баграм», «ДМБ-87».

Надписи кричали о героической службе парней (очевидно, в этом морге), об их боевых буднях и ежедневном риске. Тыловые герои от безделья испещрили себя воинственными надписями с головы до пояса. Под штанами было не видно, есть ли иероглифы ниже поясницы или нет. Но наверняка какой-нибудь из обкурившихся балбесов что-то боевое написал и на ягодицах.

Чуть в стороне, на земле, прислонившись к забору из аэродромной арматуры, полулежали пятеро дремлющих молодых бойцов. Видимо, похоронная команда.

Гасан присел на корточки в сторонке и закурил папироску. Гурбон схватил за шиворот узбека-земляка, обнял его и затараторил о чем-то быстро-быстро на своем родном языке. Везде у него находятся земляки и родственники!

– Эй, черти! Это морг? – спросил я у бойцов.

– Ну... – издал звук, судя по всему, старший.

– Что «ну»? Морг? – рявкнул я на него.

– Морг, – ответил самый стройный из них.

В моем батальоне таких здоровяков не было. В горах жирок не нагуляешь! Отожрались на госпитальных харчах, в тишине и покое.

От солдат слегка разило спиртным. В тенечке – я заметил – стояла трехлитровая банка, наполненная какой-то жидкостью и наполовину опустошенная.

– Да вы все пьяны!

– Вовсе нет! А ты по трезвому делу тут поработай! – стал оправдываться наиболее вменяемый из этой троицы.

– Сопляк! С тобой замкомбата говорит. Повежливее!

– Виноват! – ответил он.

– Кто тут старший?

– Я за главного. Сержант Панков! – представился разговорчивый. – Какие проблемы?

– Нужно опознать десять человек, которых сегодня привезли из «зеленки».

– Тринадцать. Сегодня поступило тринадцать трупов. Может, тут и ваши. Сейчас попытаемся разобраться, кто есть кто. Внутрь пойдете или сюда выносить?

Муталибов от его слов охнул и побледнел.

– Там в помещении прохладно или духота? Запах ужасный? – поинтересовался я у сержанта. – Тошно?

– Нет, там прохладно и не воняет. Они еще не успели испортиться, свежие. В камере для этого поддерживается холодок. Лучше войти на «склад». Тут вы сразу сомлеете.

– Ну, открывай врата ада, привратник.

...Лучше бы я туда не заходил. Холодный полумрак «некрополя» вселял ужас. Сразу от порога, вдоль стены, стоял длинный ряд стеллажей, на которых лежали носилки. На носилках – мертвецы, скрюченные, в тех позах, в каких их настигла смерть. Только руки и ноги стянуты веревочками, чтобы в гробы поместились, иначе окоченеют и не поместятся. Обнаженные

обмытые тела молодых парней. Будто бы спящие. Но нет, они были с пулевыми отверстиями и рваными осколочными ранами. Мои солдаты и сержанты. Бывшие...

– Ваши? – участливо задал вопрос сержант.

Я молча кивнул в ответ. Я был в состоянии глубокого шока и с трудом приходил в себя. Руководитель похоронной команды взял в руки планшет, ручку, связку бирок и приготовился к работе.

– Мои! Это Орловский! – показал я пальцем на ближайшего. Сержант что-то написал, а другой солдат повесил одну бирку на шею трупа, а вторую на большой палец ноги. – Вот этот Насонов! Этот Филимонов! Это Гогия. Этот Ахметгалиев. С наколкой на плече – Велесов. Этот – Башметов, это – Лапин. Тот – Исламов. Боец без головы...

– Так точно! Одно тело доставлено без башки, – буркнул санитар.

– Это, наверное, Азимов. Разведзвод. Взводный говорил, ему голову гранатометом оторвало. – Я на минуту задумался. – Других таких нет?

– Нет. Но нужно по иным признакам, по приметам определять. Родинки, татуировки...

– Значит, точно он. Татуировок не было. Родинки – не знаю, какие есть. Были... Маленького роста, смуглолицый, – тихо произнес Якубов. – Без головы стал еще меньше...

– Он таджик. А этот определенно азиат, – предположил я и обернулся для поддержки к Гурбону, тот в знак согласия быстро закивал головой.

Солдаты надели всем бирки, внесли записи во множество журналов и тетрадей и дали мне в них расписаться. Дата, фамилия, подпись.

– Прапорщика не было среди трупов? – спросил я.

– Никто не признался. Мы спрашивали... – ухмыльнулся сержант.

– Эй, ты, шутник! Это мой старый приятель! Он сегодня, может быть, погиб! Пропал без вести! В ухо сейчас схлопочешь за хамство.

– Ну как я определю, кто прапорщик, кто офицер! – начал оправдываться и заминать неловкую шутку санитар. – Они молчат, не говорят. Голые люди – все одинаковые. Вот еще три чьих-то тела. Не ваши?

Я заставил себя пройти вдоль стеллажей еще раз, но эти парни были не из нашего батальона. Юрика тут не оказалось.

– Нет. Остальные из других подразделений.

– Значит, ваших подвезут позже. Заезжайте завтра. Сейчас будем разыскивать, чьи эти, неопознанные...

– Пошел ты, знаешь куда, юморист! – разозлился я.

– Уже иду. Меня часто туда посылают. Служба в нашем заведении располагает к юмору, философии. Нам для успокоения нервов нужно выдавать водку и «травку». Иначе крыша съедет и быстро чокнешься. Думаете, легко покойников каждый день мыть, упаковывать?

Сержант-санитар вышел во двор и прикрикнул на загорающих молодых солдат. Бойцы нехотя погасили окурки и потянулись к ангару. В углу у забора стояли и лежали гробы, чуть в сторонке – цинковые ящики. У ребят началась работа. Неприятная, тоскливая. От такого каждодневного труда действительно очень даже легко свихнуться.

Я спросил угрюмого сержанта:

– Ты здесь постоянно или на время прикомандирован?

– Я постоянно. Уже почти год тут загружаю «Черный тюльпан». А пацаны после болезней прикомандированы. Выздоровливающие. От желтухи они очухались, но психику тут наверняка подорвут. Сейчас по стакану самогонки бабахнем и пойдем упаковывать и оформлять по адресам. Спиртик есть и бражка. Не хотите дерябнуть? – вежливо предложил сержант.

– Ты меня удивляешь! Жара! Трупы! После всего увиденного боюсь, что сразу вывернет мой ослабленный желудок наизнанку. Как ты сам-то выдерживаешь, сержант? Покойники часто снятся?

Парень нервно махнул рукой и побрел к ангару...

Вернулись к батальону.

– Что с прапорщиком Колотовым? Нашли? – спросил я у Шкурдюка, отходя от штабных машин.

– Нет, – ответил Сергей.

– Кто видел, что его убили?

– Афоня. Он говорит, что Колотова очередью прошило сверху донизу. Юрка заметил ДШК и решил зайти сбоку, захватить трофей. Прошел с двумя бойцами. Одного из них ранило, перебиты обе ноги. Афоня его вытащил. А к технику и второму убитому солдату было не подползти. Они лежали в десяти метрах от пулемета. Сам ведь знаешь, Никифорыч, людей было мало. Двадцать человек ранено! – виновато ответил Шкурдюк.

– И двенадцать трупов! Такого полтора года не было, со времен гибели группы Масленкина! – воскликнул я и от досады хлопнул себя по лбу кулаком. Голову и так ломило, в ушах звенело, виски сжимало тисками. Опять сегодня контузило...

...Юрку жалко. Всех жалко, но Юрку особенно. Он был моим инструктором в училище. Черт дернул одолжить ему полтинник на прошлой неделе. Ведь зарекался! Как кому дашь займы, так этого человека и убивают. Но если б Юрка не взял в долг, наверное, все равно бы погиб. Видно, у каждого своя судьба...

Вернувшихся из «зеленки» офицеров вызвал в свой кабинет комдив. Мы сели на две БМП и помчались в штаб дивизии получать нагоняй.

А в чем мы виновны? В том, что начальство пошло на глупый договор с «духами»? Что враги начальничков обманули? В том, что противник бросил в бой школу гранатометчиков для проведения учебных стрельб по малочисленной мотострелковой колонне? Что пятьдесят гранатометчиков лупили по нам из гранатометов как из автоматов, не жалея боеприпасов? Не мы «духам» подсказали, когда и куда идем...

В результате подбит танк, тягач, дотла сгорели КамАЗ и БМП! Еще восемь бронемашин получили пробоины, а нам даже оборону было не с кем занять, без пехоты, без солдат! Три километра сплошного огня! Вошли шестьдесят, а на своих ногах вышли двадцать восемь человек. И все для того, чтобы провести колонну из шести машин. Один идиот создает посты и заставы в центре «зеленки», а другой, не умнее, договаривается о перемирии. Можно сказать, что такими действиями заранее предупредили наших противников о проведении операции. Могли бы еще в штаб мятежников телеграмму послать с уведомлением о наших действиях. А напоследок какой-то штабной стратег распорядился идти на боевые без достаточных сил! Привыкли на картах стрелки рисовать да донесения писать. Показушники!

– Как вы могли? – воскликнул при виде нас новоиспеченный генерал. Звание генерал-майора командир дивизии получил ко Дню Победы. А эти потери испортили торжество. Сорвали мы ему запланированный банкет.

Начальник политотдела сидел, откинувшись в кресле, и тупо смотрел в потолок, находясь в глубокой прострации. Шок от случившегося сразил полковника наповал. Севостьянов тяжело дышал и громко вздыхал.

– Что за бардак был во время прохода колонны к заставе? – продолжал громко выговаривать нам красивым, хорошо поставленным голосом командир дивизии. При этом он почему-то все время смотрел на меня. – Откуда такая беспомощность?

Грязные, пропыленные, измученные, мы выглядели убого рядом с холемым генералом. Новый комбат стоял, потупив взор, в сторонке, будто его это не касалось. Зампотех вообще не поехал на экзекуцию, а остался возле техники. Держать удар пришлось мне и офицерам роты. Ильшат Гундуллин перед рейдом только принял дела у Острогина (Сергея в полку подписывал бумажки, рассчитывался с имуществом, собирался домой, и вот такая беда)...

– Эх вы! – воскликнул генерал. – Вояки хреновы!

– В чем наша вина? – отозвался я, не выдержав упреков.

Во мне все клокотало, слова и фразы рвались помимо моей воли. Я вновь потерял контроль над собой, и от гнева меня качало. Глаза застилал туман, из них брызнули слезы досады и жалости к погибшим.

– Так в чем мы все виноваты? В том, что на каждые сто метров было по два-три человека и бронемашина? Что по каждой БМП стреляли три-четыре гранатометчика? Почему вы на нас натравили «духов» со всех окрестностей?

– Товарищ старший лейтенант! Приказываю замолчать и не пререкаться! Виноваты! Не уберегли солдат и не оправдывайтесь!

– А я и не оправдываюсь! Мне сегодня целый день дико везло! Я увернулся от миномета, не попали в меня четыре автоматчика! Я самолично под огнем с сержантом вынес двух убитых и спас двух раненых. За собой никакой вины не чувствую. Не я организовал эту бойню, не я спланировал. Я только свою дурную башку под пули подставлял!

– Ростовцев, успокойся, – подал из кресла голос Севостьянов. – Вас конкретно не обвиняют. Но кто-то ведь виноват!

Я внимательно посмотрел на него, и, думаю, начпо по моим глазам понял, кого я считаю главным виновником разыгравшейся трагедии... В этот момент напряженную тишину разорвала громкая телефонная трель аппарата «ЗАС». Командир дивизии подошел к телефону и задумался на секунду. Он быстро причесал расческой волосы, резко поднял трубку и произнес:

– Слушаю, товарищ командующий. Так точно, товарищ командующий! Так точно! Так точно! Это будет для всех нас суровым и жестоким уроком. Так точно! Я готов понести наказание. Так точно! С себя вины не снимаю, – генерал положил трубку на рычаг, аккуратно вытер пот платком, поправил еще раз пробор и тихо сказал: – Все свободны. Написать объяснительные. Комбату и замполиту составить донесения. Сдать бумаги в штаб дивизии.

Мы вышли от генерала и в разных кабинетах отдельно друг от друга описали ход боя. Перечислили потери, указали, кто, где и при каких обстоятельствах погиб. Я, кроме того, отметил отличившихся в этом бою и достойных правительственных наград.

В итоге никого, конечно, не наградили. Гробы сколочены, тела уложены, цинки запаяны. Ордена – только погибшим и раненым. Бой закончен – и отдыхайте до следующего рейда. Пушечное мясо – оно и есть пушечное мясо...

Вот и все! Замена! Прощайте, горы! Сколько же здоровья здесь угроблено! В последний раз я сплю на камнях, завернувшись в спальный мешок, в обнимку с автоматом. В последний раз пью из жестянки чай, вскипяченный на костерке. Никогда больше в жизни не пойду в горы с нагруженным вещмешком. Не придется впредь пить воду, экономя каждый глоток. Надеюсь, не суждено в дальнейшей жизни неделями скитаться пыльным и грязным, выполняя чей-то приказ. Зачем же я сюда все-таки отправился? Глупость, может быть, но главное, что никто и никогда не сможет упрекнуть меня, будто я отсиживался в тылу, когда другие воевали в Афгане! Что я тут приобрел? Две контузии, тепловой удар, стертые до задницы ноги, рассыпающиеся зубы, испорченный желудок.

Но основная задача выполнена – возвращаюсь живым!

Не грабил, не мародерствовал, не зверствовал, не издевался, не убивал в мирное время. Солдат берег, воевал, на мой взгляд, честно...

Самолет разогнался по бетонке и резко взмыл в воздух. Пилот круто закладывал вираж за виражом, и после трех прощальных кругов над Кабулом машина устремилась на север. После набора высоты лайнер взял курс домой, в Ташкент! Двигатели надрывно гудели на пределе мощностей, поднимая машину выше и выше в небо. Ил-76 шел на подъем, задрал нос в небо. Так здесь всегда взлетают. Нет плавного горизонтального подъема, а только резко вверх, на пределе возможностей. Авиалайнер сыпал «отстрелами» (световыми ракетами) во все стороны,

чтобы отвести от корпуса и двигателей возможный пуск «Стрелы» или «Стингера». Не хочется мне на прощание получить такой подарок от «духов»...

Долетели! Вернулся! Выжил!..

**Сокращенный вариант трилогии. В полном объеме книга
напечатана в издательстве «Центрполиграф» в 2013 году
(«Рейдовый батальон», «Бой под Талуканом», «Конвейер смерти»)**

